

Отв. редактор:

Д-р ист. наук проф. *В. П. Зиновьев* (Томский государственный университет).

Рецензенты:

д-р ист. наук проф. кафедры отечественной истории ГФ НГУ *И. С. Кузнецов*;
д-р ист. наук проф. зам. дир-ра Института истории СО РАН по науке *С. А. Красильников*; д-р ист. наук зав. сектором Института истории СО РАН *Д. Я.*

Резун

Ш 59 Шиловский М. В.

Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в.— Новосибирск: «Сова», 2008.—270 с.
ISBN 978-5-87550-113-5

Монография впервые в отечественной историографии анализирует основные этапы истории сибирского областничества — общественно-политического и культурного движения части местной интеллигенции, рассматривающей регион в качестве специфической области российского государства. Оно проделало длительную эволюцию, развивая на каждом из этапов своего существования концепцию территориальной самостоятельности Сибири во главе с территориальным представительным органом — областной думой, наделенной комплексом полномочий, аналогичных компетенции штата в федеральной системе США. В работе раскрывается вклад в областническую теорию его лидеров — А. П. Щапова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, А. В. Адрианова, Вл. М. Крутовского, И. И. Серебренникова, Н. Н. Кузьмина и др.

Областников по праву можно считать родоначальниками регионализма применительно к российским условиям; они разработали оригинальные подходы к проблеме освоения природных богатств Сибири; дали обоснованный ответ на вопрос об эффективности каторги и ссылки, и как средства освоения («штрафной колонизации») территории, и как метода перевоспитания преступников: активно выступали в защиту интересов аборигенного населения.

Монография предназначена для всех интересующихся историей Сибири второй половины XIX — начала XX в., включая и насыщенный событиями период социального катаклизма 1917-1920

© Шиловский М. В., 2008

© ИД «Сова», оформление, 2008

ISBN 978-5-87550-113-5

Введение

Существенное воздействие на внутреннюю жизнь Сибири второй половины XIX — первых двух десятилетий XX в. оказало сибирское областничество как система взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона, рассматриваемого в качестве специфической области в составе российского государства, а также как общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать эти взгляды. Оно проделало длительную эволюцию, развивая на разных этапах своей истории концепцию территориальной самостоятельности Сибири, наделенной комплексом полномочий, аналогичных компетенции штата в федеральной системе США.

Дважды — во время зарождения в первой половине 1860-х гг. и в период социального катаклизма 1917-1920 гг. — областничество выдвигало программу создания государственного образования на востоке России. В первый раз — с целью быстрой реализации замыслов революционеров-демократов о вооруженном свержении самодержавия; во второй — под лозунгом формирования однородно-социалистического правительства как противовеса большевистской диктатуре.

Областническая теория активно разрабатывалась видными учеными, публицистами, общественными деятелями: А. П. Щаповым, Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым, С. С. Шашковым, Н. И. Наумовым, А. В. Адриановым, М. В. Загоскиным, В. И. Вагиным, Вл. М. Крутовским, И. И. Серебренниковым, Н. Н. Козьминым, П. И. Головачевым, И. А. Якушевым и другими, оставившими заметный след в истории региона. Однако неоднократные попытки лидеров областничества перейти к практическим действиям и создать собственную общесибирскую организацию успеха не имели. Активное использование теоретических наработок и лозунгов дви-

жения, в частности в 1917-1920 гг., стало возможным благодаря их поддержке со стороны различных организаций и группировок, прежде всего эсеровских, для идеологического обоснования «демократической» контрреволюции.

Областников по праву можно считать родоначальниками концепции регионализма применительно к российским условиям: они разработали оригинальные подходы к освоению природных богатств Сибири; дали обоснованный ответ на вопрос об эффективности каторги и ссылки и как средства освоения (штрафной колонизации) территории, и как метода перевоспитания преступников; активно выступали в защиту интересов аборигенных этносов. Из одних названий книг Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», «Русская община в тюрьме и ссылке», «Сибирские инородцы: их быт и современное состояние» можно составить представление о поднятой ими проблематике. Сторонники движения внесли существенный вклад и в развитие науки, становление периодической печати и формирование элементов гражданского общества. Одним словом, без анализа рассматриваемого явления невозможно исчерпывающим образом представить историю Сибири второй половины XIX — начала XX в.

История областничества имеет существенное значение с точки зрения изучения партийных организаций и политических группировок в регионе. Областники активно взаимодействовали с народниками, либералами, эсерами, народными социалистами, кадетами, националистами, политическими ссыльными, стремясь стать объединяющим началом для всех их и претендуя на надклассовое выражение интересов всего населения Сибири. В свою очередь, программные положения и лозунги областнического движения сыграли значительную роль в оформлении с осени 1917 г. антибольшевистского блока.

Важной предпосылкой для проведения специального исследования областнического движения служит наличие в исторической литературе большого числа односторонних, противоречивых и неточных суждений, а также значительные лакуны в исследовательском поле, наконец, отсутствие обобщающих монографических работ. Еще в 1916 г. М. И. Альтшуллер замечал по этому поводу: «Из всего сказанного видно, что областничество являет такую туманную

картину, разобраться в которой с научной полнотой и знанием под силу только будущему историку сибирского областничества»¹.

Накопленный по любой изучаемой проблеме материал всегда оказывал определенное давление на новые разработки по нему, ставя перед историком нелегкую задачу — либо нейтрализовать это давление, либо использовать в нужном направлении. С этой точки зрения историография сибирского областничества производит двойственное впечатление. С одной стороны, имеется многочисленная и разнообразная исследовательская литература. Практически в каждом значимом сочинении по истории Сибири второй половины XIX — начала XX в. анализируются взгляды сторонников движения, их отношение к различным вопросам местной жизни. Соответствующее отображение областническая проблематика нашла в сообщающих историографических работах Н. В. Блинова, Л. М. Горюшкина, Н. А. Миненко, В. Г. Мирзоева, М. Е. Плотниковой, М. Б. Шейнфельда². Существенный вклад в разработку истории движения, биографий его лидеров внесли представители смежных гуманитарных наук — географы, краеведы, экономисты, этнографы, журналисты, литературоведы и др.

Необходимо иметь в виду, что большая часть специалистов, касавшихся областнической проблематики, специально ею не занималась и свои представления об этом сложном и многослойном явлении общественно-политической и культурной жизни региона формировала или на основе отдельных публикаций областников, пусть даже фундаментальных, не учитывая времени их появления и произвольно распространя содержащиеся в них выводы и характеристики на всю историю областничества, или заимствуя эти выводы и положения у предшественников сообразно собственным вкусам.

Интерес к истории областничества возник первоначально в среде самих сторонников движения и их союзников. Определенное место в их творческом наследии занимают очерки-некрологи — своеобразные обзоры жизненного пути сибиряков, внесших определенный вклад в формирование идеологии и практики областничества. Значительное количество публикаций касалось биографии рано ушедшего из жизни (1894) Н. М. Ядринцева³. Большинство работ, посвященных Г. Н. Потанину, были приурочены к его 80-летнему юбилею, широко и торжественно отмечавшемуся осенью 1915 г.⁴

Они носили панегирический характер, и лишь в статье А. В. Адрианова⁵ содержалась попытка показать роль юбиляра на всех этапах истории областничества, его заслуги как политического наставника Н. М. Ядринцева. Очерковый характер носили публикации, анализировавшие жизненный путь других видных сторонников движения: А. П. Шапова, М. В. Загоскина, Н. И. Наумова⁶.

Первые попытки осмыслить отдельные этапы областнической истории предпринимаются Г. Н. Потаниным в публицистических работах начала XX в.⁷ Они являются ценным источником по истории областничества последнего этапа, но в то же время содержат сведения по предшествующим периодам. В частности, по его мнению, на протяжении всей своей деятельности областничество имело исключительно культурнический и либеральный характер. Сторонники движения и их союзники обратили внимание на участие областников в кампании за введение земства в Сибири и попытку создания Сибирского областного союза осенью 1905 г.⁸ При этом в фундаментальном исследовании М. И. Альтшуллера появляются элементы критического отношения к деятельности областников. Он указал на нечеткую разработку программных положений Сибирского областного союза. Касаясь истории его создания, В. И. Анучин первым отметил, что «рожденный областниками союз при определенно областнической программе сам по себе не был областническим, ибо в него немедленно вошли люди самых разнообразных политических воззрений»⁹.

Интерес к истории анализируемого явления резко возрос в период социального катаклизма 1917-1920 гг. При этом происходит смена акцентов: движение начинают квалифицировать как политическое и сепаратистское с самого момента его зарождения¹⁰. В серии публикаций основное внимание уделялось двум наиболее ярким периодам областнической истории—первой половине 1860-х гг. и времени Первой русской революции¹¹. Вс. М. Крутовский, К. В. Дубровский и С. Жидиловский, сообразно своей политической ориентации, определяют областничество второй половины XIX в. как разновидность народничества. Его сторонникам отводится лидирующая роль в попытке создания Сибирского областного союза в 1905 г. По мнению большинства перечисленных авторов, всю историю областничества до

1917 г. нужно рассматривать как культурный сепаратизм, отличая его от политического, определявшего содержание движения со времени победы Февральской революции.

Заключительным аккордом собственно областнической историографии движения являются работы его сторонников, написанные в эмиграции, и исследования С. Г. Сватикова¹². В статьях бывшего председателя Сибирской областной думы И. А. Якушева речь идет не об областниках, а об использовании их лозунгов «демократической» контрреволюцией в борьбе за власть. В них содержится уникальная с этих позиций информация по областным съездам 1917 г., истории Сибирской областной думы (1918) и ее полной драматизма борьбе со своим «детищем» — Временным Сибирским правительством.

Что касается монографии С. Г. Сватикова, то до сих пор она является единственным исследованием, в котором анализируется областническая история от самого ее начала вплоть до конца Первой русской революции. Работа представляет самостоятельное и оригинальное исследование, в основе которого лежит стремление автора связать генезис областничества с эволюцией российского освободительного движения. Одним из первых он тщательно изучил процесс взаимоотношений областников с представителями различных политических движений и партий. Он первым показал сотрудничество сторонников движения с организациями либеральных и социалистических партий, начавшееся в 1905 г. Ему же принадлежит приоритет в установлении определенного взаимовлияния кадетов, эсеров и областников, хотя он явно преувеличивает роль последних в этом альянсе. Не получил подтверждения вывод Сватикова о союзе областников с октябристами. Общее положительное впечатление о монографии смазывается панегирическим подходом автора к объекту изучения. Отмечая провал попыток сторонников движения повести за собой население региона, он не смог выявить причины неудачи даже на том уровне, как это сделал Г. Н. Потанин.

Однако перечисленные публикации не повлияли на формирование и развитие советской историографии проблемы: спрятанные в спецхраны, они стали доступными для историков только с 1960-х гг.

Первые характеристики областничества с марксистских позиций относятся к началу XX в. и принадлежали Д. И. Зайцеву, В. А. Ватину (Быстряному), М. К. Ветошкину, В. Е. Воложанину, Н. Ф. Чужаку (Насимовичу) и В. Н. Соколову (Мих. Садко). Отвергая претензии его идеологов на надклассовое выражение интересов всей Сибири, они рассматривали движение как разновидность либерализма, представлявшего интересы местной буржуазии в течение всей его истории¹³.

С середины 1920-х гг. отечественные историки выступили с рядом исследований, посвященных возникновению областнического движения, формированию его идеологии, деятельности его сторонников в 1860-1890 гг., биографиям Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, А. П. Шапова и др.¹⁴ При этом часть авторов (Г. В. Круссер, А. П. Бородавкин, Б. П. Козмин, М. Г. Сесюнина) вслед за социал-демократическими публицистами начала XX в. рассматривали всю историю анализируемого явления в рамках процесса сотрудничества буржуазии и интеллигенции региона, а само областничество квалифицировали как разновидность буржуазного либерализма.

Другая группа специалистов (М. А. Гудошников, Н. Степанов, Я. Р. Кошелев, С. Ф. Коваль, В. Г. Мирзоев) настаивала на эволюции областничества от революционной демократии к буржуазному либерализму, объявляя его частью российского общественно-политического движения данного времени.

Промежуточное положение в дискуссии заняли А. Н. Терентьев и М. К. Ветошкин, заявлявшие, что областники изначально разделились на народническое направление во главе с Н. М. Ядринцевым и либеральное под руководством Г. Н. Потанина¹⁵.

Значительно слабее рассматривалось областничество с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г.¹⁶ И. Г. Мосина, Н. В. Блинов, Л. А. Жадан и М. Б. Шейнфельд характеризовали движение с начала XX в. как разновидность либерализма. Но первые три исследователя уточняли: либерализма, идейно и организационно сомкнувшегося с кадетами, а последний его своеобразие видел в специфике взаимоотношений его сторонников с кадетами (не сливались с ними, но и не противостояли им) и неонародниками (со

здавались определенные точки соприкосновения)¹⁷, хотя прямо не заявлял о сосуществовании в движении либеральных и народнических тенденций.

Более активно исследовалось участие областников в политических процессах периода социального катаклизма 1917-1920 гг.¹⁸ При этом фиксировались их связи с эсерами и кадетами. В публикациях И. М. Разгона, М. Е. Плотниковой, Е. Н. Бабиковой произошло четкое размежевание областничества как течения общественно-политической мысли с определенной программой и набором лозунгов и его сторонников, свободных в выборе политической принадлежности. Эти авторы показали, что программу областников использовали эсеры, а сами областники ушли к кадетам. Помимо концептуальных подходов, перечисленные выше авторы вслед за В. Д. Вегманом обратились собственно к истории областничества в 1917 г. Вместе с тем основные выводы формулировались исходя из общих представлений исследователей по истории Октября и анализируемого движения.

Принципиально ситуация не менялась до конца 1980-х гг. Концентрированным выражением традиционного подхода к областничеству в 1917-1920 гг. стал выпущенный в 1987 г. под общей редакцией И. М. Разгона двухтомник «Победа Великого Октября в Сибири». Позиция авторского коллектива в этой области четко изложена во введении. Во-первых, «авторы... полагают, что с первых дней своего существования сибирское областничество было не революционно-демократическим, а либерально-буржуазным движением». Во-вторых, «идею сибирского областничества в 1917-1918 гг. подхватила партия эсеров. Некоторые историки рассматривают попытки эсеров Сибири создать Сибирскую областную думу, сформировать Сибирское правительство как проведение в жизнь идей областничества. В деятельности Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства, созданного Думой, видят стремление к созданию самостоятельной республики Сибирь. Нельзя согласиться с такой оценкой. Сибирское областничество, возглавляемое эсерами, не являлось движением, действительно направленным к тому, чтобы осуществить идеи областников-потанинцев кануна буржуазно-демократической революции — создать самостоятельное сибирское государство. Областничество эсеров было тактическим ходом, связан-

ным с попыткой недопущения развития пролетарской революции в Сибири, победы в ней Советской власти. Об этом говорит вся деятельность эсеров-областников в 1917 г., в период Временного Сибирского правительства»¹⁹.

До сих пор не решен вопрос, кого считать областником и как определять их партийную принадлежность начиная с 1905 г. Зачастую всё движение ассоциируется с именами Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Так, А. П. Бородавкин четко отделил С. С. Шашкова от областничества как движения либерального и отнес его к плеяде русских революционеров-демократов²⁰. А. И. Чернова причислила М. В. Загоскина к последователям «сибирского патриотизма» с неопределенной программой. Так же выглядит ситуация с Н. И. Наумовым²¹. Поразительная эклектика наблюдалась при определении партийной принадлежности лидеров областников в 1917—1919 гг. Например, А. И. Касьянов, П. С. Парфенов, А. Н. Резниченко причисляют П. В. Вологодского к эсерам, авторы биографической справки в «Сибирской советской энциклопедии» признают его принадлежность к ПСР только до 1917 г., М. Е. Плотникова и В. В. Гармиза полностью отрицают причастность главы Временного Сибирского правительства к эсеровской партии. Г. З. Иоффе квалифицирует его как полукадета, полуэсера. Близок к этому Ю. В. Журов, который считает указанное лицо «кадетом по политическим взглядам, до революции примыкавшим к правым социалистам-революционерам». Наконец, И. М. Разгон категорично настаивает на принадлежности Вологодского к кадетам²².

Отметим еще одну закономерность, присущую освещению областнической истории в советское время. В многочисленных публикациях выдерживался своеобразный двойной стандарт, когда актив движения (Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, Вл. М. Крутовский, И. И. Серебренников, Н. Н. Козьмин и др.) подавался, с одной стороны, с безупречной репутацией ученых-подвижников, а с другой — с либеральной физиономией общественных деятелей, пришедших в конце своего жизненного пути в лагерь контрреволюции. Более того, робкие попытки разобраться в деталях их политической карьеры, объяснить политическую позицию общим неприятием большей частью российской интеллигенции советской власти, поставить под

сомнение обвинения в контрреволюционности воспринимались чуть ли не как попытка «реабилитации областников-потанинцев» и «искажение исторической действительности»²³.

С конца 1980-х гг. историографическая ситуация коренным образом изменяется. С одной стороны, интенсивно начинает изучаться история организаций различных политических партий в Сибири с момента их оформления и до конца Гражданской войны²⁴. С другой стороны, практически прекратилось, если судить по публикациям, изучение деятельности большевиков региона в 1917—1919 гг. Было существенно пересмотрено отношение к областничеству, в том числе и в плане определения его общественно-политической направленности. Отраднo, что уже в 1987 г. в учебном пособии по истории Сибири, подготовленном историками Томского университета, Л. Г. Сухотина квалифицировала раннее областничество как вобравшее «черты общероссийского революционно-демократического движения», а впоследствии трансформировавшееся «в либерально-реформистское движение»²⁵. На принципиально новом уровне продолжилась разработка биографий идеологов и активных участников движения²⁶. Появились первые обобщающие исследования, в основном автора данной монографии, по отдельным этапам истории сибирского областничества²⁷. Наконец, рассматриваемое явление совсем недавно стало предметом библиографического изучения²⁸.

Произведенный историографический обзор дает основания утверждать об отсутствии обобщающих работ по истории сибирского областничества и неравномерности изучения ее отдельных периодов. Общее состояние разработки проблемы очень сильно зависит от положения дел в исследовании общественно-политической жизни Сибири второй половины XIX первых двух десятилетий XX в. Все это говорит о настоятельной необходимости комплексной разработки истории областничества.

Формирование источниковой базы истории областничества целенаправленно начали осуществлять сами участники движения. В 1902 г. Т. М. Фарафонтова по поручению Г. Н. Потанина, начала разбирать архив Н. М. Ядринцева в Иркутске. Близкое окружение Потанина в Томске («потанинский кружок») тщательно собирало материалы, отражавшие деятельность последнего, составившие впо-

ледствии его личные фонды в ряде архивов Москвы, Иркутска и Томска. В организованном Вл. М. Крутовским журнале «Сибирские записки» за 1916-1919 гг. публиковались фрагменты переписки Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева 1870-х гг.

Источники по истории областничества как течения общественной мысли и движения имеют свою специфику. Основной массив информации по проблеме можно условно разделить на следующие группы: произведения сторонников движения и связанных с ними лиц (научные, научно-популярные, публицистические, художественные, переписка, мемуары), периодическая печать, следственные и информационные источники (официальная переписка, стенограммы, протоколы, обзоры и т. д.). Второстепенную роль играют справочные, статистические и делопроизводственные материалы.

Лидеры движения оставили колоссальное литературное наследие. Далеко не полная библиография публикаций Н. М. Ядринцева в повременных изданиях, составленная Т. М. Фарафоновой, насчитывает 139 работ. Общее число книг и статей Г. Н. Потанина, по подсчетам академика В. А. Обручева, приближается к 235²⁹. Областники внесли существенный вклад в дело изучения Сибири как историки, географы, этнографы, фольклористы, археологи, археографы, экономисты. Общероссийскую популярность имели литературные произведения А. П. Щапова, С. С. Шашкова, Н. М. Ядринцева, И. В. Федорова-Омулевского, Н. И. Наумова.

Значительное положение среди их произведений занимает эпистолярное наследие. В личной переписке авторы открыто высказывали свое отношение к различным вопросам, давали оценку событий и т. д. Письма, тем более отложившиеся за длительный период, позволяют проследить эволюцию взглядов авторов; зачастую только из писем можно узнать о существенных событиях в жизни человека, о его симпатиях и антипатиях. При характеристике этого вида источников нужно иметь в виду, что переписка в жизни интеллигенции того времени играла особую роль. Тогда письмо было формой человеческого общения, это письма-размышления, внутренние монологи... Сейчас это просто сухой обзор новостей. Среди всего эпи

столярного массива особое место принадлежит письмам Г. Н. Потанина, пятитомное собрание которых подготовлено в Иркутском университете. Оно включает 731 письмо, подавляющее большинство из которых ранее не публиковались³⁰.

Значительная, подчас уникальная информация о разных сторонах деятельности областников содержится в воспоминаниях и дневниках сторонников движения и лиц, соприкасавшихся с ними. Значение мемуаров как средства пропаганды своих взглядов лидеры областничества поняли в самом начале своей общественной деятельности. Одним из первых произведений Г. Н. Потанина стали заметки о годах учебы в Омском кадетском корпусе³¹. Неоднократно к воспоминаниям о различных периодах жизни возвращался Н. М. Ядринцев. Самой распространенной разновидностью мемуаров в творческом наследии областников являлись некрологи, очерки-зарисовки, посвященные памяти выдающихся сибиряков, основу которых составляли личные впечатления авторов.

Ведущее положение не только среди мемуаров, но и во всем корпусе источников по истории областничества занимают «Воспоминания» Г. Н. Потанина, пожалуй, самое яркое и фундаментальное (около 40 печатных листов) из произведений из подобного рода, созданных в регионе до 1917 г. «Воспоминания» публиковались фрагментами в томской газете «Сибирская жизнь» с 1913 по 1916 г. и приурочивались к 80-летию юбилею автора. Всего увидело свет свыше 60 фрагментов, сведенных Н. Н. Яновским в два тома³².

Мемуары Потанина имеют определенную специфику, в частности, связанную с тем, что они были продиктованы фактически ослепшим автором. Не имея возможности опираться на дневниковые записи, переписку, документы, книги, он руководствовался исключительно своей памятью. Однако сопоставление «Воспоминаний» с другими источниками дает основание сделать вывод о том, что они достаточно полно воспроизводят события прошлого, хотя от времени написания их отделяло от 60 до 20 лет. Названное произведение представляет большой научный интерес как уникальный источник по истории зарождения и эволюции областничества в 1860- 1890-е гг., обстоятельно рассказывающий о деятельности сибирского земляческого кружка в Петербурге и после возвращения его

членов в Сибирь, о следствии над ними и пребывании в ссылке, об издании газеты «Восточное обозрение», о взаимоотношениях с политическими ссыльными и т. д. В мемуарах воспроизводится обширная портретная галерея, даются краткие характеристики лицам, внесшим большой вклад в общественно-политическую и культурную жизнь Сибири того времени. Значительная часть воспоминаний посвящена Н. М. Ядринцеву, его многообразной деятельности и трагической судьбе.

В настоящем исследовании, помимо мемуаров, использованы дневники В. И. Вагина за 1879-1900 гг., И. И. Серебренникова (1915-1919), В. Н. Пепеляева (1918-1919), П. В. Вологодского (1918-1919). А. П. Будберга, из которых частично опубликованы лишь три последних.

Отдельные эпизоды из истории движения, личные характеристики содержатся в воспоминаниях политических ссыльных и представителей местной интеллигенции — И. А. Малиновского, С. Л. Чудновского, С. П. Швецова, И. И. Попова, Л. Ф. Пантелеева, Д. А. Клеменца и др. Определенное представление о деятельности активных сторонников областничества в период социального катаклизма 1917-1920 гг. дают мемуары Вл. М. Крутовского, И. И. Серебренникова, И. А. Якушева, Л. А. Кроля, Г. Е. Катаная, Г. К. Гинса, В. Г. Болдырева и др., в том числе изданные в эмиграции.

Среди многообразия источников богатством фактического материала отличается периодическая печать. Именно в ней увидела свет основная часть произведений областников. Газеты зачастую являлись единственным источником информации о их практической деятельности. Достаточно широко они освещали общественно-политическую и культурную жизнь региона, программные положения различных политических партий, объединений и группировок. Да и сами эти организации с 1905 г. стремились иметь собственные периодические издания. Значение прессы как источника по истории общественно-политической жизни, частью которой являлось сибирское областничество, определяется еще и тем, что газеты и журналы были единственными легальными средствами массовой информации и политического воспитания на протяжении всего изучаемого времени.

Для сбора фактического материала были просмотрены примерно 150 наименований повременных изданий (более 250 годовых комплектов) за период с конца 1850-х гг. до 1924-1925 гг. Продолжительностью издания, объемом, информативностью газеты и журналы существенно отличались друг от друга. Например, газета «Восточное обозрение» выходила с 1882 до начала 1906 г., «Сибирская жизнь» с 1897 по 1919 г. С другой стороны, отдельные издания, особенно в 1905-1907, 1917-1919 гг., издавались иногда в течение нескольких недель и отложились в количестве 2-5 номеров.

Существенный массив фактического материала по теме извлечен из центральных и местных архивов. Прежде всего это личные фонды Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, И. И. Попова, В. И. Вагина, И. И. Серебренникова, М. В. Загоскина, В. И. Анучина, Н. И. Наумова, Г. Е. Катаная, В. Н. Пепеляева, П. В. Вологодского и других в архивохранилищах Москвы, Томска, Иркутска, Омска. Следующий массив архивных источников содержит материалы 3-го отделения, органов государственного управления, областных и губернских жандармских управлений и охранных отделений, судебных органов, где отложились материалы, связанные с отношением к областничеству движению органов политического сыска, государственного управления, а также изъятые у самих областников. В отдельных случаях они являются единственными источниками по отдельным эпизодам истории движения. В значительной степени благодаря документам Омской следственной комиссии 1865 г. (ГАОО, ГАНО) мы имеем достаточно полное представление об областнической истории конца 1850-х — первой половины 1860-х гг.

В поле зрения органов политического надзора областники попадали и позднее. Регулярное наблюдение за местными организациями всех политических партий, общественными, культурными и научными обществами давало определенный «улов», отложившийся в жандармских фондах в виде агентурных донесений, копий с перлюстрированных писем, показаний арестованных, изъятых при обысках прокламаций и других нелегальных изданий. Довольно часто в этих материалах встречаются фамилии видных деятелей областнического движения.

Большую ценность представляют фонды научных, научно-просветительных и общественных организаций, действовавших в Сибири до революции,— местных отделов Императорского Русского географического общества, отделов «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», обществ попечения о начальном образовании и других, где активно сотрудничали областники и в которых отложились переписка, протоколы собраний, разнообразные материалы, характеризующие позиции этих объединений по различным вопросам.

Разнообразные архивные материалы, относящиеся ко времени социального катаклизма 1917-1920 гг., сосредоточены в Государственном архиве Томской области. В фондах 552 (Первый сибирский областной съезд), 578 (Чрезвычайный общесибирский съезд), 72 (Сибирская областная дума) сохранились ценные документы (анкеты делегатов, протоколы и стенограммы заседаний, заявления фракций, переписка, резолюции и т. д.), раскрывающие деятельность и решения двух областных съездов в 1917 г., Сибирской областной думы в 1918-м, состав делегатов, борьбу различных группировок по обсуждаемым вопросам.

Комплекс архивных материалов хранится в бывшем спецхране ГАРФ (ф. 151 (Западно-Сибирский комиссариат), ф. 176 (Управление делами Российского правительства в Омске); личные фонды В. Н. - Пепеляева, П. В. Вологодского, а также фондообразования из архива русской эмиграции в Чехословакии — ф. 5869 (редакция сборников «Вольная Сибирь» в Праге) и ф. 5871 (личный фонд И. А. Якушева)). Документы этих фондов позволяют проследить историю Сибирской областной думы, выяснить позицию областников по различным вопросам. Другая группа источников (частная переписка, переговоры по прямому проводу, воспоминания, черновики неопубликованных работ и т. д.) дает представление об эволюции взглядов Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, П. В. Вологодского, Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского и др., их оценках политической ситуации. Они содержат ценные сведения о попытках реанимации областничества на заключительном этапе Гражданской войны в Сибири в связи с планами создания «Потанинского союза областников-автономистов».

Наконец, испартовские фонды архивов Новосибирска, Иркутска, Красноярска аккумулируют разрозненные документы раз-

личных политических группировок, в основном относящиеся к 1917—1919 гг. и в той или иной степени касающиеся темы исследования. Специфика формирования архивных фондов по данной теме заключается в том, что областники на протяжении всей своей истории не смогли создать собственных организаций, которые бы оставили после себя специальные фондообразования. Исключение составляет красноярская группа сторонников движения, или Красноярский отдел Сибирского областного комитета (с января 1919 г.— Красноярский союз сибирских областников-автономистов), документы о деятельности которого собраны в ф. 865 ГАКК.

Таким образом, мы имеем довольно значительный корпус источников, очень разнохарактерных по содержанию, разнотипных по форме, к тому же дисперсно рассеянных в громадной совокупности материалов. Они составляют солидную источниковую базу, достаточную для освещения узловых событий областнической истории, и позволяют решить поставленные исследовательские задачи. Вместе с тем в ряде случаев недостаток источников или их полное отсутствие заставляют делать гипотетические предположения или прибегать к методу экстраполяции.

Периодизация областнического движения содержится в названиях глав. Она была обоснована в одной из наших публикаций³³.

Учитывая научную значимость и состояние разработки проблемы, автор поставил следующие задачи:

— исследовать процесс формирования и эволюции взглядов сторонников движения на актуальные вопросы внутренней жизни Сибири, выявить их специфику в разное время, определить персональный состав областнического актива;

— проследить взаимоотношения областников с различными общественно-политическими движениями, объединениями и группировками;

— рассмотреть попытки сторонников движения, направленные на реализацию своих программных установок, на их пропаганду и создание собственных организаций;

— проанализировать на этой основе процессы, связанные с использованием наработок и лозунгов движения в начале XX в.

Примечания

- ¹ *Альтшуллер М. И.* Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 325;
- ² *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири: (Домарксистский период). М., 1970; *Шейнфельд М. Б.* Историография Сибири (конец XIX — начало XX в.). Красноярск, 1973; *Блинов Н. В.* Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974; *Плотникова М. Е.* Советская историография Гражданской войны в Сибири. Томск, 1974; *Горюшкин Л. М.* Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.
- ³ *Глинский Б. Б.* Николай Михайлович Ядринцев. М., 1895; *Семевский В. И.* Несколько слов памяти Н. М. Ядринцева // Русская мысль. 1895. № 1; *Баимов Г.* Несколько слов памяти Н. М. Ядринцева // Сиб. сб., Иркутск, 1901. Вып. \Лемке М. К. Николай Михайлович Ядринцев: Биографический очерк к 10-летию со дня кончины (1894-1904). СПб., 1904; *Михайловский Н. К.* К характеристике Н. М. Ядринцева // На сибирские темы. СПб., 1905; *Дубровский К. В.* Рожденные в стране изгнания. Пг., 1916.
- ⁴ *Вологодский П. В.* Г. Н. Потанин (как публицист Сибири и общественный деятель). Томск, 1915; *Шатилов М. Б.* На славном посту // Сиб. студент. Томск, 1915. Лб 1; *Смолин В.* Григорий Николаевич Потанин (по поводу 80-летия со дня рождения). Казань, 1916; *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин: Краткий очерк его жизни и научной деятельности // Природа. 1916. № 1. С. 70-88; *Сидельников А. Н.* Григорий Николаевич Потанин (ко дню 80-летия жизни) // Зап. ЗСОИР-ГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 1-11; *Дубровский К. В.* Рожденные в стране...
- ⁵ *Адрианов А. В.* К биографии Г. Н. Потанина // Сб. к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915.
- ⁶ *Успенский Г. А.* А. П. Шапов // Сиб. газета. Томск, 1888. 22 июля; *Знаменский П. К.* биографии А. П. Шапова // Ист. вестн. 1899. № 2; *Серебренников А. М.* К биографии А. П. и О. И. Шаповых // Первый литературный сборник сибиряков. Томск, 1906; *Козьмин Н. Я. М. В.* Загоскин и его значение в истории развития сибирской общественности: (Из истории областного движения) // Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; *Потанин Г. Н.* Юные годы Н. И. Наумова // Сиб. жизнь. Томск. 1903. 6 дек.
- ⁷ *Потанин Г. Н.* Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907; *Он же.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние, ее нужды. СПб., 1908.
- ⁸ *Малиновский И. А.* Накануне земства в Сибири // Вестн. Европы. 1910. № 12; *Сб. о земстве в Сибири.* СПб., 1912; *Анучин В. И.* Сибирское областничество // Сиб. студент. 1915. № 1-2; *Альтшуллер М. И.* Земство в Сибири.

⁹ *Анучин В. И.* Сибирское областничество. С. 71.

¹⁰ *Козьмин Н. Н.* Областничество // Сиб. зап. Красноярск, 1918. № 1. С. 50.

¹¹ *Дубровский К. В.* От идеалов к действительности: (Областническая идея в прошлом и настоящем). Иркутск, 1917; *Колосов Е. Е.* Молодое народничество 60-х годов, Сибиряки в общероссийском социально-революционном движении // Сиб. зап. 1917. № 2; *Юрцовский Н. С.* Земство в Сибири. Тобольск, 1917; *Крутовский В. М.* Из истории сибирского областничества // Сиб. зап. 1917. № 1; *Шилов А. А.* «Общество независимости Сибири» // Вольная Сибирь. Пг., 1918. 17 февр., 3, 18, 23 марта; *Жидиловский С.* Николай Михайлович Ядринцев // Сиб. рассвет. Барнаул. 1919. № 9.

¹² *Серебренников И. И.* Сибиреведение. Харбин, 1920; *Якушев И. А.* Григорий Николаевич Потанин: (Его политические взгляды и общественно-политическая деятельность) // Вольная Сибирь. Прага, 1927. Вып. 1; *Он же.* Очерки областного движения в Сибири // Там же. Прага, 1929. Вып. 5-7; *Сватиков С. Г.* Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1930; *Он же.* Шапов и сибирский кружок в Петербурге. Деятельность сибирского кружка на родине // Вольная Сибирь. Прага, 1930, № 8; *Serebrennikov I. I.* The Siberian *autonomous movement and its future* // Pacific Hist. Rev. 1934, Vol. 3.

¹³ *Зайцев Д.* Общественное движение в Сибири // Образование. 1906. № 3; *Соколов В. Н.* (Мих. Садко). О демократизме сибирском // Сиб. мысль. Иркутск, 1911. 21 июля; *Чужак Н. Ф.* О сибирской и иносибирской интеллигенции // Сиб. архив. Иркутск, 1913. № 5; *Ветошкин М. К.* Сибирское областничество // Современный мир. 1913. № 3; *Ватин В. А.* К юбилею областничества // Сиб. архив. Минусинск, 1915. № 12; *Воложанин В. Е.* Из истории сибирского областничества // Утро Сибири. Томск, 1917. 14, 15, 18 янв.

¹⁴ *Круссер Г. В.* Сибирские областники. Новосибирск. 1931; *Гудошников М. А.* Классовая природа областничества // Будущая Сибирь. Новосибирск, 1931. № 1; *Терентьев А. Н. М.* Ядринцев // Сиб. огни. Новосибирск, 1934. № 6; *Степанов Н. П. А.* Словоцов. Л., 1935; *Козьмин Б. Л. А. П.* Шапов в Сибири // А. П. Шапов в Иркутске. Иркутск. 1938; *Бородавкин А. П. С. С.* Шишков как историк Сибири // Тр. Томск. гос. ун-та. 1957. Т. 136; *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика в Сибири. Томск, 1962; *Митина Н. П.* «Во глубине сибирских руд». М., 1966; *Коваль С. Ф.* Характер общественного движения 60-х годов XIX века в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967; *Лалин И. А.* Революционно-демократическое движение 60-х годов XIX века в Сибири. Свердловск, 1967; *Слабкий А. С.* Жизненный путь С. С. Шашкова. Харьков, 1967; *Горюшкин Л. М.* Сибирские областники // Советская ист. энцикл. М., 1969. Т. 12. С. 824; *Коржавин В. К. Яновский Н. Н., Мирзоев В. Г.* К характеристике сибирского областничества //

Сиб. огни. 1971. № 12; *Сесюнина М. Г.* Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества второй половины XIX века. Томск, 1974.

15. *Терентьев А. Н.* М. Ядринцев, С. 132, 135; *Ветошкин М. К.* Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947. С. 10.

¹⁶ *Блинов И. В.* Очерки дореволюционной историографии... С. 22; *Шейнфельд М. Б.* Историография Сибири; *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978; *Жадан Л. А.* К вопросу об идеологии сибирского областничества (1907-1916) // Из истории общественно-политической жизни в Сибири. Томск, 1981; *Она же.* Из общественно-политической деятельности сибирского областничества в 1907-1927 гг. // Из истории буржуазии Сибири, Томск, 1982.

¹⁷ *Шейнфельд М. Б.* Историография Сибири. С. 88.

¹⁸ *Шиловский М. В.* Сибирские областники в 1917 г.: к историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков; Мат-лы Всерос. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 88-99.

¹⁹ *Победа* Великого Октября в Сибири. Томск, 1987. Ч. 1. С. 13-14.

²⁰ *Бородавкин А. П.* С. С. Шашков как историк Сибири. С. 210.

²¹ *Чернова А. И.* Общественно-политическая деятельность М. В. Загоскина // Из истории просвещения Восточной Сибири. Иркутск, 1972. С. 99; *Кожевников С. Е.* Николай Иванович Наумов. Новосибирск, 1952. С. 6, 28.

²² *Парфенов П. С.* Гражданская война в Сибири 1918-1920. М., 1925. С. 74; *Резниченко А. Н.* Начало Гражданской войны в Сибири. Борьба большевиков против меньшевистско-эсеровской буржуазной диктатуры и 1918 г. // Боевые годы. Новосибирск, 1959, С. 41; *Касьян А. К.* Антинародная роль руководителей кооперации Западной Сибири в первый период Советской власти и Гражданской войны // Уч. зап. Омск. гос. пед. ин-та. 1962. Вып. 15. С. 61; *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1978. С. 197; Сибирская Советская энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стлб. 526; *Плотникова М. Е.* Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Тр. Томск. гос. ун-та. 1964. Т. 167. С. 58; *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 102-103; *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 305; *Журов Ю. В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 46; *Разгон И. М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Тр. Томск. гос. ун-та. 1968. Т. 214. С. 19, 20.

²³ *Разгон И. М., Познанский В. С.* Исследования в сибирском регионе комплексной проблемы «Великая Октябрьская социалистическая революция» // Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 175, 176.

24. *Толочко А. П.* Современная отечественная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001.

25. *История Сибири:* Учеб. пособие / Отв. ред. З. Я. Бояршинова. Томск, 1987. С. 326, 328.

26. *Маджаров А. С.* Афанасий Шапов. Иркутск, 1992; *Сагалаев А. М., Крюков В. М.* Г. Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991; *Чередниченко И. Г.* Николай Михайлович Ядринцев — публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999; *Кандеева А. Г.* Слово о Ядринцеве. Омск, 2000; *Дэвлет М. А., А. В. Адрианов* // Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея. М., 1996; *Звягин С. П.* Министр юстиции Г. Б. Патунинский. Красноярск, 2001.

27. *Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х-60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989; *Она же.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века: Учеб. пособие. Новосибирск, 1995. Вып. 1; *Она же.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003; *Абла-жей И. Н.* Сибирское областничество и эмиграции. Новосибирск, 2003.

28. *Сибирское областничество:* Биобиблиограф. справ. Томск; М., 2002.

29. РГАЛИ. Ф. 580, оп. 1, д. 25; *Обручев В. А.* Путешествия Г. Н. Потанина, М., 1953. С. 187.

30. *Письма* Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987-1992. Т. 1-5.

31. *Потанин Г. Н.* Отрывки из истории провинциального кадетского корпуса // Русское слово. 1859. №10.

32. *Потанин Г. Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6; Новосибирск, 1986. Т. 7

33. *Шиловский М. В.* О периодизации истории областничества в Сибири // Изв. СО АН СССР, Сер. общ. наук. № 6, вып. 2. Новосибирск, 1975.

Глава 1

Областники в общественно-политическом движении конца 1850-х — 1860-х годов

§ 1. Формирование мировоззрения сторонников движения и их участие в общественно-политической жизни конца 1850-х—начала 1860-х гг.

Оформлению первого в истории Сибири общественного формирования, получившего название областнического, способствовали определенные предпосылки, обусловленные развитием региона в составе Российской империи в первой половине XIX в., в первую очередь развитием городов и формированием системы образования. В частности, численность населения Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губернии и Якутской области в 1851 г. превысила 2,6 млн. Только в городах Западной Сибири насчитывалось около 106 тыс. человек. В наиболее крупных из них — Томске, Тобольске, Омске — проживало от 12 до 17 тыс. человек¹. Именно в них возникли первые учебные заведения, дающие среднее образование. В трех гимназиях — иркутской (1805), тобольской (1810), томской (1838) — в 1863 г. обучалось 559 учащихся². К ним необходимо добавить Тобольскую (1748), Иркутскую (1780) и Томскую (1858) духовные семинарии и открытый в Иркутске в 1845 г. Девичий институт Восточной Сибири. Кроме того, в Омске в 1813 г. начало работать Войсковое казачье училище, преобразованное в 1846 г. в Сибирский кадетский корпус. В 1840 г. в нем обучалось 219 человек³.

Именно выпускники этих учебных заведений и составили областнический актив периода формирования. В число его участников можно включить: Г. Н. Потанина (1835-1920), А. П. Щапова (1831-

1876), С. С. Шашкова (1841-1882), Н. М. Ядринцева (1842-1894), Н. И. Наумова (1838-1901), Н. С. Шукина (1838-1870), М. В. Загоскина (1830-1900), И. В. Федорова-Омулевского (1836-1883), В. И. Вагина (1823-1900), Ф. Н. Усова (1839-1888), Л. П. Нестерова (1838-1901), А. Д. Шайтанова (1840-?), С. С. Попова (7-1896), Н. Н. Пестерева, Е. Я. Колосова (1840-1903).

Может вызвать недоумение включение в список А. П. Щапова, поскольку он и областники на следствии 1865 г. отрицали даже факт знакомства. Он не принимал участия в собраниях сибирского земляческого кружка в Петербурге и в деятельности его членов в Сибири (1863-1865). Однако, по мнению А. С. Маджарова, «...в годы развития земско-областной теории Щапов, не будучи участником землячества сибиряков в Петербурге, вместе с тем, в идейно-теоретическом плане находился у истоков областничества»⁴. Его произведения, обосновывающие идею разделения России на ряд областей, оказали большое воздействие на формирование областнической программы. К тому же имеющиеся факты дают основание утверждать о непосредственных контактах А. П. Щапова со студентами-сибиряками в Петербурге и сторонниками движения в Сибири.

По своему социальному облику все они были разночинцами. Ни один из них не был потомственным дворянином: шестеро вышли из семей чиновников, четверо — казачьих офицеров, трое — из купеческой среды, трое — из духовной.

Другая особенность социального состава областнического актива — довольно значительное представительство офицеров Сибирского казачьего войска, как бывших (Г. Н. Потанин, А. Д. Шайтанов), так и находившихся к 1865 г. на службе (Ф. Н. Усов, А. П. Нестеров), окончивших в разное время Сибирский кадетский корпус. Объяснить это можно процессом превращения младших офицеров в часть разночинной интеллигенции⁵. Безусловно, на формирование мировоззрения казачьих офицеров повлияла атмосфера, сложившаяся в кадетском корпусе в 1850-е гг., и воздействие работавших в нем тогда талантливых педагогов (И. В. Ждан-Пушкиной, Н. Д. Костылецкого, Г. В. Гонсевского, В. П. Лободовского, А. А. Сулоцкого). Нельзя забывать и о специфике положения казаков в Сибири. Речь идет о служебном и имущественном неравенстве казаков и ар

мейцев: последние имели существенные льготы в прохождении службы и более высокие денежные оклады. Неравноправное положение способствовало формированию у части молодых офицеров казачьего патриотизма, о чем Г. Н. Потанин признавался на следствии⁶.

И еще одно сословие привлекает внимание. Трое из пятнадцати (Н. М. Ядринцев, С. С. Попов и Н. Н. Пестерев) вышли из купеческой среды, причем двое последних формально принадлежали к этому сословию в рассматриваемое время. Список выходцев из купеческих семей, примкнувших к областникам, можно продолжить фамилиями иркутянина П. Тарасенко, омича Нечаева, томича А. П. Пичугина и др. Данное обстоятельство связано с особой ролью купечества в общественной жизни крупных сибирских городов, в частности Иркутска. Как отмечал мемуарист, описывая нравы сибирского общества начала XIX в., «в городе, где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному в прежнее время в отдаленных провинциях»⁷. По мнению В. П. Шахерова, и в середине XIX в. «наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество»⁸.

Несмотря на различия в происхождении, некоторую разницу в возрасте, биографии большинства областников 1860-х гг. удивительно похожи. Только в отношении И. В. Федорова-Омулевского можно сказать, повторяя слова его биографа, что «годы юности, хорошо обеспеченные материально, были счастливы и в умственном росте будущего поэта»⁹. Всем остальным в детстве и юности пришлось испытать нужду и бедность, рано столкнуться с жестокой реальностью бытия. Имея способности и колоссальное трудолюбие, большей части областников не удалось получить высшее образование. В разное время возвратились в Сибирь, «разумеется без диплома»¹⁰, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, Н. С. Шукин, И. В. Федоров-Омулевский, Ф. Н. Усов, Н. И. Наумов, Н. М. Ядринцев. Главной причиной явилось отсутствие средств.

При знакомстве с биографиями перечисленных выше лиц бросается в глаза их одаренность, рано определившаяся склонность к литературно-публицистической деятельности. К середине 1860-х гг.

в центральной и местной периодике опубликовали свои первые произведения Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, И. В. Федоров-Омулевский, В. И. Вагин, Ф. Н. Усов, видным историком и публицистом становится А. П. Шапов. Высокий интеллектуальный потенциал, стремление с юных лет к науке, литературному творчеству в определенной степени предопределили восприятие молодыми сибиряками передовых научных теорий и радикальной идеологии.

Общественно-политические взгляды областников, их мировоззрение окончательно оформились в бурной обстановке конца 1850-х — начала 1860-х гг. Вместе с тем большое влияние на программу движения, взгляды его сторонников оказали декабристы, петрашевцы, польские политические ссыльные, а также работы П. А. Словцова.

Анализируя декабристскую программу развития Сибири, реконструированную Г. П. Шатровой¹¹, можно утверждать, что по большинству вопросов она совпадает с концептуальными подходами областников. В одних случаях (Сибирь — колония, колонизация региона) они в самом общем виде поставили их, в других (отношение к уголовной ссылке, «инородческий вопрос», культурное развитие края) достаточно полно обосновали.

К числу непосредственных предшественников наших героев, оказавших большое влияние на формирование их общественно-политических взглядов, необходимо отнести сосланных в Сибирь петрашевцев (М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Спешнев, С. Ф. Дуров, Ф. Н. Львов).

Обращает на себя внимание, во-первых, то обстоятельство, что петрашевцы первыми в истории освободительного движения в России сформулировали принципы самоуправления и федерализма применительно к республиканскому строю после победы социалистической революции¹². Теоретически они допускали образование добровольного объединения нескольких республик. Во-вторых, впервые Р. А. Черносвитовым высказывается мысль о Восточной Сибири как специфической области (стране), коренным образом отличной от России, и возможности ее отделения в будущем в самостоятельное государство. В-третьих, тем же Черносвитовым разрабатывается и обосновывается план вооруженного восстания, в котором Сибирь должна

была играть роль застрельщика. В-четвертых, в планах петрашевцев впервые упоминаются в качестве действующих лиц те социальные группы региона, которые, по мнению областников, должны были составить движущие силы восстания из-за отсутствия здесь крепостных крестьян, а именно — мастеровые, приписные крестьяне горных округов и казаки.

Одним из предшественников областников в деле изучения Сибири, разработки социально-экономических проблем ее развития являлся П. А. Словцов (1767-1843). Его фундаментальное произведение «Историческое обозрение Сибири» существенно повлияло на формирование общественно-политических взглядов молодых сибиряков, пробудило интерес к изучению родного края. Что касается общественно-политических взглядов самого Словцова, то мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые квалифицируют их как просветительские. Но эволюция русского просветительства не затронула его: высланный в 1808 г. в Сибирь и изолированный здесь, Словцов законсервировался в своих взглядах.

В «Историческом обозрении Сибири» поставлен ряд вопросов, связанных с социально-экономическим и культурным развитием Сибири. П. А. Словцов разносторонне исследовал их и предложил программу реформирования ее внутренней жизни. Он активно выступал против уголовной ссылки, отдавая предпочтение вольной колонизации, предлагал оригинальную программу развития аборигенных этносов, настаивал на интенсивном изучении региона, ратовал за развитие просвещения и торговли, прозорливо предсказывая коммерческое судоходство по Северному морскому пути. Его творчество безусловно повлияло на формирование взглядов областников, идеологию движения. Впоследствии многие поднятые им вопросы были разработаны областниками, и в этом плане его можно рассматривать как непосредственного предшественника движения. Расхождения между просветителем и областниками заключались в том, что Словцов никогда не признавал Сибирь особой областью и рассматривал ее как естественное продолжение России.

И еще один источник, безусловно повлиявший на мировоззрение будущих областников. Речь идет о польской политической ссылке в Сибирь. Благодаря работам В. А. Дьякова, А. С. Нагаева и

Б. С. Шостаковича¹³ установлены связи поляков с декабристами, выявлены их многочисленные попытки поднять в Сибири бунт, вроде известного «Омского дела» 1832-1833 гг. Так или иначе, позиция данной группы невольных обитателей края, их борьба за воссоздание польского государства не могли не импонировать местной образованной молодежи, способствовали развитию федералистских идей.

Таким образом, сибирские областники конца 1850-х-1860-х гг. не были первыми в разработке актуальных вопросов социально-экономического развития региона. Большая их часть была поставлена сторонниками просветительства, и прежде всего П. А. Словцовым и декабристами. К числу непосредственных предшественников областничества необходимо отнести и первых русских социалистов-петрашевцев, а также ссыльных поляков. Все они оказали прямое или косвенное влияние на формирование мировоззрения молодых сибирских разночинцев.

Выявив основные общественно-политические течения и отдельных лиц, оказавших воздействие на концептуальные установки адептов движения, рассмотрим процесс формирования их мировоззрения, их участие в российском общественно-политическом движении этого времени. Безусловно повлияли на молодых сибиряков семейные традиции, окружающая обстановка, педагоги. Дальнейшее формирование их мировоззрения, знакомство и участие в общественно-политическом движении кануна и периода отмены крепостного права связано с пребыванием большей части молодых сибиряков в вузах Петербурга, Москвы, Казани. В 1852 г. в Казанскую духовную академию из Иркутска отправился учиться А. П. Щапов, в 1856 г. оттуда же в Петербург отбыл Н. С. Щукин, в 1859-1860 гг. на учебу в Европейскую Россию выехали Е. Я. Колосов, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев, Н. И. Наумов, И. В. Федоров-Омулевский, а также десятки других сибиряков.

Традиционно их общественная активность в Европейской России связывалась с сибирским земляческим кружком в Петербурге (1860-1863). При этом в тени оставалось существование подобных кружков в Казани, а также в самом Петербурге до 1859 г.

Как установил А. Л. Захаренко, сибирское землячество в Казани оформилось в 1852 г. Оно объединяло студентов-сибиряков университета, число которых достигало 28, и слушателей духовной академии¹⁴. Кружок активно действовал в течение всего периода с конца 1850-х до начала 1860-х гг. В разное время в него входили: А. П. Щапов, Д. Ф. Гусев, Г. З. Елисеев, А. Н. Балакшин, А. Х. Христофоров, И. Я. Орлов, С. С. Шашков, И. А. Худяков, А. А. Бирюков, Н. Н. Булич, С. Я. Капустин, Д. Л. Кузнецов и др.

Землячество устроило библиотеку и способствовало идейному развитию своих членов¹⁵. Постепенно объединение приобретает организационный статус, его участники начинают регулярно собираться на квартире одного из членов для обсуждения актуальных вопросов, в том числе сибирских. Характеризуя участников кружка, один из современников писал: «Все студенты-сибиряки, сколько я их знал, были люди очень даровитые и отличались характером смелым и прямым... Сибирские студенты в наше время полушутя, полусерьезно называли Сибирь русской Америкой и говорили, что она рано или поздно отделится от России. Эти мысли высказывались, разумеется, мимоходом и не развивались, но, может быть, они подали повод Щапову мечтать о федерации, хотя впоследствии об этом было немало говорено в русской литературе, особенно Н. И. Костомаровым. Вообще студенты-сибиряки обладали характером независимым и настойчивым»¹⁶.

Казанцы приняли активное участие в первых революционных выступлениях. Так, в сентябре 1861 г. А. Н. Балакшин и А. Н. Курбановский были исключены из университета за участие в студенческих волнениях. В 1863 г. активным деятелем «Казанского заговора» являлся И. Я. Орлов. В наиболее известном и ярком событии этого времени в Казани — панихиде по крестьянам села Бездна 16 апреля 1861 г. — главным действующим лицом стал А. П. Щапов. Участие в ее подготовке и проведении приняли А. Х. Христофоров и С. С. Шашков, исключенные соответственно из университета и духовной академии. После панихиды А. П. Щапов, С. С. Шашков, а вместе с ними большая группа студентов-сибиряков перебрались в Петербург и влились в земляческий кружок Г. Н. Потанина — Н. М. Ядринцева.

Поскольку мы отметили выдающуюся роль А. П. Щапова в становлении областничества, необходимо хотя бы в самом общем виде охарактеризовать его взгляды, отношение к ключевым проблемам развития Сибири, выявить степень воздействия на формирование мировоззрения молодых сибиряков. В частности, он развил федералистские идеи известного историка Н. И. Костомарова. Но основой его федерализма, как установил М. А. Рубач, «является не национальный момент отличия одной народности от другой, а местные, областные особенности одного и того же великороссийского народа, исторически сложившиеся в процессе колонизации в разнообразных географических и климатических условиях»¹⁷. Федерализм Щапова был основан не на национальных различиях, а на особенностях природно-климатических условий существования одного народа, на процессе колонизации. В своих теоретических построениях профессор не забывал и о своей родной Сибири.

Уже в первой своей лекции студентам Казанского университета 12 ноября 1860 г. Щапов заявляет о «земском народосветии». Главное проявление его — региональное самоуправление в лице областных земских советов и всенародного центрального земского совета¹⁸. «...Не грубые формы, а историческая народная идея областных земских советов и всенародных центральных земских соборов рано или поздно во имя исторического права, во имя уважения к духу и потребности нашего народа, выразившимся в течении истории, рано или поздно должна быть принята в соображение и при новой конституционной организации местного областного и высшего непосредственного народосветия», — заявляет он в лекции «О конституции» 28 ноября 1860 г.¹⁹ В письме к П. А. Красовскому (сентябрь 1861 г.) Афанасий Прокопьевич призывает: «Пора раскрывать, уяснять серьезные наши коренные начала нашей будущей федеральной конституции, или, говоря языком наших предков, союзного земского устройства»²⁰.

Находясь под арестом, 5 и 16 мая 1861 г. Щапов обратился к императору Александру II с двумя объемными посланиями. В первом он, по собственному признанию, «высказал несколько мыслей об общинно-демократическом призвании русского народа»²¹. Второе письмо содержит изложение программы реформ. О них можно судить по тексту записок и письму автора к «землячкам-сибиряч-кам», написанному в тюрьме.

Будущее государственное устройство России Щапов связывает с «полным общественным самоуправлением», основанным на началах местных бессловесных выборов в общественные должности, начиная с губернатора и до последнего чиновника. Но если еще не пришло время для этого, «то, кажется, возможно уже в параллель сельским и волостным сходам учреждение городских депутатских собраний или всенародных, всеобщих дум, где были бы выборные советники или депутаты от всех городских обывателей, от дворянства, от ученого сословия, от купечества, от мещанства, от ремесленных классов, от духовенства. Этим городским правительствам, или Думам, принадлежал бы контроль над администрацией, судебной и полицейской распорядительностью и деятельностью губернских учреждений»²².

Следующей ступенью в административно-территориальном устройстве будущего конституционного государства, по мнению Афанасия Прокопьевича, должны стать областные земские советы. При этом он считал, что, учреждая этот орган, правительство ничего принципиально нового не открывает, поскольку здесь «сохраняется принцип, данный естественно- исторической, природной жизнью нашего народа, восходящий к XVIIв.»²³.

Областные советы могли бы функционировать или в форме временных собраний (сессий.— *М. Ш.*) областных депутатов, или в качестве постоянно действующих инстанций. В компетенцию областных земских советов входило: «нужды и потребности местного народонаселения», контроль за деятельностью областного управления, судопроизводство, «обсуждение и приискание мер к улучшению экономического, умственного и нравственного быта областного населения», распределение податей на основе прогрессивного подоходного налога, распределение областных доходов на местные нужды и т. д.²⁴

«Записка» от 16 мая 1861 г. предусматривала созыв центрального земского собора (совета), депутаты в который избирались областными советами. Одновременно Щапов высказывался за всемерное развитие просвещения, и прежде всего—университетского образования. «Например, в Восточной Сибири чрезвычайно нужен

университет в Иркутске, и по отдаленности от русских университетов, и по причине весьма сильного стремления к просвещению не только детей чиновников, купцов, мещан, но и бурятского племени», — писал он²⁵.

В письме к «землячкам-сибирячкам» кратко излагается содержание записок.

В другом известном послании Щапова к князю П. П. Вяземскому (октябрь 1861 г.), разошедшемуся в списках по всей России, называя себя «другом федеральной союзной общинно-демократической конституции русской», он заявляет: «Следовательно, сам народ в праздник тысячелетия (1862 г.— *М. III.*) должен или сам сойтись, или неотложно немедленно быть созван царем на новый земский собор и отречься от императора и централизации — дать автономию Польше, Украине, Великодержавии, Сибири и всем провинциям, и создать федеративную социально-демократическую конституцию, союзное, общинно-демократическое народосветие»²⁶.

Находясь в заключении, Афанасий Прокофьевич пишет стихотворение «К Сибири», содержащее призыв к борьбе за областную автономию в духе предлагаемых им преобразований.

Услышь хоть ты, страна родная,
Страна невольного изгнания,
Сибирь родная, золотая,
Услышь ты узника воззвание!
Пора провинциям вставать,
Оковы, цепи вековые
Централизации свергать,
Сзывать Советы областные²⁷.

Это стихотворение получило широкое распространение в Петербурге среди членов сибирского земляческого кружка. В январе 1862 г. Г. Н. Потанин переслал его в Иркутск Н. С. Щукину, у которого оно впоследствии было изъято во время ареста и приобщено к делу Омской следственной комиссией как существенная улика.

Федералистические идеи Щапова, в частности мысль о необходимости созыва Земского собора, получили одобрение А. И. Герцена и Н. П. Огарева²⁸. О факте обращения Герцена к Щапову с письмом

свидетельствует Н. М. Ядринцев²⁹. В то же время Е. Л. Рудницкая отметила большой интерес вождей революционной демократии к его работам о расколе, попытке представить его как своеобразное радикальное движение, оппозиционное самодержавию. Поэтому соответствует действительности заявление А. А. Слепцова о том, что руководством «Земли и воли» давалось Щапову поручение написать прокламацию, обращенную к раскольникам (как к одной из трех революционных сил, кроме крестьян и солдат), «которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля»³⁰.

Таким образом, федералистско-областническая концепция А. П. Щапова несомненно оказала воздействие на формирование областнической программы, как, впрочем, вообще на развитие идей федерализма в России.

Большинство членов сибирского земляческого кружка в Петербурге не были лично знакомы с Щаповым. Но они посетили заключенного в Петропавловскую крепость видного историка и получили от него письмо. Еще одним каналом воздействия идей опального профессора и публициста служил хорошо знавший его по Казани С. С. Шашков. Он жил на квартире Щапова в столице, где его нашел и привлек к участию в деятельности землячества Г. Н. Потанин³¹.

Исключительное значение для развития общественно-политических взглядов областников, формирования их программы имело землячество сибирских студентов в Петербурге, или сибирский земляческий кружок. Примерно в 1858 г. по инициативе Н. С. Щукина здесь возникает небольшое объединение сибирских студентов, которое раз в неделю собиралось у него на квартире. Кроме Николая Семеновича в землячество вошел Сидоров, выходец из городских казаков г. Кузнецка Томской губернии, учившийся вместе с ним в педагогическом институте, а затем перешедший в университет. К ним присоединились М. И. Песков, Буланов, В. И. Перфильев, И. В. Федоров-Омулевский. Члены объединения решили посвятить себя служению Сибири. В комплексе проблем, разработку которых они начали, Н. С. Щукину принадлежит приоритет в постановке вопросов об издании в Иркутске литературно-публицистического журнала и об открытии в регионе университета. Именно Щукин приобщил к землячеству Г. Н. Потанина, ввел его в круг петербургских общественных деятелей и уговорил

написать разоблачительную статью о сибирских порядках в «Колокол», которая при его посредничестве там была опубликована³².

Кружок распался в конце 1859 г. вследствие отъезда Н. С. Щукина в Иркутск и в результате личного конфликта Потанина и Сидорова из-за лидерства. Вновь объединение оформилось к концу 1860 г., когда Н. М. Ядринцеву и Г. Н. Потанину удалось собрать около 20 человек (Н. И. Наумов, Ф. Н. Усов, братья Лосевы, Налетов, А. Красиков, Н. М. и Е. М. Павлиновы, А. К. Шешуков и др.). Собрания землячества посещали И. В. Федоров-Омулевский, В. И. Перфильев, И. Пирожков, П. П. Джогин, В. И. Березовский, И. А. Куклин, Ч. Ч. Валиханов, С. С. Шашков, И. А. Худяков, Н. Н. Пестерев и С. С.

Первоначально тематика сходов сибиряков не имела четкой направленности, но постепенно стал вырисовываться круг вопросов, которые привлекали общее внимание,— Сибирь, ее зависимое положение, направление преобразований и будущее региона.

Как губка, впитывали члены землячества впечатления, идеи, стараясь поспевать повсюду. Большое воздействие на них оказали взгляды А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского и других лидеров российской революционной демократии, выдвигавшиеся ими федералистские идеи.

В частности, А. И. Герцен вслед за декабристами отметил в характере сибирского крестьянства специфические черты, воспитанные борьбой с суровой природой, отсутствием крепостного права. Данные обстоятельства «сделали сибирского крестьянина более воинственным, находчивым, готовым на отпор, чем великорусского. Даль церквей оставила его ум свободнее, чем в России, он холоден к религии, большей частью раскольник»³³.

Вместе с тем он рассматривал Сибирь не как колонию, а как огромную область русского государства с преобладанием крепостнических порядков. Герцен считал, что после свержения самодержавия Россия должна представлять федерацию или даже конфедерацию областей во главе с земским собором. Так, в июне 1863 г. он заявил: «Мы признаем за отдельными провинциями полное право на всякую автономию, на вольное соединение, на полное слияние, на полное расторжение»³⁴.

Последовательно идею областной автономии проводили в прокламации «Молодая Россия» П. Г. Зайчневский (апрель 1862 г.), авторы листовок «Великорус №2» (сентябрь 1862 г.) и «Великорус №4» (январь 1863 г.). В частности, в последней провозглашалось: «Да здравствует союзная конституция Руси, Украины и Сибири!»³⁵. Федералистские идеи получили распространение среди участников «Казанского заговора», и его член сибиряк И. А. Орлов показал, что он признавал необходимость «устроить государство на федеративных началах»³⁶.

В Петербурге Г. Н. Потанин, И. В. Федоров-Омулевский, Ф. Н. Усов, Н. М. Ядринцев, Н. И. Наумов, С. С. Шашков начали сотрудничество в демократической печати. С революционно-демократических позиций они оценивали начавшиеся реформы. «Ваша программа как будто написана еще в 1856 году,— писал Потанин Н. С. Щукину— во время возрождения наук, [когда] „правительство и общество пошли путем реформ“. А на самом-то деле ни правительство, ни общество не пошли по этой дороге, правительство надувает, а общество спит»³⁷. Он рвался к конкретному революционному действию, сознательно готовился к этому. В письме к тому же Щукину от 15 августа 1860 г. подчеркивал: «Как хотелось бы действовать, да чувствую, что еще рано, что сил и средств еще не приобретено. А зажили и замутили впоследствии с Вами на славу»³⁸.

И это были не просто платонические мечтания. Факты свидетельствуют о связях областников с революционными демократами: однокашником Н. А. Добролюбова по педагогическому институту был Н. С. Щукин, С. С. Шашков был хорошо знаком с А. П. Щаповым и А. Х. Христофоровым. Имеются данные о принадлежности Г. Н. Потанина к обществу «Земля и воля»³⁹. Члены сибирского землячества активно участвовали в борьбе столичного студенчества, в частности в массовых выступлениях осенью 1861 г. За участие в них было арестовано в общей сложности 326 человек. Среди задержанных 2 октября третьим в списке значится «отставной сотник из войскового управления Сибирского казачьего войска Григорий Потанин»⁴⁰. Его участь разделили сибиряки В. И. Березовский, А. П. Лосев, Н. И. Наумов, И. Кузнецов, Э. Шац, А. Щербakov.

Традиции, программа, опыт революционно-демократического движения, атмосфера общественной жизни того времени стали почвой, на которой у сибирского кружка оформилась своя программа. «Великие политические события готовятся! — восклицал Потанин в письме Ф. Н. Усову от 5 февраля 1860 г.— Нужно и нам приготовиться к их встрече»⁴¹. Большая часть сторонников областнического движения воспринимала федерализм с революционно-демократических позиций. «Тогда же мы поняли,— вспоминал Потанин,— что интересы Сибири противопоставлены интересам Москвы, но так как мы были социалисты, то никогда не приходили к мысли о таможенной линии между Сибирью и Европейской Россией или, вернее сказать, никогда не лелеяли такую мысль. Она проскользнула в печати помимо нашего содействия и, вероятно, обязана своим появлением проснувшимся интересам сибирской буржуазии. Мы же, если и останавливались на этом вопросе, то только чисто в теоретических видах...»⁴².

Анализ эпистолярного наследия Г. Н. Потанина за 1859- 1862 гг. показывает, что он полностью разделял основные положения областнической программы первой половины 1860-х гг. В письме к Н. С. Щукину (январь 1862 г.) он кратко и емко сформулировал идею самостоятельного развития Сибири: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, чего нам хочется, а не что прикажут из России; воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя»⁴³. Главной задачей на будущее сторонники движения считали пропаганду областнических идей в массах, организацию с этой целью выпуска газет, журналов, календарей, памятных книжек⁴⁴.

Таким образом, Петербург стал для большинства активных сторонников областничества местом знакомства с общественно-политической жизнью и ее проявлениями. «Три года, проведенные мной и Ядринцевым в Петербурге, были, может быть, самые важные в нашей жизни, это были годы нашего политического воспитания. В эти годы определилась наша индивидуальность, дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности».— так определил Потанин значение пребывания в столице для себя и своих товарищей⁴⁵.

Здесь они примкнули к революционно-демократическому движению, начали научную и литературную деятельность, встали у истоков движения и оформления его программы.

§ 2. Оформление программы движения в первой половине 1860-х гг.

Программа сибирских областников как система взглядов на историю, социально-экономическое, политическое и культурное развитие Сибири, ее вероятное будущее разрабатывалась в конце 1850-х — первой половине 1860-х гг. Ее основные положения и выводы были сформулированы в публикациях, переписке, прокламациях, рукописях неопубликованных работ, лекциях, публичных выступлениях, показаниях в следственной комиссии сторонников движения, и прежде всего Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, за 1858-1868 гг.

В процессе ее формирования можно выделить три основных этапа: 1856-1863 гг.— до отъезда из Петербурга основной части членов сибирского землячества (статьи Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова, М. В. Загоскина, переписка областников, прокламации «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири») ⁴⁶; 1863-1865 гг.— от приезда в Сибирь до массовых арестов (публикации Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, А. П. Щапова и др., лекции С. С. Шашкова, их переписка) ⁴⁷; 1865-1868 гг.— во время следствия и до вынесения приговора (публикации, показания, «откровенные признания») ⁴⁸.

Особое место в наследии сторонников движения 1860-х гг. занимают прокламации «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири», созданные в первой половине 1863 г. в Петербурге. Автором первой из них являлся С. С. Попов⁴⁹. Вторая возникла в результате редактирования, сокращения и литературной обработки текста первой, предпринятых Н. М. Ядринцевым и С. С. Шашковым⁵⁰. Значение прокламаций заключается в том, что в них в концентрированном виде излагаются взгляды областников по актуальным вопросам развития России и Сибири.

Анализ содержания сибирских листовок позволяет присоединиться к выводу Н. П. Митиной, С. Ф. Коваля, М. Г. Сесюниной о том, что образцом для них послужили прокламации революционеров-демократов

начала 1860-х гг. Обе прокламации выдержаны в антимонархическом духе. Их авторы констатируют наличие революционной ситуации в государстве и активную деятельность революционного подполья. Признается необходимость союза сибирских патриотов с этими силами для достижения общей цели: «Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам для совокупной борьбы с нашим врагом»⁵¹.

В прокламациях «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» впервые в областнической практике получила обоснование концепция «Сибири как колонии». Проявления колониального статуса виделись в следующем:

1. Эксплуатация природных богатств региона, подрывающая ее ресурсы и производительные силы.
2. Искусственные препятствия развитию экономики Сибири путем установления тяжелых податей и налогов, откупной системы, создания частной и казенной монополии (Российско-Американская компания).
3. Ссылка в Сибирь уголовников и препятствие свободному заселению края.
4. Разорение и истребление коренного населения региона. Неэффективность попыток его русификации миссионерами, «годными скорее в заплечные мастера, чем в проповедники возвышенного учения Христова».
5. Произвол и злоупотребления местных чиновников («навозной сволочи»), «которых правительство посылало управлять нами, которые налетали на Сибирь, подобно стае хищных птиц, и насытившись вдоволь, покидают ее навсегда».
6. Стремление затормозить развитие просвещения и культуры. «Оно [правительство], несмотря на просьбы и явную потребность, не разрешает в Сибири заведение университета, показывая тем, что, подобно всем тиранам, оно боится света науки и знания»⁵².

В целом вся трехсотлетняя история Сибири сопровождалась эксплуатацией, ограблением ее природных богатств и притеснением местного населения, особенно аборигенного,— таков вывод авторов прокламации.

Показав угнетенное положение Сибири, авторы прокламаций переходят к обоснованию ее специфического положения, позволяю-

щего поставить вопрос об отделении региона от России. Главной идеей обоих воззваний является призыв к борьбе за независимость Сибири посредством вооруженного восстания. После его победы декларируется образование здесь демократической федеративной республики по типу США. Так, прокламация «Сибирским патриотам» заканчивается призывом: «Да здравствует республика сибирских соединенных штатов!»⁵³, При этом завоевание независимости связывается с предполагаемой помощью со стороны США в обмен на уступку им «земли Российско-Американской компании (Аляски,—М. Ш.)»⁵⁴.

В целом воззвания обосновывали идею независимости Сибири и призывали к ее пропаганде среди населения региона, а также к агитации за достижение суверенитета путем вооруженного восстания, после победы которого предполагалось провозгласить демократическую республику. Но упомянутые выше документы не содержат непосредственного призыва к восстанию — они обращаются к патриотам Сибири с предложением заняться пропагандой идеи среди наиболее угнетенных слоев населения и объединиться в процессе этой работы в революционную организацию.

Основные идеи прокламаций получили обоснование и развитие в работах областников первой половины 1860-х гг. Прежде всего, речь шла о возможности в будущем отделить Сибирь и образовать здесь суверенную республику. В литературе эта тенденция получила наименование сепаратистской, хотя этот термин в первой половине 1860-х гг. употреблял только Г. Н. Потанин. Так, в письме А. Д. Шайтанову (апрель 1863 г.) он замечал: «Переворот умов [в Сибири. — М. Ш.] и пополнение пустоты в [сибирских. — М. Ш.] головах — вот роль, нам предстоящая. А поэтому рядом с изучением материализма изучайте социальные доктрины и занимайтесь чтением исторических и публицистических сочинений, изучайте законы революции и реакции и политических переворотов, клонящихся как к объединению народностей, так и к сепаратизму, а главное при этом чтении — приравнение ко всему прочитанному судеб нашей родины — Сибири. Тогда чтение Ваше будет плодотворно и создаст из Вас красного сепаратиста, что нашему патриотическому сердцу

доставит истинное наслаждение». Рекомендую Шайтанову В. И. Бerezовского, Потанин характеризует его «как вновь возникшую надежду сибсепаратизма...»⁵⁵.

Однако здесь сепаратизм понимается не как актуальная проблема, а как идеал далекого будущего. Так или иначе, в теоретическом плане Г. Н. Потанин признавал возможность самостоятельного существования региона, провозглашение на его территории демократической республики. Примерно в таком же духе, без использования дефиниции «сепаратизм», высказывались и его коллеги. Например, С. С. Шашков в одной из публичных лекций, читавшихся в 1864-1865 гг., делает вывод: «При постепенности ее [Сибири] образования и возрастании населения, развитие промышленности и торговли несомненно, как несомненно ее самостоятельное существование»⁵⁶. Н. М. Ядринцев в статье «Сибирь в 1-е января 1865 года» призывал: «Пусть сибирское общество соединится от Урала до Восточного океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начнет жить умственной жизнью и заботиться о своем самобытном всестороннем развитии»⁵⁷.

Необходимо иметь в виду, что подобные идеи высказывались открыто для широкого круга сибиряков. Провокатор Люцинский, посаженный к арестованным областникам, доносил: «Говорили, что Сибирь непременно отделится от России, как только там вспыхнет революция, хотя партия их поймана, но найдутся еще люди, которые осуществят эту идею»⁵⁸. Более того, через «Колокол» в 1862 г. эта мысль доводится до сведения российских радикалов. «Мы требуем всеми силами,— подчеркивалось в заметке „Из Сибири“, вышедшей, по нашему мнению, из областнического окружения,— выборных властей по всем судебным и хозяйственным управлениям, выборных не из дворян (которых нет в Сибири), а из той же массы податных, но свободных сословий, которая там обитает. Это одно может избавить Сибирь от „русского“ чиновничества, которое едет туда наживать и составлять карьеру всеми правдами и неправдами. Это будет и превосходнейшей мерою для развития в стране тех начал самоуправления, которые так нужны ей и особенно будут нужны тогда, когда чувство самостоятельности достигнет в

сибиряке большей зрелости и он захочет раскланяться от петербургской опеки»⁵⁹.

Приведенные высказывания породили в литературе стойкое убеждение в сепаратистской окраске раннего областничества. На наш взгляд, убедительную интерпретацию их сепаратизма предложил С. Г. Сватиков. «Любопытнее всего то обстоятельство,— замечает он,— что сепаратизм группы Потанина был скорее чисто теоретический, принципиальный, говорящий о более или менее отдаленном будущем. Сепаратизм же практический, реальный, основанный на классовом интересе, проявился именно в среде наиболее заинтересованного класса—сибирского купечества. Правда, и там эта идея сепаратизма как ясно осознанная политическая идея была уделом немногих членов либеральных купеческих кружков Иркутска и Кяхты. Но именно из этих реалистически настроенных кружков раздался тот голос, который резко и определенно потребовал отделения Сибири от России (речь идет о С. С. Попове и написанной им прокламации «Сибирским патриотам». — М. III). Потанин, Ядринцев и их друзья — чистейшие автономисты — жестоко поплатились за откровенно сепаратистское заявление одного из представителей сибирского купечества»⁶⁰.

С другой стороны, мы считаем не совсем корректным употребление термина «сепаратизм» применительно к общественно-политическим взглядам сторонников движения в первой половине 1860-х гг. «Сибирский сепаратизм» являлся синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири и в последующем получивших название областников. В начале своего пути они только начали разработку концепции «Сибирь — специфическая область России». И термины «область», «областничество», «областник» не употреблялись ими. Поэтому Потанин и, в меньшей степени, его сподвижники использовали термин «сепаратизм», вовсе не вкладывая его сущность в свою программу. Сепаратистская тенденция была приписана ранним областникам отдельными исследователями, так и не понявшими, какое содержание вносили представители движения в это понятие.

Основой формирующейся программы движения стала концепция Сибири-колонии и интерпретация процесса освоения (колонизации) региона. Заселение территории и развитие ее производительных сил, по мнению областников, связано исключительно с инициативой народных масс, ее наиболее предприимчивых и вольнолюбивых элементов. «Сибирь завоевана и населена народом; она открыта Ермаком и занята казаками. Все главные предприятия в ее колонизации исполнены частными лицами без правительственного участия»,— утверждал Г. Н. Потанин в 1860 г.⁶¹ Колонизация Сибири, по мнению Н. М. Ядринцева, есть исключительно результат народного творчества, который использовало самодержавное государство. «Покажите мне другой народ в истории мира,— восклицал он,— который бы в полтора столетия прошел пространство больше пространства всей Европы и утвердился на нем? Нет, вы мне не покажете такого народа»⁶².

Оба они уже в первой половине 1860-х гг. подошли к пониманию различия колонизации как земледельческого освоения новых территорий и как колониальной политики. В той же публикации Ядринцев заметил: «И Сибирь является колонией, куда славянский народ пришел создать себе новую, лучшую жизнь»⁶³. На следствии Потанин заявил, что Сибирь является земледельческой колонией⁶⁴. Причем процесс колонизации Ядринцев трактовал в революционно-демократическом духе — стремление народных масс освободиться от крепостнических порядков и развиваться свободно: «Община Ермака указала дорогу переселенцам. Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра. Народ бежал, чтобы избавиться от притеснений воевод, от официальной приписки к городам, от тяжелой подати и бюрократизма. Раскольники шли сюда сохранить свою веру в святых, промышленники — добыть мехов, торговцы — свободно торговать с сибирскими инородцами. Эти побуждения, руководившие народом, показывают самобытное народное стремление и чисто народный взгляд на Сибирь как на страну, где должны развиваться самобытно и свободно народно-славянские силы»⁶⁵.

Вольнонародная колонизация в сочетании с природными богатствами определила прочную основу быстрого развития производительных сил региона и всей России. «Русский народ заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни,— прозорливо отмечал Потанин,— если представить в будущем Сибирь так же населенную, как ныне Европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее»⁶⁶. Это высказывание опровергает вывод о сепаратистской окраске раннего областничества, прагматичности их воззрений на Сибирь, полностью порвавшую с Россией.

Но эти возможности (вольнонародная колонизация и природные богатства) в реальности не привели к развитию производительных сил региона, повышению благосостояния населения. Более того, «через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью,— замечал Ядринцев.— Мы видим бедные городки, разоренные возмутительными насилиями и грабежом наездных воевод и злоупотребляющих властью губернаторов»⁶⁷. Основная причина заключается в правительственной политике, превратившей регион в колонию и место ссылки.

Колониальное положение Сибири отрицательно сказалось на ее экономике. Областники единодушно констатировали зачаточное состояние промышленности. Выражая общую точку зрения, Н. М. Ядринцев с горечью писал в 1865 г.: «Промышленное развитие наше невысоко. Сибирь пользуется всем привозным, у нас нет мануфактур и заводы ничтожны, мы пьем, едим и одеваемся чужими произведениями, мы не самостоятельный экономически народ, а эксплуатируемые массы, простяки-труженики, надуваемые разными спекулянтами вроде московских мануфактуристов»⁶⁸. Вместе с тем сторонники движения отмечали преобладание в промышленности, особенно добывающей, крепостнических порядков, тормозящих ее развитие, и высказывались за их ликвидацию, объективно выступая за стимулирование рыночных отношений.

Областники негативно оценивали и правительственную политику, направленную на ограничение частного предпринимательства в

регионе. Это отчетливо проявилось в их отношении к Российско-Американской компании, торгово-монополистическому объединению (1799-1868), получившему исключительное право на разработку природных богатств Русской Америки (Аляски), и прежде всего, торговлю пушниной, а с 1841 г. на ввоз китайского чая через Кяхту и морским путем из Шанхая. Эта монополия, особенно чанная, разоряла сибирское купечество, но не спасла компанию от банкротства, и в 1862 г. все ее привилегии были ликвидированы.

Отрицательное влияние на развитие экономики региона, по мнению областников, оказывала внутренняя политика правительства, поскольку оно, «покровительствуя мануфактурным провинциям внутренней России, подавало повод последним наложить на Сибирь торговое ярмо»⁶⁹. Негативное воздействие оказывала штрафная колонизация, использование ссыльнопоселенцев и каторжан в качестве рабочих, а также ограничения свободного переселения в Сибирь, что существенно ограничивало рынок рабочей силы и консервировало феодальные отношения в экономике края⁷⁰.

Общая неразвитость промышленности влияла на процесс формирования сибирской буржуазии. «До настоящего времени купеческо-мещанская буржуазия Сибири коснеет среди невежественной жизни замкнутого общества, лишённого умственной жизни, знания и притока новых идей», — замечал по этому поводу Н. М. Ядринцев в 1864 г.⁷¹

Стремление преодолеть экономическую зависимость от метрополии привело к оформлению внутри сибирского земляческого кружка группы во главе со студентом университета, выходцем из томских мещан И. А. Лукиным. Давая показания в Омской следственной комиссии в конце января 1866 г., он отмежевался от политического сепаратизма: «Познакомившись с новейшими европейскими революциями по тем книгам, которые изданы на русском языке, и придя к тому заключению, что подобные перевороты ни к чему не ведут Виноват, ведут к огромной напрасной трате экономических (рабочих) сил государства, я стал направлять свои мысли на решение подобного вопроса мирным путем». Этот мирный путь сводился к следующему: «...устройство фабрик, заводов, всевозможное сохранение рабочих производительных сил, заменяя их машинами, усю

вершенствованными орудиями и т. п. Поэтому каждый благоразумный человек вместо того, чтобы толковать о несбыточных надеждах, лучше бы посоветовал, хоть мужику купить ткацкий станок, да и сам бы немного помог. Имя такого человека я ставлю всегда выше химеристов, подобных Потанину. Себя я назову экономическим сепаратистом и буду стремиться к экономической независимости от московских фабрикантов, купцов и тому подобных эксплуататоров. Не Россия приносит вред Сибири, а московские купцы»⁷².

Сторонники движения первой половины 1860-х гг. обратили внимание на сельское хозяйство и крестьянство региона. Но они имели слабое представление о положении дел в этой сфере, поскольку были по преимуществу горожанами, а статистические материалы только начали собирать. Тот же Г. Н. Потанин лишь мечтал: «Ведь поездить бы только месяца два по сибирским деревням — вот и лакомое блюдо для патриота поспело бы»⁷³. Однако областники пытались разобраться в происходящих там процессах. Они отметили, что юридическим собственником большей части земли в регионе является государство, но сельские обыватели брали ее «кто сколько может», и теперь «каждый крестьянин закладывает, продает свою землю кому хочет»⁷⁴, т. е. он стал фактическим ее собственником. Г. Н. Потанин и Н. С. Щукин констатировали социальную дифференциацию в деревне, появление прослойки сельских капиталистов, хотя отмечали сохранение общинных порядков⁷⁵.

Идеальную схему развития сибирской деревни предложил Н. М. Ядринцев. По его мнению, особенностью, «чуть ли не единственно хорошей в русской жизни», в противовес буржуазным государствам, является «общинное поземельное владение». Но в Европейской России оно было «искажено крепостным правом», а в пореформенный период «поземельным собственничеством бывших помещиков», а в Сибири «получило самое широкое применение». «Сибирское крестьянство исключительно основывается на общинном поземельном владении и до сих пор его держится крепко», — утверждал он. Этот принцип и в дальнейшем будет составлять экономическую основу русского народа, а в виде артельного начала распространится на промышленность⁷⁶. По этому поводу Николай Михайлович развил идеи общинного самоуправления, сформулиро-

ванные в самом общем виде А. П. Шаповым: «Только воспринявши в свою общественную жизнь, в свои нравы и обычаи начала мира, мировой общинной предприимчивости, мы будем способны на всякую единокорную, энергическую общественную инициативу, на всякий дельный общественный сход и толк»⁷⁷. Налицо, как констатировал Н. Н. Яновский, обоснование будущего развития Сибири с позиций утопического социализма⁷⁸. Причем оно распространялось не только на сельское хозяйство, но и на промышленность.

Исходя из собранной информации и общей концепции развития Сибири, областники сформулировали свою экономическую платформу. Образно и эмоционально ее изложил в лекциях С. С. Шашков. «Да, для успешного заселения и обработки сибирской земли, для рационального устройства и всестороннего развития Сибирской колонии необходимо отбросить старые принципы и покориться тому новому духу жизни, который уже пронесется над землей, сметая вековую, удушливую пыль невежества, сваливая старых идолов и вливая новую жизнь в одряхлевшие от сна народы»⁷⁹.

Конкретно же Г. Н. Потанин предлагал прежде всего установить «равенство шансов для приобретения богатства», а для этого «учредить покровительство сибирской торговле и заводской промышленности», «улучшить быт рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на низовьях Оби и Иртыша», отказаться от попыток насаждения частного землевладения, преодолеть «конкуренцию бедного крестьянина с богатым землевладельцем». Вместе с С. С. Шашковым он выступал за стимулирование переселения в Сибирь⁸⁰.

Следующий краеугольный камень областнической концепции — вопрос об уголовной ссылке в Сибирь, или, как его называли сторонники движения, штрафной колонизации региона. Как установила М. Г. Сесюнина, «трудности разработки вопроса о ссылке (отсутствие статистических данных и специальной литературы) привели к тому, что Ядринцев и Потанин не смогли тогда написать специальных статей, ему посвященных»⁸¹. Но отрицательное отношение к уголовной ссылке, пока только как способу увеличения численности населения Сибири, красной нитью проходит через работы областнического актива⁸².

Сторонники движения в первой половине 1860-х гг. обратили серьезное внимание на деятельность местной администрации, оценивая ее в общем контексте колониального положения региона. «История сибирской администрации,— писал С. С. Шашков,— это длинная повесть о страданиях края. Сибирь не знала крепостного права, но она знала административное бесправие»⁸³. В своих публичных лекциях 1864-1865 гг. он развил этот тезис. По мнению Серафима Серафимовича, все служилое сословие от первых воевод до современных ему губернаторов при исполнении своих обязанностей руководствовалось только стремлением обогатиться, грабя край и его обитателей.

Примерно в том же духе оценивал деятельность местной администрации Н. М. Ядринцев⁸⁴. Кардинальное решение проблемы областники видели в изменении существующего строя. Но, учитывая реалии бытия, они осторожно формулировали положение об «улучшении сибирской администрации», толкуя его достаточно широко: от пожеланиям В. Загоскина, «чтобы по временам бывали у нас хорошие чиновники», до требования введения в администрацию «местного элемента» у Н. М. Ядринцева⁸⁵.

Вслед за декабристами сибирские областники начального периода уделили особое внимание «инородческому вопросу», т. е. положению и перспективам развития аборигенных этносов региона. Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, упомянутые выше прокламации констатировали бедственное положение инородцев, обусловленное произволом и грабежом со стороны торговцев, чиновников, собственной родо-племенной знати, метко названной Шашковым «язвой своего народа»⁸⁶. Одновременно Ядринцев отверг выводы реакционных ученых о неизбежности полного вымирания коренных жителей Сибири и указал на необходимость тщательного изучения истинного положения дел в инородческой среде⁸⁷.

Следует отметить, что недостаток статистических сведений, отсутствие наработок в этнографии не позволили областникам середины 1860-х гг. ответить на поставленные ими актуальные вопросы «инородческой» проблемы — она получила комплексное обоснование в трудах Н. М. Ядринцева более позднего времени. В 1860-е

гг. сторонники движения ее решение в самом общем виде связывали с развитием культуры, науки, образования. В 1865 г., отвечая на вопросы следственной комиссии, Г. Н. Потанин особое внимание обратил на положение казахских батраков — джатаков. «На Иртыше, около казачьих станиц, — замечал он, — живет множество киргизов, известных под названием джатаков. Джатаки — это войсковой пролетариат. В экономическом отношении они составляют часть войскового народа, хотя официально состоят в ведении не войскового ведомства. Почти у каждого казака во дворе стоит киргизское семейство джатаков, которое за ничтожное право доить выдоенных коров должно исполнять тяжелые работы, рубить дрова, ездить за ними за 40 верст и проч... По моему мнению, джатаков следовало бы обратить в войсковое сословие, предоставить пользоваться казачьими лугами и землями наравне с казаками, а также обязав их казачьей службой, от чего они, вероятно, не откажутся»⁸⁸. Тот же Потанин, разбирая в Томском губернском правлении дело «Об улучшении быта инородцев», тянувшееся 40 лет, а материалы которого, будучи сложены один на другой, составили стопку высотой один метр, так и не смог предложить что-нибудь конструктивное для улучшения их положения. В какой-то степени обобщенное мнение областников по данному вопросу высказал в 1864 г. А. П. Шапов: «Все они ждут от нас помощи к развитию и лучшему проявлению сил на пользу общенародную. Не крестиками миссионеров, не табаком и водкою русских торговцев мы должны располагать, привлекать их к себе и своей расе, не хитростью и обманом, а русским хлебом и солью, дешевым, добросовестно продаваемым товаром, хорошо устроенными ярмарками, хорошими школами, человеческим обращением с ними и т. д.»⁸⁹.

Следующим пунктом программы стал вопрос о подготовке собственной интеллигенции в сибирском университете. Он был центральным, но не единственным пунктом областнической программы развития культурной сферы территории: предусматривалось создание школ и библиотек, книжных магазинов и типографий, большое значение придавалось развитию местной литературы и периодической печати, заведению собственного литературного органа. Таким образом, областники первой половины 1860-х гг. выступили с ярко

выраженных просветительских позиций, направленных на повышение образовательного и культурного уровня сибирского социума. «Да здравствует Сибирь, просвещенная светом науки и знаний от гор Уральских до берегов Великого Океана!» — восклицал С. С. Шашков, завершая цикл публичных лекций⁹⁰.

Лидеры областников приступили и к обоснованию особенностей Сибири с учетом природно-климатических, этнографических, географических факторов и процесса колонизации, т. е. собственно к формированию концепции Сибири как особой области, особого региона. Фундаментом послужили федералистские идеи А. П. Шапова, основанные, как говорилось выше, не на национальных различиях, а на специфике природно-климатических условий существования русского этноса. Правильно отметил В. Г. Мирзоев, что он «в почти готовом виде дал областникам конструкцию, которую только оставалось заполнить конкретными материалами»⁹¹.

Сторонники движения и начали «заполнять» отдельные клеточки конструкции. Как отмечалось выше, отсутствие крепостного права, дворянства, по их мнению, способствовало формированию демократических традиций у сибиряков и таких качеств, как предприимчивость, стремление к знаниям, чувство собственного достоинства и г. д. Вопрос о природно-климатических особенностях региона первым поставил Г. Н. Потанин. Он считал, что территория в этом плане резко отличается от Европейской России, но внутри ее царит единообразие, оказавшее нивелирующее «действие на всех разнохарактерных переселенцев в нее, великорусы, малороссы, поляки принимают в ней общий, смешанный тип сибиряка»⁹². В целом, идеологи раннего областничества формулировали вывод об образовании в Сибири нового этнографического типа. Причем, если в цитированном выше отрывке Потанин ведет речь о смешении славянских этносов, то Шашков и Ядринцев заявляли о слиянии европейско-русской расы с азиатскими (финно-угорскими, тюрко-монгольскими) народами⁹³. По мнению первого, этот процесс шел при преобладании великорусского (новгородского) племени, Ядринцев обе исходные группы рассматривал как равнодействующие. Но, так или иначе, все они предсказывали в будущем образование нового этнического типа сибиряка.

Завершая анализ программных положений, необходимо ответить на вопрос о том, чьи интересы выражали областники в первой половине 1860-х гг. В более широкой постановке речь идет о существовании в Сибири этого периода социальной базы для революционно-демократического движения.

Социальной опорой в борьбе за независимость Сибири сторонники движения считали аборигенов, русских крестьян, потомков вольнолюбивых новгородцев, поморов, принесших с собой «призывный звон вечового колокола»⁹⁴. Поэтому Шашков подчеркивал в лекциях, что «бунты туземцев вместе с бунтами и заговорами русских должны занять одно из главных мест в истории сибирской колонии. Их очень много»⁹⁵.

Можно наблюдать, как менялись в этом отношении взгляды Г. Н. Потанина. Первоначально, еще находясь на военной службе, он рассматривал казачество как элемент, оппозиционный самодержавию, в силу своего положения крепостных государств. Однако, возвратившись в Омск и начав агитацию среди казачьих офицеров, он убедился, что «войско консервативно», и из казачьего патриота, по собственным словам, превратился в патриота всей необъятной Сибири⁹⁶, а революционный потенциал края видел уже в приисковых рабочих и приписных крестьянах. Тем не менее надежды на радикальные потенции казачества Григорий Николаевич не оставит и в переписке с есаулом Ф. Н. Усовым постоянно рекомендовал ему «подпускать казачье-сибирского патриотизма», «делать намеки о значительной роли, которую придется играть Войску впоследствии в истории»⁹⁷.

Все перечисленные элементы (приписные крестьяне, приисковые рабочие, казаки, аборигены) названы в качестве социальной базы предстоящего революционного выступления в воззваниях «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири»⁹⁸. В них указана еще одна оппозиционно настроенная социальная группа — старообрядцы.

Таким образом, специфика социально-экономического развития Сибири наложила отпечаток на взгляды областников. Оценивая с революционно-демократических позиций перспективы эскалации радикальных настроений местного социума, ведущей силой освободительного процесса они считали приписное крестьянство, казаче-

ство, приисковых рабочих, коренных жителей. Анализ общественно-политических взглядов наиболее активных сторонников движения 1860-х гг. (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, М. В. Загоскин, Ф. Н. Усов, Н. С. Щукин, С. С. Попов и др.), их отношения к социально-экономическому, политическому и культурному развитию Сибири позволяет утверждать о их революционной направленности. Более того, в значительной степени областники развили, углубили и наполнили фактическим содержанием отдельные положения, сформулированные в отношении региона видными идеологами революционной демократии рассматриваемого времени — А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. В. Шелгуновым, М. А. Бакуниным и др.

§ 3. Деятельность областников в Сибири. Следствие и суд

В течение 1863 г. члены областнического кружка вернулись в Сибирь: Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Ф. Н. Усов — в Омск, С. С. Шашков — в Красноярск, Н. И. Наумов — в Тобольск, В. Я. Колосов — в Иркутск, А. П. Щапов не по своей воле — тоже в Иркутск, еще раньше сюда вернулся Н. С. Щукин.

В Омске Г. Н. Потанин занялся организацией пропагандистского кружка из знакомых офицеров. Ему активно помогали прибывшие сюда осенью 1863 г. Ф. Н. Усов и Н. М. Ядринцев. В состав объединения вошли: есаулы Ф. Н. Усов, А. П. Нестеров, сотник А. К. Сапожников, прапорщики А. С. Бабиков, Ф. Я. Зимин, А. А. Тахта-ров, хорунжие П. С. Пахоруков, А. И. Подкорытов, А. Д. Шайтанов, кадет Г. Н. Усов. Кроме участия в заседаниях казачьего депутатского собрания, члены кружка проделали большую работу по устройству воскресной школы, библиотеки и общества распространения грамотности среди казаков. Содействие в приобретении книг для нее оказал И. А. Худяков.

С отъездом Потанина в Томск агитационную работу на Иртыше возглавил Ядринцев. «В Омске я жил, воротясь из Петербурга, в лихорадочной деятельности, основывал кружки и влиял на молодежь». — вспоминал он⁹⁹. Апофеозом деятельности кружка стал литературный вечер 11 ноября 1864 г., на котором А. С. Бабиков высту-

пил с рефератом по статье И. Л. Михайловского об эмансипации женщин, а Ядринцев с лекцией «Общественная жизнь в Сибири», позднее опубликованной в «Томских губернских ведомостях».

Акция вызвала негативную реакцию среди чиновников, и в декабре 1864 г. Ядринцев перебрался в Томск. Тем не менее деятельность омского кружка не прекратилась. Его члены Ф. Н. Усов и П. С. Пахоруков подготовили статьи для "Томских губернских ведомостей". В одном из писем Ф. Н. Усову Ядринцев рекомендовал подготавливать «народные умы сибиряков к революции, чрез музыкантов войскового хора и воспитанников Сибирского кадетского корпуса»¹⁰⁰.

Следующим центром пропагандистской деятельности областников в Сибири стал Томск. Волна общественного движения докатилась и до него. Как вспоминал Потанин, «здесь образовались либеральные кружки, заводились журфиксы, на которых читали литературные новинки, а иногда подпольные листки, рассуждали о политике»¹⁰¹. Произошли определенные сдвиги и в культурной жизни города: в 1863 г. открылась женская гимназия, Д. Л. Кузнецов при мужской гимназии создал первую в городе библиотеку.

Здесь, как и в Омске, Потанин организовал кружок единомышленников, в который вошли Д. Л. Кузнецов, преподаватели гимназий И. К. Смирнов, Е. И. и И. К. Паромоновы, а также А. А. Зерчанинов, Классовский, купец А. П. Пичугин. В Томске впервые представилась возможность использовать в агитационных целях печатное слово — местный официоз «Томские губернские ведомости». Редактором неофициальной части газеты (литературного приложения) был назначен Д. Л. Кузнецов, пригласивший своих единомышленников к сотрудничеству. Областники попытались определить проблематику статей и в наброске программы издания, сохранившейся в бумагах Потанина, предполагали поднять вопросы о создании обществ грамотности, о земских учреждениях, эмансипации женщин, положении горнозаводских и присковых рабочих, о публичных библиотеках, просвещении аборигенов и т. д.¹⁰²

Программа последовательно реализовывалась. За 1864- первую половину 1865 г. в газете появилось более 20 статей областников. Члены кружка практически еженедельно проводили литератур-

ные вечера, спектакли в пользу сибирских студентов. В. Я. Колосов открыл частную школу для мальчиков.

Своеобразным апофеозом деятельности объединения явились публичные лекции С. С. Шашкова. Узнав о его выступлениях в Красноярске весной 1864 г., Потанин пригласил лектора в Томск. Шашков дал согласие и, получив разрешение от томского губернатора, в начале февраля 1865 г. прочел в благородном собрании цикл лекций по истории Сибири. «Лекции произвели необыкновенный фурор, особенно среди молодежи и семинаристов», — вспоминал Ядринцев¹⁰³. О них стал говорить весь город. Заключительное выступление Ядринцев и Колосов превратили в своеобразный митинг. По их сигналу заранее подготовленные семинаристы после заключительных слов лектора «Да здравствует будущий сибирский университет!» начали скандировать: «Нам нужен университет!»¹⁰⁴. Общественный резонанс был велик, и вплоть до конца апреля 1865 г. интеллигенция Томска обсуждала содержание сказанного. Сообщая об этом Ф. Н. Усову, Потанин заметил, что «неугомонившееся общество сочиняет сплетни, что или Шашкова велено арестовать, или кто-нибудь донос сделал и пр.»¹⁰⁵. Обе версии подтвердились. На основании рапорта томского жандармского офицера начальник Главного управления Западной Сибири генерал-лейтенант Панов 16 марта 1865 г. отдал приказ «произвести внезапный обыск его [Шашкова] корреспонденции и бумаг и если окажется в них что-нибудь подозрительное, то заарестовать его, отобрав, во всяком случае, прочитанные им лекции, которые доставить ко мне с уведомлением о результатах обыска»¹⁰⁶. От немедленного ареста Шашкова спас отъезд из Томска, состоявшийся в день подписания приказа.

Гораздо меньше, чем об омском и томском кружках, нам известно об еще одном активно действовавшем объединении — в Иркутске. Виной тому почти полное отсутствие источников, поэтому его историю приходится реконструировать по косвенным данным, в частности на основе анализа писем Г. Н. Потанина Н. С. Щукину за 1860-1865 гг. В отличие от других областнических формирований иркутский кружок действовал в течение всего рассматриваемого периода, с конца 1850-х до середины 1860-х гг. Его центром являлась библиотека М. П. Шестунова, вокруг которой в разное время груп-

пировались М. В. Загоскин, В. И. Вагин, И. А. Пирожков, Н. М. Павлинов, И. В. Федоров-Омулевский, И. В. Ушаров, С. С. Комаров, Н. Н. Пестерев, С. С. Попов и др. С возвращением в 1861 г. в Иркутск Н. С. Щукина, этого, по выражению П. М. Ядринцева, «большого агитатора и пропагандиста»¹⁰⁷, руководство в кружке перешло к нему. Для пропаганды своих идей использовались издававшиеся в городе газеты — «Иркутские губернские ведомости» (до 1860 г.) и «Амур» (1860-1862), одним из редакторов последнего являлся Загоскин.

При деятельном участии Щукина в 1862 г. он издавал литературный сборник «Сибирские рассказы», началась подготовка к выпуску журнала. Первоначально предполагалось придать ему юмористический характер (по типу «Искры»*), затем кружок принял решение издавать литературно-художественный журнал «Сибиряк». Сотрудничать в нем изъявил желание А. П. Щапов¹⁰⁸. Планы Щукина были подвергнуты разгромной критике со стороны Потанина, который считал необходимым придать повременному изданию местно-политическое звучание с преобладанием публицистики¹⁰⁹. Из этого ничего не получилось, и в 1864 г. Щукин и Павлинов выступили с циклами публичных лекций. У первого они были посвящены истории Сибири и Иркутска. О содержании лекций второго ничего не известно, за исключением высокой оценки со стороны Потанина¹¹⁰.

Пропагандистская работа велась и в других сибирских городах. В 1864-1865 гг. в Тобольске учитель гимназии Бильдинский прочитал семь лекций по истории русской литературы. Активную деятельность развернул прибывший в ноябре 1863 г. в Красноярск С. С. Шашков, который открыл частную школу и преподавал историю в местной гимназии. В мае 1864 г. он вместе со зрителем Красноярского духовного училища Тетюковым пытался встретиться с проезжавшим через город в ссылку А. П. Щаповым, но так и не получил разрешения от жандармов¹¹¹. Наконец, в начале 1864 г. Шашков впервые прочел в Красноярске цикл из пяти лекций по истории Сибири. Они имели шумный успех и вызвали недовольство у чиновников и

* «Искра» — сатирический журнал с карикатурами, выходил в Санкт-Петербурге в 1859 -1873 гг. под редакцией В. С. Курочкина и Н. А. Степанова.

жандармов¹¹². Активно переписывался он с Иркутском и Томском, участвуя в координации усилий областников.

Деятельность сторонников движения в Сибири в 1863-1865 гг. носила целенаправленный и скоординированный характер. Они были связаны перепиской, регулярно обменивались новостями, обсуждали свои нужды, планировали совместные мероприятия. Областники продолжали поддерживать связи с революционно-демократическим движением в Европейской России. Об этом говорит их причастность к попытке освобождения Н. Г. Чернышевского, предпринятой членами организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. Дело в том, что в руки жандармов попали рекомендательные письма, написанные для Н. П. Страндена, который должен был отправиться в Сибирь и организовать побег Чернышевского. Одно из них адресовалось Н. И. Наумову в Тобольск. А два других «названный злоумышленник (Странден.— М. Ш.) по предварительному соглашению с Худяковым должен был передать кому-либо из указанных ему, находящихся в Сибири лиц, именно Мурашко — в Омске, Виктору Гриневичу — в Томске, доктору Вышинскому — в Тобольске, Кухарскому — в Иркутске, Пестереву в Иркутске и Ямонтам»¹¹³. Так Н. Н. Пестерев попал в поле зрения политического сыска.

При сопоставлении его показаний с другими материалами выясняется следующее. В 1863 г. в Иркутске Пестерев познакомился с семьей Шелгуновых и сопровождал его жену и ребенка на обратном пути в Россию. В 1864 г. он отправился за границу, где встретился с А. И. Герценом и вывез от него план освобождения Чернышевского. Поскольку И. А. Худяков также был за границей и встречался с Герценом в 1865 г., можно предположить, что последний посвятил и его в детали бесед с Пестеревым и они оказались исполнителями задуманного. Так или иначе, но ишутинцы активно готовились к операции, и лишь выстрелы Каракозова и арест большей части членов организации в начале апреля 1865 г. прервали подготовку.

По всей видимости, о плане освобождения знали и другие областники. Об этом сообщал провокатор Люцинский. 21 августа 1865 г. он доносил, что Ядринцев, говоря о Наумове и Худякове, подчеркнул: «Если они теперь пострадают, то для общего блага, и

что рано или поздно идея их осуществится»¹¹⁴. По этому делу у Н. И. Наумова в Тобольске 23 сентября 1865 г. был произведен обыск, но ничего компрометирующего в его бумагах не обнаружили¹¹⁵. Н. Н. Пестерев же в 1867 г. был освобожден из-за отсутствия улик и в 1869 г. выслан в Иркутск, после чего его имя больше нам не попадалось.

Анализируя сюжет с попыткой организации бегства Н. Г. Чернышевского из Сибири, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, можно с уверенностью отнести ее к 1864 — началу 1865 г. Непосредственно к ней имели отношение Н. Н. Пестерев, И. А. Худяков, Н. И. Наумов, А. И. Герцен. С. С. Шашков. Во-вторых, приведенные данные свидетельствуют о непосредственных связях Пестерева и Худякова с областниками в Сибири.

Н. А. Лапин и С. Ф. Коваль высказали предположение о существовании в Сибири в рассматриваемое время местной организации «Земля и воля», возглавляемой Потаниным и Ядринцевым¹¹⁶. К настоящему времени мы не располагаем фактами, подтверждающими это заявление. Однако согласованность действий, их массовый характер и содержание выступлений позволяют утверждать о координации действий областников в 1863-1865 гг., наличии у них прочных связей, единого идеологического и организационного руководства, осуществляемого названными выше лицами.

Обращает на себя внимание специфика деятельности областников в Сибири. Во-первых, она носила исключительно пропагандистский характер. Во-вторых, направлялась не на все слои местных жителей, а на образованную часть немногочисленного городского социума, прежде всего молодежь. Ими предпринимались единичные попытки пропаганды среди простолюдинов. В-третьих, в пропагандистской работе упор делался на периодическую печать.

Таким образом, соглашаясь с оценкой Н. А. Лапина и С. Ф. Коваля революционно-демократической направленности деятельности областников в 1863-1865 гг., а также с утверждением о наличии у них единой программы, пока еще аморфной организации, мы полагаем, что эта работа не преследовала цели непосредственной подготовки вооруженного восстания в Сибири. Реально оценивая обста-

новку, Потанин отмечал слабый эффект, производимый их публичными выступлениями. «Вы желаете знать о лекциях Шашкова,— писал он в марте 1865 г. А. Д. Шайтанову.— Они, кажется, больше взволновали начальство, чем публику»¹¹⁷.

Между тем над областниками сгушались тучи. Их деятельность встревожила местную администрацию. Как уже отмечалось, еще в марте 1865 г. был отдан приказ об аресте С. С. Шашкова, и 7 мая в Красноярске на его квартире производится обыск¹¹⁸. В конце 1864 г. агент-provokator С. С. Попов в Иркутске доносит непосредственно генерал-губернатору М. С. Корсакову о лично «дознанной им конспиративной переписке сибирских „сепаратистов“, бывших студентов С.-Петербургского университета Григория Потанина в Томске, Николая Ядринцева в Омске, Серафима Шашкова в Красноярске и Николая Наумова, собирающегося из Петербурга в Тобольск»¹¹⁹. Ему не пришлось затратить особых усилий по поиску юреспондентов, поскольку Попов входил в состав сибирского земляческого кружка в Петербурге, а после возвращения большей части его участников в Сибирь встречался с ними и осуществлял непосредственную связь («видевшийся с Вами Попов передал мне»,— сообщает С. С. Шашков Г. Н. Потанину в одном из писем)¹²⁰. Донос остался без последствий. Восточносибирская администрация в лице генерал-губернатора положила его под сукно, и тучи над Шашковым сгустились по инициативе Омска.

В этой обстановке 21 мая 1865 г. у воспитанника Омского кадетского корпуса А. Самсонова дежурный офицер отбирает прокламацию «Патриотам Сибири». «Младший брат Ф. Н. Усова, кадет Гавриил Усов,— вспоминает Г. Н. Потанин,— отыскивая в письменном столе своего брата почтовую бумагу, нашел исписанный листок, что и была прокламация. Он прочел ее, заинтересовался и, не сказав ничего брату, унес в корпус, чтобы показать товарищам. Она начала ходить по рукам и попала в руки одного кадета, фамилию которого я забыл (А. Самсонов. — *М. Ш.*) с недисциплинированной средой характером, что называется по-киргизски дженды; на русскую простонародную терминологию можно было бы перевести это слово — „дурной“. Захватив прокламацию, этот „дурной“ юноша стал пользоваться ею, чтобы выманывать у Гани Усова папиросы, кото-

рые он приносил в корпус из квартиры брата. Он обещал Гане отдать прокламацию, когда тот даст ему папиросы, но всякий раз обманывал его; получит папиросу и убежит с ней. Наконец, они условились отдать; один — папиросу, а другой прокламацию из рук в руки; пошли в укромный уголок, произвели обмен и начали курить. Дежурный офицер, обходя камеры, заметил табачный запах, пошел навстречу ему и накрыл преступников. Офицер начал шарить в карманах кадета, надеясь найти в них табак или папиросу, но вместо запрещенного табака нашел возмутительное воззвание»¹²¹. Кадетам было по 16 лет, и их страсть к курению имела роковые последствия для сторонников движения.

По факту обнаружения прокламации и. о. генерал-губернатора, все тот же генерал Панов, назначил следственную комиссию во главе с членом Главного управления Западной Сибири статским советником Ю. П. Пелино. В нее вошли жандармский подполковник В. П. Рыкачев, коллежский асессор О. Ларионов, штабс-капитан Фредерикс. По горячим следам был произведен обыск на квартире брата малолетнего кадета есаула Ф. Н. Усова, «нашли два литографических станка, о заведении которых говорилось в воззвании», «отобраны выписки из "Полярной звезды" за 1858 г. и 10 писем к Усову от Г. Н. Потанина и А. Д. Шайтанова»¹²². В последних внимание жандармов привлекло не только пожелание Потанина нагнетать казачий патриотизм, но и «неодобрительные отзывы об особах царствующего дома», что впоследствии было поставлено подследственным в вину отдельным пунктом.

Допрошенный Ф. Н. Усов показал, что прокламация досталась ему в наследство от Н. М. Ядринцева и о ней знали прапорщик Ф. Зимин, А. Д. Шайтанов, С. С. Шашков и Н. С. Щукин¹²³. Таким образом, следствию стало известно о сибирском земляческом кружке.

23 мая были арестованы кадеты Г. Усов, А. Самсонов, Н. Кирьянов. Препарировав «улов», комиссия в рапорте на имя генерала Панова от 27 мая испросила разрешение на аресты Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и Е. Я. Колосова в Томске, прапорщика Ф. Зимина в Ярославле, Н. С. Щукина в Иркутске и С. С. Шашкова в Красноярске¹²⁴. По свидетельству Потанина, хорошо знавшего многих

омских чиновников и офицеров, Панов «не нашел достаточного повода к аресту меня, Ядринцева и Колосова, на чем крепко настаивал Рыкачев. Но последний чуть не клялся, что в нашей компании найдет автора воззвания. Панов уступил»¹²⁵.

Телеграфно рассылаются шифрованные предписания. Поскольку в это время Потанин, Ядринцев, Колосов находились на заимке купца А. П. Пичугина, их арестовали и произвели обыск у них 27 или 28 мая. Тут и произошли первые проколы в организации дознания. В постановлении следственной комиссии от 1 июня отмечалось: «Эти лица (Потанин, Ядринцев, Колосов. — *М. Ш.*), после сделанного у них обыска, не были арестованы, а только отданы под присмотр полиции и обязаны подписками не выезжать из города. Все эти обстоятельства благоприятствовали для политических преступников Потанина, Ядринцева, Колосова, которые могли легко сговориться, как отвечать на вопросы, которые им будут предложены»¹²⁶. К тому же к 28 мая были просмотрены не все бумаги, изъятые у Потанина. Лишь часть их, в количестве 53 листов, была изъята и прошнурована, а остальные возвращены владельцу. «Но, получив сего числа предложение Вашего Превосходительства за № 207 о том, дабы все бумаги без исключения были представлены в Омск,— сообщал томский губернатор,— послан был мною адъютант штабс-капитан Афанасьев отобрать вновь полученные Потаниным его бумаги, но, по сознанию Потанина, некоторые из них были уже им уничтожены»¹²⁷.

Неожиданный результат дает обыск на квартире Н. С. Щукина 29 мая в Иркутске. Помимо запрещенной литературы, изымается вторая рукописная прокламация «Сибирским патриотам». Допрошенный по этому поводу, он показывает, что листовку к нему принес воспитанник местного военного училища А. Е. Золотин и знакомился с ее содержанием купеческий сын П. А. Тарасенко¹²⁸. 1 июня комиссия испрашивает разрешение на их арест, но только 17-го в Иркутск посылается соответствующее предписание.

Промежуточный итог расследованию подвел в своем рапорте от 31 мая 1865 г. в III отделение томский жандармский офицер: «... но в числе писем корреспонденции его [Потанина] с разными лицами, мною доказывает; во-первых, отношения его с лицами, подвергнутыми

ссылке как избалованные злыми агитаторами, а именно с Бакуниным, Щаповым, Чернышевским и проч.; и, во-вторых, способность его [Потанина] сочувствовать разных красных идей лицам...»¹²⁹. По итогам обыска в Москве у А. Д. Шайтанова жандармский полковник Воейков сообщал, что изъятые у него материалы «заключают в себе выражения социализма, революционное направление и нигилизм», а сам хорунжий Шайтанов «личность весьма замечательная, на все делаемые вопросы к разъяснению найденной у него переписки отвечал уклончиво или отзывался совершенным незнанием»¹³⁰.

Тем временем туго закрученная спираль полицейского сыска продолжала стремительно раскручиваться. В разные уголки Сибири из Омска шли шифрованные телеграммы: произвести «внезапный и безотлагательный просмотр бумаг» у такого-то или такого-то и «если найдут что-нибудь подозрительное, то арестовать и выслать в Омск. В противном случае (если компромат не обнаружен.—*М Ш.*) иметь за ними негласный надзор». Для подобного предписания достаточно было упоминания той или иной фамилии в изъятый переписке или во время допроса.

По пути из станицы Коряковской в Омск был задержан брат Ф. Н. и Г. Н. Усовых хорунжий Гр. Н. Усов, который на допросе показал, что прокламацию, обнаруженную в кадетском корпусе, написал Н. М. Ядринцев¹³¹. Не всегда «внезапные и безотлагательные обыски» давали какие-то результаты. Иногда «улов» хотя и не имел отношения к делу областников, но служил основанием для ареста, поскольку изымалась запрещенная литература. Так, у купеческого сына Нечаева нашли воззвание «К молодому поколению» и письма Искандера (А. И. Герцена). Тем не менее со всей Сибири в Омск свозились новые фигуранты по делу. Всего, по подсчетам Н. А. Лапина, по нему арестовали 59 человек, а общее число привлеченных к дознанию достигло 70¹³².

Следственная комиссия использовала весь арсенал воздействия, взятый на вооружение охранкой. Непрерывные допросы, очные ставки, предложения сделать откровенные признания должны были развязать языки у подследственных. Но всего этого показалось мало, и комиссия решила прибегнуть к испытанному методу получения компромата — провокации. Принимается решение «приискать в городе такого способного человека, который бы согласился, чтобы его арестовали, как будто за участие по этому же делу.

Этот человек должен быть арестован в одной комнате с теми из политических преступников, которые уже сознались в своем преступлении. Этот человек должен стараться заслужить доверенность означенных лиц и выведать от них все те подробности, которые по настоящему делу необходимы Комиссии»¹³³.

Однако задействованные средства эффекта не дали. Установить авторов воззваний не удалось. Владелец первой по времени обнаружения прокламации «Патриотам Сибири» Н. М. Ядринцев показал, что оную ему выслал в Омск летом 1864 г. бывший студент Петербургского университета Сидоров. «Эту прокламацию, написанную неразборчиво, он сам переписал, а присланную уничтожил». Воззвание он впоследствии отнес к Усовым, там его читал вслух и оставил, дав переписать А. Д. Шайтанову. Позднее свой экземпляр уничтожил и «не знает, чьею рукою переписана прокламация, найденная в кадетском корпусе»¹³⁴. Версия Ядринцева определялась показаниями Гр. Н. Усова, указавшего на него как на автора воззвания и человека, благодаря которому оно появилось у братьев на квартире. Для правдоподобия пришлось придумать эпизод с перепиской документа.

Тем временем, изучая прокламацию и изъятые во время обысков бумаги, эксперты отметили полное сходство почерков анонимного автора и подпоручика А. Зимина, Но последний категорически отрицал факт переписки и признавался лишь в знакомстве с Ядринцевым и разговорах о возможности превращения в будущем Сибири в отдельное государство¹³⁵. Сидорова найти не удалось, и вопрос об авторстве остался открытым.

Запутанной была ситуация со вторым воззванием — «Сибирским патриотам», изъятым в Иркутске у Н. С. Щукина. Согласно показаниям подследственных, оно впервые появилось в Петербурге летом 1863 г.— С. С. Шашков получил его по городской почте от неизвестного лица. «По приезду в Иркутск,— сообщается далее в "Краткой записке к следственному делу" на основе информации самого Серафима Серафимовича,— он хранил эту прокламацию в своем бумажнике и, делая однажды покупки, как-то обронил бумажник и не разыскивал оный, потому что в нем лежала прокламация»¹³⁶. Дополнительно на допросе 19 июля он показал, что на полученной по почте прокламации имелись инициалы С. С. Ш.¹³⁷ Как видим, Шаш-

ков не отрицал своей причастности к появлению воззвания в Иркутске, но, подобно Ядринцеву, объяснил его наличие у себя присылкой по городской почте в столице от неизвестного лица.

Н. С. Щукин, в свою очередь, сразу же после обыска 29 мая объяснил, «что найденная у него прокламация „Сибирским патриотам“ списана была воспитанником тамошнего военного училища Андреем Золотимым»¹³⁸. В июне он дал разъяснения по поводу термина «списана». Оказывается, воззвание содержалось в переплетенной тетради, которую А. Е. Золотин принес и показал ему. Щукин был занят и не обратил внимания на то, что юнкер взял со стола бумагу и начал переписывать из тетради злосчастную прокламацию. Но в следующее воскресенье Золотин передал ее ему с инициалами С. С. Ш. Действительно, на документе, изъятом у Щукина, такие инициалы имелись, но были частично срезаны снизу, так как, по информации последнего, сделал это он сам из-за опасения в «неверности слов Золотина, будто бы воззвание это написал Шашков»¹³⁹.

6 июля Щукин показания меняет и указывает на А. П. Шапова как на составителя прокламации, но 5 августа во время очной ставки с последним заявляет, что оговорил его. Через день, 7 августа, «сознался, что это воззвание сочинил он 25 февраля сего года на лоскутках, которые потом сжег. Золотин же действительно переписывал это воззвание под его диктовку». Что касается омского экземпляра, то, по свидетельству Щукина, сочинил его Потанин или Шашков. 10 августа он заявил о самооговоре и вернулся к первоначальной версии, согласно которой Золотин принес прокламацию к нему в квартиру в переплетенной тетради и читал ее Н. В. Ушарову и П. А. Тарасенко. На очных ставках с А. Е. Золотиным и Н. В. Ушаровым 11, 12, 13 августа Щукин подтвердил и конкретизировал эти показания, сообщив, в частности, «что Золотин действительно говорил ему, что буквы С. С. Ш., написанные в конце воззвания, означают имя автора Серафима Серафимовича Шашкова»¹⁴⁰. В письме к императору Александру II (декабрь 1865 г.) и в прошении на имя шефа корпуса жандармов в 1868 г. он признался в хранении «безграмотной рукописи под заглавием „Сибирским патриотам“, где высказана детская мысль об обращении сибирских пустынь в независимую от Империи республику» и в «недонесении на лицо, кото-

рое занесло ее ко мне в дом»¹⁴¹. В свою очередь, Золотин показал, что Щукин заставлял его неоднократно (5 или 6 раз) переписывать прокламацию из тетради¹⁴².

Поведение Н. С. Щукина дало повод его товарищам, оставшим после себя воспоминания, сделать однозначный вывод о помешательстве иркутского учителя, пытавшегося оговорить своих друзей, а затем на очных ставках отказавшегося от показаний¹⁴³. Примерно так же объяснил случившееся в письме к Александру II и сам Николай Семенович¹⁴⁴.

Казалось бы, мы имеем дело с классическим примером оговора и самооговора в условиях жесткого прессинга допросов и очных ставок, так хорошо известных из практики массовых репрессий сталинского времени. Однако Потанин отметил интересную подробность: «Хотя в разговоре (Н. С. Щукин.—М. Ш.) путался и говорил нелепости, но он послал из заключения статью в „Голос“ о необходимости сибирского университета, и в ней не оказалось никаких погрешностей против логики»¹⁴⁵. Внимательно изучив материалы следственного дела в архивах Москвы, Омска и Новосибирска, мы пришли к выводу о намеренном избрании им такой линии поведения. Следствию он так и не сообщил фамилии авторов, а также каким путем прокламация попала к нему. С другой стороны, дабы как-то выйти из тупика, созданного им самим, Николай Семенович начал симулировать помешательство. Прием, в общем-то, удался, допросы прекратились, но сам он оставался «под сильным подозрением». Щукин расчетливо продолжал борьбу за собственное спасение и дальше.

Следственной комиссии не удалось или она не захотела связать концы разрозненных показаний Н. С. Щукина и оговоренных им (А. Е. Золотин, Н. В. Ушаров, С. С. Комаров, П. А. Тарасенко), а также С. С. Шашкова. В результате так и не были выявлены обстоятельства появления воззвания в Иркутске и его автор (авторы). Остальные привлеченные по делу сознавались лишь в том, что читали или переписывали прокламации. Само по себе это было в новинку для российского революционного движения, поскольку, по авторитетному свидетельству Б. П. Козмина, в 1860-х гг. «большинство арестованных по политическим делам спешило рассказать

своим следователям все, что им было известно по делу, а иногда и больше того»¹⁴⁶.

В ситуации, когда не удалось установить авторов прокламаций, против арестованных было выдвинуто обвинение в сепаратизме и подготовке отделения Сибири от России посредством вооруженного восстания. В принципе в протоколах допросов содержались признания по этому поводу. 19 июля Шашков показал: «Идея самостоятельности Сибири возникла во мне в бытность мою в Казани под влиянием господствующих в литературе толков о децентрализации и областном самоуправлении»¹⁴⁷. На очной ставке А. Е. Золотина и Н. В. Ушарова 16 августа первый уличал второго в том, «что он спорил с г. Щукиным об отделении Сибири от России, г. Ушаров был пьян, и он говорил, что Сибирь можно отделить сейчас и явиться... в Забайкальский край и сделать там бунт, посредством прочтения какого-нибудь указа, а Щукин говорил, что народ надо прежде всего учить, а потом приниматься за дело»¹⁴⁸. В обобщенном виде концепция «заговора с целью отделения» излагается в «откровенном признании» Г. Н. Потанина на допросе 7-8 июля. Он рассказал, что его деятельность заключалась «в воспитании в сибирском юношестве местного патриотизма посредством идеи о будущей судьбе Сибири как независимой республики и в разработке этой же идеи в литературе и науке». На предложение назвать лиц, которым известно это, Григорий Николаевич сообщил: «Лучшие поборники этой идеи — я, Ядринцев и Шайтанов. Известна эта идея многим, вероятно. Мною же она сделана известною Шайтанову, Усовым, Нестерову, Подкорытову и вообще всем молодым офицерам в Омске, которые были при мне. В Томске — Колосову, редактору Кузнецову, в Петербурге — студенту Лукину. Кроме того, это известно — Павлиновым и Щукину. Последние расположены ли к этой идее, не знаю. Г. Кузнецов также не соглашался с правильностью этой идеи. Колосов тоже оспаривал»¹⁴⁴.

Показания Потанина, несмотря на его субъективное желание взять на себя всю ответственность за случившееся, позволили комиссии утверждать о существовании заговорщической организации во главе с ним, возникшей еще в Петербурге. Поэтому в информации шефа корпуса жандармов Александру II от 10 октября 1865 г. о ходе следствия уже прямо утверждалось: «Потанин сознался, что

если не он положил начало сибирскому сепаратизму, то значительно развил его и в прокламации „Патриотам Сибири“ мало такого, что бы не было обязано ему своим происхождением». Ядринцев же, «...по собственному признанию, действовал во имя сепаратизма Сибири и с этой целью проводил свои идеи в частных письмах и сочинениях»¹⁵⁰.

Расследование подходило к концу. Комиссия разделяла подследственных на виновных и невиновных, давала разъяснения и отписки по поводу отдельных лиц. 27 ноября 1865 г. она закончила работу. Ее итоги излагались в «Краткой записке к следственному делу, произведенному в 1865 г. Комиссией, учрежденной в г. Омске по политическим преступлениям». Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков и Н. С. Щукин обвинялись в «злонамеренных действиях... направленных к ниспровержению существующего в Сибири порядка управления и к отделению ее от Империи». Всем остальным, в зависимости от добытых улик, инкриминировалось знакомство с замыслами и сочувствие им, переписывание прокламаций, хранение запрещенных сочинений, недобрительные отзывы об особах царствующего дома, уклонение от дачи сведений и запирательство. Обвинения выдвигались в отношении 19 человек¹⁵¹.

В. П. Рыкачев повез собранные материалы в Петербург, а у заключенных началось тоскливое прозябание. По завершении разбирательства всех их из тюремного замка (острога) перевели в Омскую крепость, где освободилось много зданий из-за передислокации значительной части гарнизона на юг. Местом их содержания становится гауптвахта. «Камеры запирались только в начале нашего сидения в крепости, потом они были отворены в течение всего дня и запирались только на ночь. Заключенные выходили даже на платформу и тут разгуливали. Это была единственная либеральная гауптвахта в России... Случалось, что мои товарищи украдкой уходили в город, заходили в гости или в пивную. Все это делалось осторожно, так, чтобы не влетело караульному офицеру. Товарищи мои пользовались льготами сдержанно, я не помню, чтобы кто-нибудь при дневном свете вышел за перила платформы; но после заката уходили в город иногда больше половины заключенных»¹⁵².

Глава I

Следует отметить, что дело областников вызвало значительный резонанс в регионе. Отбывавший тогда ссылку в г. Кузнецке Томской губернии В. В. Берви-Флеровский зафиксировал большой интерес общественности к разбирательству в Омске. «После арестов все ознакомились с идеей об автономии Сибири. Сибирский патриотизм оживился, сделался модным», — констатировал он¹⁵³. Любое проявление вольномыслия рассматривалось теперь как результат деятельности «партии сепаратистов». Воздействием областников, в частности, пытались объяснить появление в Томске 14 декабря 1865 г. на столбе выдержек из прокламации «К молодому поколению»¹⁵⁴. Позднее органы политического сыска искали, правда безуспешно, связи сторонников движения с участниками восстания польских ссыльных на Байкале в 1866 г. и членами революционной организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова.

Большая часть арестованных сохранила самообладание. Г. Н. Потанин, С. С. Шашков и Н. М. Ядринцев занялись научной работой и добились разрешения продолжить разбор и систематизацию дел Омского архива. Н. С. Щукин обратился с ходатайством о снисхождении на высочайшее имя. Реакции не последовало, а в начале 1866 г. Николай Семенович просил местные власти отправить его в Петербург, «так как он имеет сделать весьма необходимые дополнения и разъяснения в своих показаниях». Но по настоянию В. П. Рыкачева в поездке было отказано, поскольку «настоящая просьба Щукина есть не что иное, как новая уловка, которая вовсе не послужит к разъяснению дела, а только вовлечет казну в излишние расходы»¹⁵⁵. Тем временем, еще не будучи осужденными, 2 декабря 1866 г. подали прошения о помиловании Шашков, Кирьянов, Усов, Самсонов, Потанин и Ядринцев¹⁵⁶.

Два с половиной года пришлось ждать Потанину и его друзьям приговора. Их дело рассматривалось в административном порядке в Петербурге заочно, поскольку судебная реформа не затронула Сибирь. На приговор существенное влияние оказало усиление революционного движения в стране. «Адский выстрел государственного преступника 4 апреля (1866 г. — Д. В. Каракозов. — *М. III.*) изменил взгляд правительства на наше дело», — констатировал позднее Н. С. Щукин¹⁵⁷.

20 февраля 1868 г. Сенат вынес приговор, откорректированный и утвержденный Государственным Советом и императором. 19 апреля он направлен в Омск, куда поступил 13 мая.

Г. Н. Потанин был приговорен к 5 годам каторжных работ с последующей ссылкой в отдаленные местности Российской империи. А. Д. Шайтанов, Н. С. Щукин, Н. М. Ядринцев лишались прав состояния и подлежали высылке в отдаленные уезды Архангельской губернии; еще четверо (Ф. Н. и Гр. Н. Усовы, Н. В. У шаров и А. Е. Золотин) без лишения прав состояния высылались под административный надзор туда же. Остальные, включая А. П. Нестерова, П. А. Тарасенко, С. С. Комарова, Д. Л. Кузнецова, А. А. Тахтарова, освобождались за отсутствием прямых улик¹⁵⁸.

Перед отправлением на каторгу в крепость Свеаборг (Финляндия) ранним утром 16 мая 1868 г. на левом берегу реки Оми при входе на базарную площадь над Потаниным произвели обряд гражданской казни, а вечером, закованный в ножные кандалы, он был отправлен к месту отбывания наказания. Остальные пошли пешком по этапу, добравшись в сентябре до Нижнего Новгорода.

Таким образом, анализ истории сибирского областничества конца 1850-х — 1860-х гг. показывает, что вся деятельность его сторонников проходила в рамках революционно-демократического направления русского освободительного движения. Особенности рассматриваемого явления заключались в том, что главное внимание обращалось на обоснование специфического положения Сибири и ее особого места в революционном процессе. Тем не менее решение всех актуальных вопросов внутренней жизни региона областники связывали с общими целями революционеров-демократов России.

Они были близки к революционерам-демократам по мировоззрению. Совпадали и формы организации, вернее, сибиряки составили одну из структур революционно-демократического движения. И драматический финал их деятельности был также типичен для своего времени. «В целом же „эпоха 1861 года" была трагическим временем для сил освобождения страны, которые хотя и оформились, но были слишком слабы для того, чтобы переломить в свою

пользу ход событий», — заключают И. К. Пантин, Е. Г. Плимак и В. Г. Хорос, подводя итоги усилиям революционеров-демократов¹⁵⁹. Этот вывод полностью распространяется на областничество в рассматриваемое время.

Примечания

¹ Гагеймейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. С. 136, табл. 1; Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / Отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск, 2002. С. 144; Алисов Д. А. Культура городов среднюю Прииртышья в XIX — начале XX в. Омск, 2001. С. 64.

² Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новоникола-евск, 1923. С. 66.

³ Алисов Д. А. Культура городов... С. 71.

⁴ Маджаров А. С. Эволюция демократического направления в русской историографии 50-70-х гг. XIX в. Иркутск, 1994, С. 168.

⁵ Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 98.

⁶ ГАРФ. Ф. 104, оп. 1865, д. 196, л. 148-151.

⁷ Записки иркутских жителей. Иркутск, 1999. С. 269.

⁸ Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.; Очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. С. 135.

⁹ Ядринцев Н. М. Ипп. Вас. Федоров-Омулевский // ЛНС. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 115.

¹⁰ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 56.

¹¹ Шатрова Г. П. Декабристы в Сибири. Томск, 1962. С. 127-130.

¹² Егоров Б. Ф. Возникновение социалистической мысли в России // Первые русские социалисты. Л., 1984. С. 29.

¹³ Дьяков В. А. Польская ссылка эпохи декабристов // Сибирь и декабристы, Иркутск, 1978. Вып. I; Нагаев А. С. Омское дело 1832-1833, Красноярск, 1991; Шостакович Б. С. История поляков в Сибири (XVII-XIX вв.). Иркутск, 1995.

¹⁴ Захаренко А. Л. Из истории сибирского землячества в Казанском университете (вторая половина 1850-х годов) // Сб. аспирант. работ.; Гуманитарные науки. Казань, 1968. С. 5.

¹⁵ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох, М., 1985. С. 261.

¹⁶ Цит. по: Аристов Н. Я. Жизнь Афанасия Прокофьевича Шапова // Ист. вестн. 1882. № 10. С. 13.

¹⁷ Рубач М. А. Федералистические теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1930. Т. 2. С. 72.

¹⁸ Шапов А. П. Общий взгляд на историю великорусского народа // Изв. Общества археологии, истории и этнографии Казанск. ун-та. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2-3. С. 27.

¹⁹ Он же. О конституции // Там же. С. 50.

²⁰ А. П. Шапов в Иркутске: (Неизданные материалы). Иркутск, 1938. С. 69.

²¹ РО РГНБ. Ф. 216, п. 192, № 13, л. 3.

²² Письмо А. П. Шапова Александру II (16 мая 1861 г.) // Изв. Общества археологии... 1927. Т. 33, вып. 4. С. 92.

¹³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 657, 661.

²⁷ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 61.

²⁸ Аристов И. Я. А. П. Шапов. Жизнь и сочинения. СПб., 1883. С. 74; Рудницкая Е. Л. Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., 1969. С. 276; Эймонтова Л. Г. Русские университеты... С. 207.

²⁹ Ядринцев И. М. Сибирские литературные воспоминания // ЛНС. 1980. Т. 5. С. 115.

³⁰ См.: Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге. Л., 1983. С. 311.

¹¹ Потанин Г. Н. Воспоминания // ЛНС. 1983. Т. 6. С. 115.

³² Шиловский М. В. Демулен из Иркутска (Н. С. Щукин) // Сибирь в составе России XIX — начала XX а. Томск, 1999. С. 80-81.

³³ Герцен А. И. Полное собрание сочинений. Пг., 1919. Т. 12, С. 275.

¹⁴ Там же. Пг., 1920. Т. 16. С. 387.

³⁵ Русско-польские революционные евязы: Сб. док. М., 1963. Т. 2. С. 76,

³⁶ Там же. С. 379.

³⁷ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 59.

³⁸ Там же. С. 49.

³⁹ Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х — 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 75-76.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1861, д. 277, ч. 1, л. 195.

⁴¹ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 42—43

⁴² Потанин Г. И. Воспоминания. С. 160.

Глава I

- ⁴³ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 59.
- ⁴⁴ Там же. С. 60; Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания. С. 301.
- ⁴⁵ Потанин Г. Н. Воспоминания. С. 160.
- ⁴⁶ Он же. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9; Он же. Заметки о Западной Сибири // Там же. 1860. № 9; Он же. О реформе Сибирского казачьего войска // Указатель экономической, политической и промышленной. 1860. № 184; Он же. К характеристике Сибири // «Колокол» — газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Факс. изд. М., 1962. Вып. 3; Шашков С. С. Амурский вопрос // Век. 1862. № 1-6; Он же. Очерки Сибири в историческом и экономическом отношении // Библиотека для чтения. 1862. № 10, 12; Он же. Российско-Американская компания // Очерки. 1863. № 58-61; Он же. Сибирские инородцы в XIX столетии // Нар. богатство. 1863, № 58-61; Он же. Рабство в Сибири // Шашков С. С. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2; Загоскин М. В. Что нам необходимо в особенности // Иркутск. губ. ведомости, 1863. 13, 30 марта; ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 23-27, 72-82; Письма Г. Н. Потанина. Т. 1.
- ⁴⁷ Ядринцев Н. М. По поводу сибирского университета // Томск, губ. ведомости. 1864. 31 янв.; Он же. Сибирь в 1-е января 1865 года // Там же, 1865. 8 янв.; Он же. Общественная жизнь Сибири // Там же. 5 февр.; Он же. Сибирь перед судом русской литературы // Там же. 5 марта; Он же. Этнологические особенности сибирского населения // Там же. 23 апр., 7, 14 мая; Он же. Новые потребности Сибири (март — апрель 1865) // Алтай. Барнаул. 1984. № 4; Потанин Г. Н. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н. М. Ядринцеву) // Там же. 1864. 9 окт.; Он же. Климат и люди Сибири // Томск, губ. ведомости. 1865. 26 марта, 5 апр.; Он же. Гражданское увлечение Сибири // Томск. губ. ведомости. 1865. 30 апр.; Пахорук П. Заметки о школах в 9-м округе Сибирского казачьего войска // Там же. 16 окт.; Шашков С. С. Исторические очерки Сибири. Публичные лекции, читанные в Красноярске в марте и апреле 1864 года // ГАОО. Ф. 3. Оп. 15, д. 18756, л. 3-56; Щапов А. П. Сельская община (1862) // Щапов А. П. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1; Он же. Агиографическая организация русского народонаселения (1864) // Там же. Т. 2; Он же. Памяти М. В. Ломоносова (1865) // Щапов А. П. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 2.
- ⁴⁸ Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г. // Изв. ЗСО РГО. Омск, 1924. Т. 4, вып. 1; Он же. Сибирские областники. Новосибирск, 1931, С. 64-96; Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002; Щукин Н. Очерки земледелия Восточной Сибири // Тр. Вольного Экон. о-ва. 1866. Вып. 3; Ушаров Н. В. Из путевых заметок по Восточной Сибири // Зап. ВСО РГО. 1864. Кн. 7.
- ⁴⁹ Шиловский М. В. Купец, областник, секретный агент (к 170-летию со дня рождения С. С. Попова) // Сибирь: XX век. Кемерово, 2001. С. 11-12.
- ⁵⁰ См.: Шиловский М. В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода, Новосибирск, 1987.

- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 79.
- ⁵² Там же, л. 23, 73-76.
- ⁵³ Там же. л. 82.
- ⁵⁴ Там же. л. 89.
- ⁵⁵ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 65-66.
- ⁵⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 38.
- ⁵⁷ Томск, губ. ведомости. 1865. 5 февр.
- ⁵⁸ Круссер Г. В. Сибирское областничество поданным... С. 84.
- ⁵⁹ «Колокол» — газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Омск, 1925. Вып. 5. С. 1091.
- ⁶⁰ Сватиков С. Г. Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1930. С. 53.
- ⁶¹ Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири. С. 196.
- ⁶² Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом... С. 26.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным... С. 70.
- ⁶⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом... С. 26.
- ⁶⁶ Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири. С. 202.
- ⁶⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом...
- ⁶⁸ Он же. Сибирь в 1-е января 1865 года.
- ⁶⁹ Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным... С. 95.
- ⁷⁰ ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 26; Ядринцев Н. М. Сибирь перед судом...; Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным... С. 95.
- ⁷¹ Ядринцев Н. М. Общественная жизнь в Сибири.
- ⁷² ГАНУ. Ф. п. 5, оп. 2, д. 15, л. 109-110.
- ⁷³ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 67.
- ⁷⁴ Щукин Н. С. Очерки земледелия... С. 232.
- ⁷⁵ Там же. С. 232; Потанин Г. Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. №9. С. 100.
- ⁷⁶ Ядринцев Н. М. Новые потребности Сибири. С. 130.
- ⁷⁷ Щапов А. П. Сельская община. С. 767.
- ⁷⁸ Яновский Н. Н. Неопубликованное ранее произведение Н. М. Ядринцева // Алтай. 1984. №4. С. 128.
- ⁷⁹ ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 26.

- ⁸⁰ *Круссер Г. В.* Сибирское областничество по данным... С. 95,96, 101; ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 25.
- ⁸¹ *Сесюнина М. Г.* Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины XIX в.). Томск, 1974. С. 66.
- ⁸² ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 23, 73; *Ядринцев Н. М.* Сибирь перед судом...; *Круссер Г. В.* Сибирское областничество по данным... С. 100; *Потанин Г. Н.* Шелгунов перед судом образованной Сибири.
- ⁸³ *Шашков С. С.* Очерки истории Сибири в историческом и экономическом отношении. С. 54-55.
- ⁸⁴ *Ядринцев Н. М.* Общественная жизнь в Сибири; *Он же.* Сибирь в 1-е января 1865 года.
- ⁸⁵ *Загоскин М. В.* Что нам необходимо в особенности; *Круссер Г. В.* Сибирские областники. С. 84.
- ⁸⁶ *Круссер Г. В.* Сибирское областничество по данным... С. 99; ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 17, 20; *Ядринцев Н. М.* Этнологические особенности сибирского населения; ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 23.
- ⁸⁷ *Ядринцев Н. М.* Этнологические особенности сибирского населения.
- ⁸⁸ Дело об отделении Сибири от России, С. 220.
- ⁸⁹ *Щапов А. П.* Этнографическая организация русского народонаселения. С. 367.
- ⁹⁰ ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756. л. 55.
- ⁹¹ *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири. М., 1970. С. 298.
- ⁹² *Потанин Г. Н.* Климат и люди Сибири.
- ⁹³ *Ядринцев Н. М.* Этнологические особенности сибирского населения; ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 40.
- ⁹⁴ *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 193.
- ⁹⁵ ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 21; *Щапов А. П.* Памяти М. В. Ломоносова. С. 16, 17.
- ⁹⁶ *Круссер Г. В.* Сибирское областничество по данным... С, 71; *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 174.
- ⁹⁷ *Письма Г. Н. Потанина.* Т. 1. С. 70, 75.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 23, 26, 74, 75, 82.
- ⁹⁹ *Ядринцев Н. М.* К моей автобиографии // ЛНС. 1979. Т. 4. С. 321.
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Коваль С. Ф.* Характер общественного движения 60-х годов XIX в. в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861-1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 48.
- ¹⁰¹ *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 199, 200.
- ¹⁰² ГАОО. Ф. 3, оп. 15, д. 18756, л. 41.
- ¹⁰³ *Ядринцев Н. М.* К моей автобиографии. С. 321.

- ¹⁰⁴ *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 192, 193.
- ¹⁰⁵ *Письма Г. Н. Потанина,* Т. 1. С. 75,
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 217, оп. 2, д. 2, л. 8.
- ¹⁰⁷ *Ядринцев И. М.* К моей автобиографии. С. 326.
- ¹⁰⁸ *Письма Г. Н. Потанина.* Т. 1. С. 56, 58, 63.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 58.
- ¹¹⁰ *Томск.* губ, ведомости. 1865. 26 марта; *Письма Г. Н. Потанина* Т. 1. С. 76,77.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1861, д. 116, л. 208. Сам С. С. Шашков пишет: «В мае 1864 г. я видел Щапова, когда он проезжал через Красноярск». См.: *Шашков С. А. П.* Щапов // Новое время. 1876. 2 нояб.
- ¹¹² *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 190; ГАРФ. Ф. 109, оп. 1864, д. 267. л.1.
- ¹¹³ Русско-польские революционные связи. Т. 2. С. 596.
- ¹¹⁴ *Круссер Г. В.* Сибирское областничество по данным... С. 92.
- ¹¹⁵ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18502, л. 128.
- ¹¹⁶ *Латин Н. А.* Революционно-демократическое движение 60-х годов XIX века в Сибири. Свердловск, 1967. С. 92; *Коваль С. Ф.* Характер общественного движения... С. 49, 53.
- ¹¹⁷ *Письма Г. Н. Потанина.* Т. 1. С. 73.
- ¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 217, оп. 2, д. 2, л. 8.
- ¹¹⁹ *Литературное наследство.* М., 1959. Т. 67. С. 748.
- ¹²⁰ ГАОО, Ф. 3, оп. 15, д. 18753, л. 47.
- ¹²¹ *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 203.
- ¹²² ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 13-16; оп. 1868, д. 154, л. 18.
- ¹²³ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18485, л. 34 об.; ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 31, 32.
- ¹²⁴ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 20, 21.
- ¹²⁵ *Потанин Г. И.* Воспоминания. С. 204; Позднее эту версию без ссылки на первоисточник воспроизвел И. И. Попов. См.: *Попов И. И.* Потанин и областничество // Голос минувшего, 1915. № 1. С. 295.
- ¹²⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 42.
- ¹²⁷ *Шиловский М. В.* Сибирские областники... С. 133, 134.
- ¹²⁸ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 63.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1865, д. 196, л. 68.
- ¹³⁰ Там же, Л. 7.
- ¹³¹ Там же. Л. 52.
- ¹³² *Латин Н. А.* Революционно-демократическое движение... С. 157.

- ¹³³ Круссер Г. В. Сибирские областники. С. 91.
- ¹³⁴ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18485, л. 4 об.-5.
- ¹³⁵ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 6, л. 21, 22.
- ¹³⁶ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18485, л. 8; д. 18756, л. 8.
- ¹³⁷ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 13, л. 138.
- ¹³⁸ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 63.
- ¹³⁹ Там же. Л. 523-525 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 526 об.-531 об.
- ¹⁴¹ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 15, л. 36; ГАРФ. Ф. 109, оп. 1868, д. 154, л. 20.
- ¹⁴² Там же. Оп. 4, д. 6, л. 5.
- ¹⁴³ Ядринцев Н. М. К моей автобиографии. С. 326; *Он же*. Серафим Серафимович Шашков // ЛНС. Т. 5., С. 148; *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 216.
- ¹⁴⁴ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 15, л. 36.
- ¹⁴⁵ *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 217.
- ¹⁴⁶ *Козмин Б. П.* Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929. С. 110.
- ¹⁴⁷ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 13, л. 137.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 381.
- ¹⁴⁹ Круссер Г. В. Сибирские областники. С. 104, 107.
- ¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1863, д. 438, л. 226, 227.
- ¹⁵¹ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18485, л. 3-18.
- ¹⁵² *Потанин Г. Н.* Воспоминания. С. 212-214.
- ¹⁵³ *Берви-Флеровский В.* Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 107.
- ¹⁵⁴ Шиловский М. В. Сибирские областники... С. 140.
- ¹⁵⁵ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 520-520 об.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 704.
- ¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 109, оп. 1868, д. 154, л. 19.
- ¹⁵⁸ ГАОО. Ф. 3, оп. 13, д. 18489, л. 27-42.
- ¹⁵⁹ *Пантин И. К, Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России 1783-1883. М., 1986. С. 182.

Глава 2

Сибирское областничество в 1870-х — первой половине 1890-х гг.

§ 1. Основные направления эволюции движения

Период, охватывающий 1870-е (точнее, с 1868 г., когда был оглашен приговор областникам) — первую половину 1890-х гг., производит противоречивое впечатление. С одной стороны, активная разработка областнической программы, ее пропаганда, создание собственных повременных изданий («Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение»), наконец, празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России (1881-1882) и приуроченное к этому издание фундаментального труда Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» создавали впечатление об областничестве как действенном общественно-политическом движении, инициирующем «областной» вопрос в российской публицистике того времени. С другой стороны, попытки выявить неформальные областнические объединения в столицах и сибирских городах по аналогии с первой половиной 1860-х гг. приводят к неожиданному результату — таковых просто не оказывается.

Тем не менее в течение всех этих лет шел процесс наработки программы движения. Собственно термин «областничество» вводится в научный оборот именно в этот период, во многом благодаря титанической деятельности Н. М. Ядринцева, ставшего главным идеологом. Отбыв ссылку, он с 1876 по 1881 г. по приглашению западносибирского генерал-губернатора Н. Г. Казнакова работал чиновником в Главном управлении Западной Сибири в Омске, так и не выслужив самый низший классный чин «Табели о рангах»¹. В 1882 г. в Петербурге он начинает издавать газету «Восточное обозрение»,

в 1888 г. переведа ее в Иркутск. С 1886 г. при печатном органе начинается выпуск научно-литературного приложения—«Сибирского сборника», который считается первым журналом в Восточной Сибири.

По далеко не полным данным, за 1868-1881 гг. только в центральной периодике им было опубликовано 85 статей, посвященных Сибири². К ним необходимо добавить примерно триста публикаций в «Восточном обозрении», ряд фундаментальных исследований. Кроме того, Н. М. Ядринцев совершил несколько экспедиций. Вся кипучая деятельность Николая Михайловича посвящалась родной Сибири, разработке и пропаганде различных проблем внутренней жизни региона, составивших основу концептуальных положений областничества. Однако в конце жизни Ядринцев справедливо сетовал: «Сменялись целые поколения молодых людей, и только после 1865 г. было два-три кружка сибиряков в процессах 70-х годов... которые говорили о сепаратизме. Но я видел целый ряд юных выпускников-сибиряков, которые трудно усваивали даже идеи патриотизма. Гораздо скорее усваивались разные социальные теории и направления русских молодых партий (народничество, марксизм, социализм и т. д.). После этого кличка или титул сепаратиста, которую мне давали, до конца оставалась только за мной»³.

Существенно изменилась в движении роль Г. Н. Потанина. О своем трехлетнем пребывании на каторге он кратко сообщил в одном из писем Ядринцеву за 1872 г.: «Об образе моей жизни в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требование. Первые 1 1/2 года работал на площадях, бил молотком щепень, возил таратайки с камнем, колол лед, пилил дрова, пел „Дубинушку“, сиживал в гребях и пр. Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачим Аттилой и ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повысили еще выше — в дровораздаватели, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины...»⁴. В течение 1872—1874 гг. Потанин отбывал ссылку в городах Никольске и Тотьме Вологодской губернии, а после помилования занялся научной деятельностью, совершив ряд длительных экспедиций в Центральную Азию. Он не терял связей с Н. М. Ядринцевым,

давал ему рекомендации, иногда выступал с публицистическими статьями, но, практического участия в многочисленных акциях Николая Михайловича не принимал.

По-разному сложилась судьба остальных причастных к делу 1865 г. В ссылке скончались Н. С. Щукин и Н. В. Ушаров; в 1876 г. в Иркутске в нищете ушел из жизни А. П. Щапов, в 1883 г.— М. П. Шестунов. Большая часть осужденных, подобно Ядринцеву и Потанину, в середине 1870-х гг. была освобождена. Продолжили службу в казачьих частях Сибири Ф. Н. Усов (вышел в отставку полковником) и А. П. Нестеров (вышел в отставку подполковником), сохранившие верность областническим идеалам. Ф. Н. Усов в 1880—1886 гг. являлся секретарем Западно-Сибирского отдела ИРГО в Омске, оставил после себя много научных публикаций. А. П. Нестеров принял активное участие в деятельности народовольческой организации в Иркутске, издании газеты «Сибирь». В 1880 г. его арестовали, арест повторился в 1882 г., после чего в течение двух лет он состоял под гласным надзором полиции по подозрению в принадлежности к «Красному кресту» партии «Народная воля». Вернулся к себе в Усть-Каменогорск и А. Д. Шайтанов.

В 1874 г. при содействии народнического кружка чайковцев Н. И. Наумов издает первый сборник рассказов и очерков «Сила солону ломит». В 1877 г. выходит второй сборник, через пять лет — третий. В 1879 г. Николай Иванович вместе с Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, Н. И. Златовратским участвует в создании народнического журнала «Русское богатство». В 1884 г. он возвращается в Сибирь. Как отмечал Г. В. Плеханов, «в семидесятых годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях народнической (тогда самой передовой) „интеллигенции“. Его произведениями зачитывались»⁵.

Вместе с Ядринцевым отбывал ссылку С. С. Шашков. В 1873 г. по состоянию здоровья его перевели в г. Бобров, а затем в Воронеж. В 1874 г. Серафим Серафимович был амнистирован, но без права проживания в столицах, поэтому поселился в Новгороде, активно сотрудничая в демократических журналах. В литературе утвердилось точка зрения, что Шашков или вообще не был областником,

Глава 2

или после 1863 г. порвал с ними⁶. Нам представляется, что это неверно. Действительно, он отошел от активного участия в движении, да и не мог этого делать, прикованный тяжелым недугом к кровати. Однако Шашков не изменил своим юношеским идеалам: став видным народническим публицистом, он поддерживал связи с областниками, в частности с Ядринцевым, высоко оценив его труд «Сибирь как колония»⁷.

Из «старой гвардии», сохранившей верность областническим идеям в рассматриваемое время, следует назвать иркутян В. И. Вагина и М. В. Загоскина. Оба редактировали газету «Сибирь», оба подвергались полицейским гонениям. В частности, у Вагина триады (1875, 1879, 1880) производились обыски. М. В. Загоскин по распоряжению министра внутренних дел в июле 1887 г. был отстранен от обязанностей редактора «Сибиряка», после чего газета прекратила существование. Определяя общественно-политические взгляды Загоскина, А. В. Адрианов считал его «убежденным областником»⁸. Ссылный народоволец С. Л. Чудновский по поводу Вагина заметил, что «он всецело посвятил остаток своей жизни защите интересов Сибири»⁹. Сам же Всеволод Иванович по этому поводу записал в дневнике за 1879 г.: «Я либерал, то есть человек, который не довольствуется настоящим положением дел и желает его улучшения, особенно желает возможно большего развития личной и общественной самостоятельности, развития законным, а не революционным путем»¹⁰.

Из новых лиц, примкнувших к областничеству в этот период, следует назвать Д. М. Головачева, А. В. Адрианова, П. В. Вологодского, Вл. М. Крутовского. В частности, А. В. Адрианов, возвратившись в Сибирь после окончания Петербургского университета, с октября 1883 до января 1886 г. являлся издателем «Сибирской газеты», а с марта 1884 г. по май 1887 — и ее редактором. П. В. Вологодский, окончивший Томскую гимназию, обучался в Петербургском университете, участвовал в ядринцевских «четвергах». В 1887 г. как неблагонадежный был исключен из вуза и лишь в 1892 г. экстерном сдал экзамены за курс юридического факультета. В 1870-1880-е гг. выступал в периодической печати с обоснованием необходимости осуществления судебной реформы в регионе. Вл. М. Крутовский, окончив медико-хирургическую академию, вернулся в Сибирь, а с

1893 г. стал работать в Красноярске. По своим общественно-политическим взглядам вплоть до 1917 г. считал себя народником и областником, последователем видного теоретика либерального народничества Н. К. Михайловского.

Этих разных людей объединяло горячее желание служить интересам родной Сибири. Развивая положения, сформулированные в первой половине 1860-х гг., они рассматривали регион как колонию, четко разграничивая при этом процесс колонизации (заселения и освоения) территории и колониальную политику самодержавия. Всеобъемлющее обоснование колониального положения Сибири дал Н. М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония».

Главное проявление колониального статуса областники 1870-х гг. видели, прежде всего, в штрафной колонизации и в административном произволе приезжих чиновников. Эти особенности привели к нейтрализации положительных факторов в колонизационном процессе (отсутствие крепостного права, земельный простор, веротерпимость) и обусловили отставание в развитии экономики региона в сравнении с колониями европейских государств (США, Канада, Австралия).

Поэтому Ядринцев рассматривал Сибирь как окраину, политическую и экономическую колонию царского правительства, проводящего здесь колониальную политику в интересах помещиков и капиталистов центральной России. Следствием такого положения явилось отставание в социально-экономическом и культурном развитии не только по сравнению с метрополией, но и в сравнении с колониями, освоение которых началось примерно в то же время, что и Сибири. «Сибирь во многих отношениях все еще находится на положении завоеванной страны,— констатировало „Восточное обозрение" в 1884 г.— В ней господствует такая же неурядица, как в первые годы завоевания. Золотое дно наших предков обратилось в страну ссылки. Природные богатства этой страны или лежат втуне, или делаются достоянием пришельцев. Местное население, даровитое от природы, коснеет в невежестве и предрассудках и эксплуатируется разными крупными и мелкими кулаками»¹¹.

Главным следствием трехсотлетнего процесса освоения региона русскими и взаимодействия их с аборигенами, по мнению областников, явилось формирование нового этнографического (областно-

го) типа русского (славянского) народа. Первым вывод о формировании сибирской народности как ветви славянского племени сделал А. П. Шапов¹². Вслед за ним Ядринцев более категорично заявил, что под воздействием инородцев и климата «на Востоке слагается новый этнографический тип». При этом сибиряк «считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чужого ему человека и сомневается в его русской национальности»¹³.

Конечно, областники преувеличивали этнографический фактор. Тем не менее исследования отечественных этнографов и антропологов подтвердили, «что сибирские группы (русского населения.— *М. Ш.*), кроме старообрядческих, объединяются некоторыми общими признаками и при сравнении с антропологическими вариантами европейской части страны могут быть определены как особый областной тип русского народа с несколькими подтипами»¹⁴.

Федералистско-областная теория А. П. Шапова, базировавшаяся не на национальных, а на природно-климатических особенностях того или иного региона, стала основой для разработки идеологами движения собственно областнической концепции.

Развитие областнической теории происходит на фоне общего процесса русского освободительного движения, в котором укрепляются централи заторе кие тенденции. Уже в 1870-е гг. революционные народники хотя и предполагали в будущем Учредительном собрании отстаивать идею областного самоуправления, тем не менее «Россия виделась им как федерация, состоящая из союзов свободных общин и городских артелей, но при обязательном сохранении центрального правительства с достаточно большими полномочиями»¹⁵. К началу 1880-х гг. централизаторе кие тенденции в «Народной воле» еще больше усиливаются. В письме Центрального народного комитета (февраль f 882 г.) народовольцы утверждали: «Мы, собственно говоря, не федералисты». Итак обосновывали централизм: «Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее мелких. Чем больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться»¹⁶.

В противовес этому среди разночинной интеллигенции в различных районах страны оформляется областническая тенденция, что отразилось в литературе и периодике.

Инициаторами постановки областной проблемы стали Н. М. Ядринцев и К. В. Лаврский. В редактируемой последним «Камско-Волжской газете» (Казань, 1872- 1874) они поместили серию статей, в которых четко обозначили проблему соотношения центра и провинции в общественной жизни. Под их воздействием публикации по областному вопросу стали появляться в центральных повременных изданиях — «Неделе», «Деле», «Отечественных записках».

Против наметившейся тенденции в 1875 г. выступил видный народнический писатель и историк Д. Л. Мордовцев. Он проводил мысль о необходимости поглощения центром провинции, изъятия у нее наиболее талантливых интеллектуальных сил¹⁷. Против областной тенденции высказался и П. Н. Ткачев, считая смешным и грустным выяснение, «кому должно принадлежать главенство: столице или провинциям»¹⁸. Началась полемика. Отрицательно к выводам Мордовцева отнесся Н. М. Ядринцев. В письме к Н. К. Михайловскому (январь 1876 г.) он подчеркивал: «Областная идея, или служение народу, подвигая и возбуждая жизнь изнутри, из провинции, а не из одного центра, находит все более почву в земцах, областных писателях и местных жителях», хотя и признавал, что «областное движение едва заметно, совсем только пробуждается»¹⁹.

Таким образом, в 1870-е гг., как правильно подметил Б. А. Чмыхало, «Ядринцев и Потанин стали более областниками, чем до ареста и обвинения»²⁰, поскольку возглавили оживление культурной жизни провинций, за которым лежали глубинные процессы, связанные с оформлением в народничестве либерального направления с его основополагающим принципом «малых дел». Но в этой плоскости областничество как общероссийское явление не получило тогда распространения. Хотя Г. Н. Потанин рассматривал в качестве реитюнов, имевших потенции к развитию своих самобытных условий жизни, традиций, культуры, Малороссию, Сибирь, Поволжье, Уральское казачье войско²¹, тем не менее чисто областнические тенденции получили распространение только в Сибири.

С этого времени наметилось противостояние между революционными народниками и областниками. Конфликт между нейтралистским (революционно-народническим) и областническим (либерально-

народническим) направлениями открыто проявился в конце 1880-х гг. в Иркутске в столкновении Н. М. Астырева и его единомышленников из числа местной молодежи и ссыльных народников с Н. М. Ядринцевым, поддержанным одним Г. Н. Потаниным.

Так между единомышленниками произошел разрыв, не затронувший, впрочем, основ народнической теории. Поэтому ссыльные революционеры 1870-1880-х гг. по мере своей эволюции в сторону либерального народничества быстро находили общий язык с областниками и начинали действовать совместно. Тем не менее Потанин позднее сетовал: «Сибиряки вправе обвинять русское подполье в том, что оно не различало провинции, бедные интеллигенцией, от богатых ею и грубо и неразборчиво ставило все провинции под одну мерку»²².

Некоторое время идеологи рассматриваемого движения продолжали пропаганду идеи оживления культурной жизни на окраинах государства. Но вскоре «обратились снова к нашим сибирским делам»²³. При этом областническая тенденция начинает трактоваться ими как стремление к развитию в провинции периодической печати, литературы, а также как обоснование специфики региона в природно-климатическом и этнографическом отношениях, а отсюда — и его права на самоуправление и автономию. Тогда и происходит возвращение к федералистско-областной концепции А. П. Шапова.

С одной стороны, одним из «кирпичиков» областнических постулатов стало положение о формировании в Сибири нового этнографического типа русского населения. В то же время Ядринцев высказал мысль о том, что в основе анализируемого движения лежит не национальный признак, а экономический фактор²⁴. Всестороннее обоснование она получила в начале XX в.

С другой стороны, Г. Н. Потанин в 1873-1876 от. пытается связать понятие «область» с генезисом общины. По его мнению, община будет развиваться вширь, захватывая новые территории. И уже тогда, в духе теории П. Ж. Прудона, она должна получить автономию²⁵. Образец такой гигантской общины, включающей в себя целую область, он видел в Уральском казачьем войске. «Уральская область составляет всего одну, впрочем, самую

большую в России общину,— подчеркивал он в 1876 г.— В Сибири развитие общинных форм быта ощущается еще в будущем, на Урале оно завершено»²⁶.

В разработке областниками концепции социально-экономического развития региона можно выделить два этапа: 1870-е гг. и 1880-е и первая половина 1890-х гг.

По поводу оценки уровня этого развития Н. М. Ядринцев и отдельные корреспонденты газеты «Сибирь» стояли на позициях признания наличия капиталистических отношений в России. Более того, Николай Михайлович под непосредственным воздействием «Капитала» К. Маркса, который он проштудировал в ссылке, считал прогрессивным это направление.

В ряде писем за 1872 г. он раскрыл свое видение будущего России. Поскольку идет становление капиталистических отношений, «я полагаю,— пишет он,— что внушение буржуазии настоящих интересов страны и их перехода к заводской и фабричной промышленности все-таки прогрессивный шаг и плодотворный для истории. Он способствует естественному течению жизни и не расходится в одной своей половине с идеалами будущего. Знание, совершенствование промышленности, высший род занятий — это задатки нормального развития в будущем. Рабочему будет легче получить впоследствии из рук буржуазии промышленность, больше направленную в соответствии с интересами страны, чем получить ничего, голую пустыню, скалу! Фабричного рабочего вопроса нечего бояться, его разгадка найдена... в начале фабричного дела прогресс рабочего вопроса пойдет своим чередом, как идет во всем мире... Страны, развивающие мануфактуры, развиваются и во всех функциях жизни... Помогайте же жизни в ее переходах, способствуйте ее „родам“, будьте повивальной бабкой, как выражается Маркс, в этом задача, но не избежите все-таки известных переходных степеней, не избежите индивидуализма, „заимок“ и ферм, фабрик и заводов с черными руками. Облегчайте только переход, направляйте, но не препятствуйте ему, это бесполезно»²⁷.

В этих условиях задача интеллигенции заключается в поддержке буржуазии. «Итак,— заключает Николай Михайлович,— у нас еще не пробил час войны с буржуазией. Нам, людям интеллигенции,

Глава 2

приходится только содействовать и указывать ее культурную миссию — образование промышленности. Необходим еще период, когда капиталы должны послужить стране, ибо у рабочих и крестьян нет капиталов и фабрик они не создадут. Тогда только, когда промышленность создастся и она начнет усиливаться, только тогда нужны будут средства ограничить ее и начать эмансипацию городского рабочего»²⁸.

Говоря о развитии капиталистических отношений, Ядринцев прозорливо предсказывает их распространение на деревню, где будут разрушены общинно-артельные институты, на которые народники возлагали особые надежды. Как видим, в этой части своих рассуждений Ядринцев задолго до первых русских марксистов осуществил теоретический прорыв, обосновав неизбежность и прогрессивность развития капитализма.

Однако механизм перехода от капитализма к социализму он трактовал в духе народнической теории. По мнению Ядринцева, для осуществления демократического переворота необходимо «заняться воспитанием народа»²⁹ путем развития образования и культуры. Тем не менее обоснование прогрессивности развития капитализма, неизбежности разложения под его воздействием общины можно было бы поставить в заслугу Ядринцеву (несмотря на то, что его письма были опубликованы только в 1917 г.), если бы он спустя некоторое время не отказался от этих взглядов и не вернулся на народнические позиции. Объяснить случившееся можно отдельными чертами характера этого человека (импульсивность, восприимчивость) и безграничным влиянием, которое оказывал на него Г. Н. Потанин. А последний тогда находился под воздействием утопических построений П. Прудона и в начале 1870-х гг. сформулировал свое видение социально-экономического развития Сибири, дополненное и развитое другими областниками.

По их мнению, к началу 1870-х гг. Сибирь являлась колонией, которая переходила от преимущественно сельскохозяйственной специализации к промышленной. Г. Н. Потанин и С. С. Шашков констатировали низкий уровень развития производительных сил региона, их преимущественно феодальный характер³⁰. Идеологи движения отмечали расслоение общины и формирование торгово-промышленной буржуа-

зии, но рассматривали это не как следствие внутренних процессов, а как результат воздействия неблагоприятных внешних факторов. «Рассмотрев общие условия сибирского хозяйства и торговли,— заключает Н. М. Ядринцев,— мы приходим, таким образом, к заключению, что сибирская кабала, монополия и кулачество коренятся как старая историческая традиция, во-вторых, поддерживаются неразвитостью и невежеством населения, ненормальными экономическими условиями и обуславливаются первобытным положением края, его неустановившимся порядком, отсутствием гражданственности и законности, отсутствием того, что составляет сущность народного развития и цивилизации. То есть причина этого явления — совершенно иная, чем в других местах»³¹.

Например, сибирские купцы нажили свои капиталы благодаря монополии и кабале, порожденной произволом администрации и неэквивалентным обменом с Европейской Россией. По мнению Потанина, в Сибири не было буржуазии в собственном смысле этого слова. «Наша буржуазия сильна торговыми злоупотреблениями и монополиями, уничтожьте их, вступитесь за инородца и крестьянина, гарантировав их от злоупотреблений в деле договоров, и эта буржуазия сядет на мель»,— писал он в 1873 г.³² Что касается сельского кулака, торговца, мироеда, то областники были убеждены, что «между крестьянином-кулаком и крестьянином-жертвой кулацкой эксплуатации нет ровно ничего общего: кулак казался ей (им.— М. Ш.) случайным плодом внешних неблагоприятных влияний на народную жизнь, а не необходимым результатом той фазы экономического развития, которую переживало крестьянство»³³. Поэтому, как верно подметила М. С. Горячкина, кулаков и торговцев изображают «либо пришедших со стороны, либо местных, но уже давно начисто оторванных от всякого производительного труда»³⁴.

Таким образом, Сибирь, по мнению сторонников движения, к началу 1870-х гг. еще не вступила, в отличие от Европейской России, на путь капитализации, еще не совершила «ошибки» и стояла перед дилеммой. И выбор был сделан не в пользу рыночных отношений. Хотя областники в целом приветствовали развитие промышленности в регионе как средство избавления от «мануфактурного ига Москвы», но Потанин отмежевывался от либералов. «Я бы желал,—

писал он Ядринцеву в 1873 г., — чтобы Вы как-нибудь предались мечтаньям, каким бы следовало предаться местному буржуа: фабрики дымят и покрывают копотью дворцы, свистят паровозы; жандарм выкрикивает: станция Зашиверск! 15 минут. На морск[ом] берегу доки, грузы выгружен[ных] товаров в ящиках и бочках, лес мачт; вымпела реют; капитал растет и пр. и пр., рабочие же умирают с голода, на Ушаковке (река в Иркутске, приток Ангары.— *М. III.*) возник своего рода Вайт-Чапль (Уайт-Чапл), бледно-желтые лица женщин, голые дети... Такими же картинами нужно сглаживать свое сочувствие развитию мануфактуры. Нужно дать понять, что мы если и говорим о развитии фабричности, то с оговоркой»³⁵.

Будущее региона он и другие областники связывали исключительно с общиной. В передовой статье «Восточного обозрения» (1883) утверждалось: «У Сибири в ее народном общинном складе есть сокровища, которые она должна хранить не менее, чем сложившиеся общества хранят свои святыни»³⁶. Потанин приходит к выводу, что в процессе первоначального заселения Сибири община «исчезла», поскольку «леса давали большой простор для индивидуальной жизни, жизнь зверолова не есть социальная», но к середине XIX в. община начинает возрождаться³⁷. Редакция газеты «Сибирь» рассматривала общинное землевладение 1870-х гг. в регионе как повсеместное³⁸.

Потанин заявлял, что в государстве идет упорная борьба общины с капитализмом и богатыми общинниками (мироедомы). В обозримом же будущем община будет непрерывно развиваться, и тогда в духе теоретических построений П. Прудона «жизнь выработает за областным правом „общинное право“, за областным патриотизмом — общинный и за федерацией — коллективную ассоциацию»³⁹. Одновременно с ним А. П. Щапов в последние годы жизни именно с общиной связывал будущее региона⁴⁰.

Что касается промышленности, то сторонники движения отрицали возможность формирования пролетариата⁴¹. По мнению Потанина, «...сибирский город это не выделение ремесленного класса из местного производства, это ковровская колония, фактория московской мануфактуры, один из концов той паутины, которой она покрыла

свои рынки сырья»⁴². Поэтому права гражданства признавались только за кустарными промыслами⁴³.

В целом же будущее региона Г. Н. Потанин и его единомышленники связывали с преимущественным развитием сельского хозяйства и общины, с помощью которых считали возможным перепрыгнуть через капитализм. «Вот собственно вопрос в чем: стоит ли остановиться на реорганизации патриархальной общины или махнуть рукой, предоставить ее дезорганизации, отдать ее в жертву капиталу и уповать, что у нас хватит силы на развалинах устроить совершеннейшую общину? — вопрошал он. — Что последнее возможно, т. е. устройство общины там, где и традиции о ней нет, я верю, иначе надо было бы иметь слишком пессимистические взгляды на будущее европейской цивилизации. Но не понимаю, почему мы должны проходить непременно тот же путь с Европой? Почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании? .. Я так думаю, что этот

кирпич можно рекомендовать вставить в алюминиевый дворец»⁴⁴.

В известной степени это высказывание можно считать парафразом на статью А. И. Герцена «Русские немцы и немецкие русские» (1859), в которой тот утверждает: «И вопрос не в том, догнали ли мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе, когда мы можем пуститься прямее. Нам кажется, что, пройдя западную дрессировку, подкованные ею, мы можем стать на свои ноги, и вместо того, чтоб твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги, нам следует подумать, нет ли в народном характере нашем, в нашей мысли, в нашем искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного. Хорошие ученики часто переводятся через класс»⁴⁵. Светлое («алюминиевое») будущее областники считали возможным достичь, используя патриархальную крестьянскую общину. А все их теоретические изыскания выдержаны в духе народничества.

Дальнейшее изучение проблемы социально-экономического развития Сибири осуществил Н. М. Ядринцев в двух изданиях фундаментального труда «Сибирь как колония»⁴⁶. Отмечая расслоение общины, слабое развитие производительных сил, наличие монополии и мироедства, он связал все это, во-первых, с сохранением феодаль-

Глава 2

ных пережитков в регионе; во-вторых, с правительственной политикой; в-третьих, с колониальным положением территории за Уралом.

Обобщая действие перечисленных факторов, Ядринцев делает вывод: «Рассматривая причины ненормальных экономических явлений на Востоке, мы приходим к заключению, что они лежат в историческом прошлом края и в особых условиях, созданных его исключительной отдаленностью, господством произвола, наконец, коренящихся в торговой зависимости края, культурной отсталости и отсутствии собственной промышленности. Прежде всего мы видим и общую внутреннюю эксплуатацию посредством торговли и монополистами. Таким образом, это явление не местной безнравственности и особого характера сибиряков, как предполагали некоторые, сколько явление чисто экономического порядка, сообразно чему должны быть изыскиваемы средства помочь ему»⁴⁷.

Будущее региона идеолог областничества связывал с деревней. Констатируя господство кулаков, он рассматривает данное явление как временное и панацеей от всех бед считает общину, с помощью которой можно установить более справедливый строй. «Община может не только выполнять экономическую роль, но и создать самую интеллигенцию края и образовать народный капитал в стране. Для этого необходимо призвать ее вновь к жизни, которая в ней замерла от бюрократической зависимости и недостатка коллективного духа», — пророчествовал он⁴⁸. Подобное утверждение совпадало с азами народнической теории, поскольку, как установила В. А. Твардовская, «основное внимание народолюбцев в вопросе характера труда в обществе будущего было обращено на обоснование необходимости в таком обществе труда коллективно-общинного, артельного, ассоциаций»⁴⁹. Таким образом, экономическое развитие Сибири Н. М. Ядринцев представлял типично в народническом духе, как совершенствование «истинно народных форм жизни»: кустарных промыслов в промышленности и общины в сельском хозяйстве.

Реализацию этих планов автор «Сибири как колонии» считал возможным через реформы — ограждение крестьян от чрезмерных повинностей, передачу раскладки податей земству, создание кредитных учреждений и сельских банков, правовое регулирование найма батраков и т. д.

Одним из первых в российской публицистике Николай Михайлович пытается осмыслить колониальный вопрос, его значение и перспективы с точки зрения развития производительных сил региона. Отмечая, что в процессе освоения Сибири переплелись правительственная и вольнонародная волны колонизации, он отдает предпочтение последней⁵⁰. Однако он не отвергает участие государства, которое должно помогать мигрантам, в том числе субсидиями. Автор анализируемой книги выступает последовательным поборником свободного переселения, отстаивая интересы всего русского крестьянства. «Результат нашей колонизации показывает, что роль наша в Сибири еще далеко не окончена... — заявляет он, — и если народный инстинкт сам научится удовлетворять свои потребности путем переселений, то странно было бы отнимать у него эту возможность. На новых местах Сибири народ находит удовлетворение своим насущным потребностям в земле»⁵¹.

Таким образом, анализ книги Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» позволяет сделать вывод, что проблемы социально-экономического развития региона в 1880-е гг. рассматривались в ней с позиций либерального народничества. Но, в отличие от российских народников, автор отрицал наличие в Сибири зачатков капитализма и признавал возможность достижения светлого будущего с помощью общины, кустарного и артельного производства. Вслед за либеральными народниками Ядринцев предполагал реализовать свою программу посредством реформ (введение земства, гласного суда, свободы переселений) и просветительской деятельности.

В более поздних работах идеолог областничества развил отдельные положения, принципиально не изменив подходов к проблеме социально-экономического развития региона. В частности, он отрицал развитие капиталистических отношений⁵². В серии фельетонов Ядринцев выводил «тип сибирского монополиста», «чумазого», нажившего миллионы. Именно в таком ключе создан цикл фельетонов о сибирской буржуазии: «Кондрат у себя дома», «Кондрат благодуществующий и Кондрат утопающий», «Кондрат на поприще литературы», «Беседа с Кондратом и его потомством», «Из летописи скорбящего града» и др. В этих фельетонах создана сатирическая

генеалогия сибирского капитализма, названная Н. М. Ядринцевым «Историей нашего самодурства»⁵³. Своего героя Николай Михайлович обобщенно характеризовал следующими словами: «Слава отечеству ему представлялась по-своему. Это слава огромного лабаза, во главе с чумазым, прогресс в виде грабежа, прерываемого для оживления, как революциями, злостными банкротствами, ум в наживании грошей, мужество в бесстыжих глазах, добродетель в прощении безнадежного долга, самопожертвование и подвиг — в постройке приюта после 25-ти лет грабежа»⁵⁴. Прототипом Кондрата был Кондрат Кузьмич Шешуков, «личность необычайно яркая и колоритная», — как замечает Н. И. Сезева, — «потомственный почетный гражданин г. Тюмени, „степенный кавалер“, купец 1-й гильдии, бывший городской голова, на пожертвования которого были построены в Тюмени — уездное училище и женская гимназия». Ядринцев знал таких людей с детства: в 1847 г. семья его отца поселилась в доме Шешукова⁵⁵.

По-прежнему промышленное производство мыслилось ему за счет кустарных промыслов. Но «будущее все-таки принадлежит земледельческому населению даже в горнозаводских округах», — утверждал Ядринцев⁵⁶. А для этого нужно всячески оберегать и совершенствовать общину, стимулировать свободное переселение в Сибирь, и тогда русский народ «довершит свою историческую миссию»⁵⁷.

Среди остальных областников в 1880-е гг. проявилась тенденция, подмеченная Н. И. Кондратьевым в сибирской демократической периодике того времени: «Как в демократических частных газетах, так и в приложениях к „Восточному обозрению“ нашло место, с одной стороны, отрицание возможности капиталистических отношений в деревне в силу будто бы особых условий развития в Сибири, а с другой стороны — порой трезвое изображение распада общинных устоев в сибирской деревне сочеталось с верой в крепость этих устоев, с надеждой оградить их от тлетворного влияния капитализма и миновать капиталистический путь развития. Во всем этом по-разному проявились „областнические“, в основе своей народнические позиции сотрудников издания»⁵⁸.

Типичны в этом отношении публикации М. В. Загоскина⁵⁹. С одной стороны, он констатирует расслоение крестьянства, увеличе-

ние числа «совершенных бедняков», самовластное хозяйничанье в общине кулаков-мироедов, но с другой — он торжественно заявляет: «Хищнические инстинкты торжествуют, и если при этом крестьянская община держится, [то] только благодаря непоколебимой, многовековой прочности своего основания. Основание это — общее право на землю и равноправность в пользовании ею»⁶⁰. Примерно в таком же духе выдержаны статьи областников и их союзников из числа ссыльных народников, посвященные общине⁶¹. Здесь проявлялось типичное для народнической социологии явление, о котором В. И. Ленин замечал: «Когда народник дает описание фактов, — он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии...

И тем не менее все народнические рассуждения всегда основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне „народа“. Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в „заведывании“ буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила уже на стороне трудящихся или их идеалов и осталось уже только указать „ближайшие“, „целесообразные“ и т. п. приемы, употребить эту схему»⁶².

Сторонники движения и их союзники активно выступали против железнодорожного строительства в Сибири, за развитие здесь кустарного производства и стимулирование артелей, за организацию переселений, ограждение общины, преодоление колониального статуса региона. Все это позволяет утверждать, что областники в 1870-е — в первой половине 1890-х гг. творчески переработали и привязали к условиям региона народническую концепцию некапиталистического развития. Как добросовестные исследователи, они не могли не видеть, что жизнь берет свое и капиталистические отношения все интенсивнее вторгаются в экономику региона. Поэтому М. В. Загоскин с горечью признавал: «А мы-то, простаки, думали, что Сибирь, богатая естественными дарами, не знакомая с западным строем общественных отношений, Сибирь с ее умным от природы населени-

ем, не знаящим крепостного права, что она лучше, чем всякая другая страна, может миновать бедствия кулачского строя и прямо вступит на лучшую жизнь и путь трудового производства! Нет, видно и нам придется испить горькую чашу рабства, худшего, чем крепостное,— рабства перед капитализмом и его представителем „чужаком“»⁶³.

Анализ взглядов областников приводит к выводу об общей либерально-народнической окраске движения, со значительными включениями просветительства. Данное обстоятельство признавали сами идеологи областничества. Так, Н. М. Ядринцев подчеркивал: «Наше поколение в общих чертах осталось на грани между 60 и 70-ми годами. Не восприняв крайностей последних, унаследовали самые светлые и лучшие надежды на свою родину и взлелеяли их. Теории 70-х и 80-х годов только отвлекали сибиряков от их родины и почти не дали заметных деятелей на поприще литературы»⁶⁴. Это замечание свидетельствует о серьезных расхождениях между сторонниками движения и народниками. Попутно заметим, что у лидеров движения сложились своеобразные отношения с буржуазией региона. Ядринцев дружил с видными сибирскими предпринимателями В. П. Сукачевым, А. М. Сибиряковым, А. К. Трапезниковым и др. и получал материальную поддержку для издания «Восточное обозрение». Но Николаю Михайловичу приходилось униженно выпрашивать у толстосумов необходимые средства, на что он неоднократно сетовал в своих публикациях и письмах⁶⁵. Зачастую хлопоты ничего не давали, и он писал: «Сибирский капиталист часто сочувствовал отвлеченной науке, он покровительствовал многому, что может быть названо роскошью, но не мог поощрять вопросов народного труда и народной жизни»⁶⁶.

Особая страница областнической истории этого периода — взаимоотношения сторонников движения с сосланными в Сибирь народниками. Даже простое перечисление ссыльных среди сотрудников областнических повременных изданий («Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирская газета») говорит о их массовом участии в них. «Едва ли какая-нибудь провинциальная газета 80-х годов могла соперничать с томской в подборе сотрудников», — обоснованно замечает в отношении «Сибирской газеты» Л. А. Ермолинский⁶⁷. В ней сотруд-

ничали Ф. В. Волховский, Д. А. Клеменц, Г. Ф. Зданович, С. Л. Чудновский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, А. И. Иванчин-Писарев, Г. А. Мачтет, П. А. Голубев, К. М. Станюкович, М. Н. Загibalов, И. И. Попов, И. С. Джабарди и т. д. В редактируемом Ядринцевым «Восточном обозрении» корреспондентами являлись Ф. В. Волховский, Д. А. Клеменц, З. Б. Демьяновский, С. Ф. Ковалик, Е. И. Яковенко, П. Ф. Якубович, П. Г. Зайчневский, И. И. Попов и др.

Можно дискутировать об общественно-политических взглядах Д. А. Клеменца в сибирской ссылке, но факт его активного сотрудничества с областниками опровергнуть невозможно, да и личные его сентенции свидетельствуют об этом же. Например, в письме к Г. Н. Потанину в конце 1880-х гг. он признается: «Начальство с генерал-губернатором должны бы Вам и Мартьянову выдать по золотому кресту то, что Вы меня приспособили к науке и отвлекли от политики»⁶⁸. В письме к А. В. Адрианову, которое можно датировать концом 1880-х — началом 1890-х гг., Клеменц заявляет о подготовленном фельетоне, в котором он собирается поставить вопрос о том, что «общество ждет не нового календарного года, а новых, человеческих порядков, и между тем мысль, что для настоящего нового года лучшие люди Сибири на первый случай и требуют-то немного — правосудие, земство, начальные школы и первые основания местной автономии — эмансипации населения от бюрократии»⁶⁹. Эти предложения выдержаны в духе программных положений рассматриваемого движения.

П. В. Вологодский, Д. М. Головачев, Вл. М. Крутовский участвовали в деятельности народнических кружков в Петербурге. В свою очередь, политические ссыльные использовали областнические издания для пропаганды своих взглядов. Наглядным примером может служить «Сибирская газета», ведущая роль в которой принадлежала ссыльным народникам, что вызывало недовольство со стороны Н. М. Ядринцева.

Отбывая ссылку, писатели-народники В. Г. Короленко, С. Н. Кривенко, И. Г. Прыжов, С. Я. Елпатьевский, Н. Е. Каронин-Петропавловский и работавший тогда в Сибири Н. М. Астырев со своих позиций освещали внутреннюю жизнь региона, раскрывали ее теневые стороны, предлагали свои рецепты решения местных проблем. Своей ответственностью за идеализацию крестьянства и общинного духа

сближала данную группу литераторов с областниками и создавала предпосылки для сотрудничества. Интегрировала их и борьба за прекращение ссылки в Сибирь, против превращения ее в «складочное место российской драмы». Характер взаимоотношений ссыльных со сторонниками движения позволяет сделать вывод, что они солидарно рассматривали различные аспекты социально-экономической жизни региона с позиций либерального народничества.

Во-первых, в то же время отрицательное отношение идеологов областничества, прежде всего Г. И. Потанина и Н. М. Ядринцева, к произведениям ряда писателей-народников на сибирские темы (И. Г. Прыжов, Н. М. Астырев, А. П. Качка, П. Г. Блюммер) требует объяснения. Просто это сделать в ситуации с И. Г. Прыжовым, который в рецензии на книгу Ядринцева «Сибирь как колония» подверг сомнению основы областнической концепции развития Сибири⁷⁰. В других случаях корень разногласий нужно искать в наметившихся разногласиях областников с народниками-централистами. «Против... областнического течения выступает нейтралистское,— резюмировал Потанин.— В большинстве это последнее не только не желает развития дремлющих особенностей в отдельных областях, но оно готово стереть и те различия, которые созданы к современному моменту исторической жизни»⁷¹.

Во-вторых, областники в принципе признавали, что «сибиряк по рождению скорее, чем кто-либо другой, может явиться местным культурным деятелем, слившимся прочно с интересами сибирской жизни»⁷². Поэтому они считали, что пришлый со стороны литератор изначально не может верно и глубоко отобразить особенности местной жизни. С этих позиций и были подвергнуты критике произведения И. Г. Прыжова и Н. М. Астырева. Передавая бразды руководства в «Восточном обозрении» И. И. Попову, Ядринцев в 1894 г. кратко и образно сформулировал кредо областников в освещении негативных сторон местной жизни: «Хорошо обличать, но не нужно негодовать на всю страну, на весь народ. Вот об этой любви и мягкости к народу и прошу Вас. В остальном споемся»⁷³.

В-третьих, сторонники движения выступали против скороспелых литературных опусов, созданных на базе кратковременных и локальных впечатлений авторов о Сибири. Например, Н. М. Астырев

написал их на основе наблюдений от поездки в Тункинскую волость Иркутской губернии. Отрицательное отношение к «пенкоснимателям», плохо знавшим жизнь народа, зачастую переносилось и на все народничество. Так, Потанин с иронией отзывался о взглядах народника П. Червинского. «Заехать в деревню, понюхать мужика, обновиться от этого вдыхания и затем снова вернуться в Петербург — в этом, кажется, суть его теории. Не думаю, чтобы эта проповедь могла создать большую партию и принести здоровые плоды»⁷⁴.

В то же время областники неодобрительно относились к попыткам писателей-сибиряков ставить в своих произведениях общероссийские проблемы. Поэтому Потанин в 1876 г. обвинил И. В. Федорова-Омулевского в том, что тот «пренебрегает интересами „туземного общества“, адресуя свой роман „Шаг за шагом“ русскому читателю вообще»⁷⁵. В противовес ему Ядринцев и Потанин прославляли и поднимали на щит «областного» писателя Н. И. Наумова.

Таким образом, взаимоотношения областников и народников имели более сложный характер, чем представлялось ранее, а основные положения областнической концепции в 1870-1880-е гг. являли разновидность либерального народничества со значительными вкраплениями просветительства. «Наше дело только с честью и любовью исполнить свои обязанности: если мы идем в учителя, мы должны хорошо научить его [крестьянина] тому, чему он хочет научиться,— если мы идем в священники, мы должны неусыпно думать и заботиться о его истинном, христианском просвещении и т. д. и т. д. Больше от нас ничего не требуется. И чем скорее мы все это выполним, тем высшая культура быстрее придет сама собой»,— заявлялось в журнале «Русское богатство» за 1884 г.⁷⁶ Представители этого направления общественной мысли выражали интересы той части разночинной интеллигенции, которая питала надежду на победу в условиях пореформенной России так называемого «народного производства» во главе с общиной и при содействии правительства.

Главным признаком, позволяющим судить об эволюции сторонников движения на позиции либерального народничества, является их вера в возможность перехода к новым отношениям с помощью реформ. Встретившись с Г. Н. Потаниным в Кяхте в 1886 г., ссыльный народник, будущий редактор «Восточного обозрения» И. И. По-

пов следующим образом охарактеризовал его общественно-политическое кредо: «Во время споров о методах и путях борьбы за лучшее будущее он указывал на необходимость всегда иметь в виду идеал, который должен быть коррективом в практической работе. Враг всякого насилия, Г. Н. во главу общественно-политической деятельности ставил местные интересы, доказывая, что пробуждение местного патриотизма, культурная работа на местах правильно поставят и общеполитические проблемы и создадут твердую основу правового демократического порядка. Якобинская тактика никогда ничего прочного не создавала. Будите самосознание на местах, и тогда центр вынужден будет сдаться»⁷⁷.

Вслед за либеральными народниками Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, В. И. Вагин, А. В. Адрианов и другие областники видели панацею от всех бед в развитии общины и кустарного производства. Они с оптимизмом смотрели на будущее Сибири. И. В. Федоров-Омулевский рисовал следующую идиллию:

И тут и там пестрели города,
Их фабрики, заводы и строения
Разили глаз энергией труда.
Меж городов ютились селенья,
И пашен их роскошный чернозем
Распространял душистый пар кругом.
Бродил везде огромными стадами
Домашний скот, упитанный кормами.
Я обомлел... Но лучше во сто крат
И этих мест, и этой всей природы
Был сам народ. Казалось, весь объят
Могучим он сознанием свободы,
Казалось, в нем чрез многие года
Тяжелых мук, упорного труда
Созрела мысль, что высшее богатство
Свободных душ — их равенство и братство⁷⁸.

§ 2. Областническая концепция развития региона в 1870-х—первой половине 1890-х гг.

Как уже отмечалось, в этот период областники связывали надежды на реализацию своей программы социально-экономического развития Сибири с предоставлением населению региона «полных прав гражданства»⁷⁹. Н. М. Ядринцев разъяснил, что понимается под этим: «Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования»⁸⁰. Но и среди этих требований он выделил главное — земство, которое в тесном союзе с администрацией должно реализовать намеченную программу переустройства сибирского социума.

Общезвестно, что земские учреждения в России являлись оплотом либералов. Данное обстоятельство позволяло ряду исследователей оценивать областническое движение в 1870-1880-е гг. как буржуазно-либеральное. Но дело в том, что земства в Сибири не было вплоть до 1917 г. Ядринцев и его единомышленники боролись за его введение как за одну из важнейших реформ, направленных на осуществление «народных форм жизни». К тому же сибирское земство, по их мнению, должно было отличаться от существовавшего в Европейской России в связи с отсутствием здесь помещиков и подавляющим преобладанием крестьян, «поэтому сибирское общество, не отделенное перегородками, составляет однородную массу, где жизнь и обмен ее свободен»⁸¹.

Таким образом, сибирское земство рассматривалось с либерально-народнических позиций как институт народоправства в силу специфики социального состава населения региона. С другой стороны, положение об однородности сибирского общества стало краеугольным камнем областнической теории. Оно использовалось, во-первых, для реализации претензий его сторонников выражать интересы всех классов и социальных групп; во-вторых, для утверждения об отсутствии в регионе социальной базы для социальных конфликтов и классовой борьбы. Вместе с тем областники рассматривали земский вопрос применительно к Сибири в самом общем виде. До нас не дошло ни одного проекта реализации земского положения 1864 г. Предполагалось, что земские учреждения

Глава 2

будут заниматься реализацией программы развития производительных сил региона.

Большое значение сторонники движения придавали административным преобразованиям, а среди них—судебной реформе⁸² и борьбе с произволом местной администрации. Именно с ее деятельностью связывалась отсталость региона и низкий уровень развития производительных сил. Главным недостатком административного аппарата они считали карьеризм, взяточничество, полное равнодушие к нуждам местного населения, что, в свою очередь, обуславливалось формированием чиновничества приезжими из Европейской России. Попытки исправить положение поступлением на государственную службу самих областников ничего не дали. Подводя итог своего «служения народу», Н. И. Наумов в рассказе «Зажора» (1881) признавался: «Но в это время я был еще молод и смотрел на службу, как вообще смотрели на нее многие идеалисты шестидесятых годов. Эти люди не ограничивались только формальным исполнением предписаний. Они смотрели на службу не как на средство существования. Приняв на себя служебную миссию, они стремились приносить народу осязаемую помощь, защищать его интересы, преследовать всеми зависящими от них средствами зло, разъединяющее жизнь народа, а по возможности указывать на те средства, которые вернее всего бы могли уврачевать язвы, сложившиеся веками на его организме. Большинство этих людей, столкнувшись с неодолимыми препятствиями, потерпели полное разочарование, и многие из них обвиняются в политической неблагонадежности единственно потому, что не брали взяток и мешали брать их другим, покинули навсегда служебное поприще»⁸³.

В то же время он сформулировал основные требования к представителям администрации — честность, «неспособность к лихоимству и к злоупотреблениям», знание «условий, связывающих взаимные отношения крестьян в общежитии», беспристрастность, «а главное... защита слабых от произвола и насилий, какие часто позволяют в отношении к ним люди зажиточные»⁸⁴. Наконец, главным в преодолении административного произвола Николай Иванович, как, впрочем, и другие областники, считал просвещение крестьян, воспитание их в духе коллективного отпора мироедам и мздоимцам, поддержку крестьянских вожаков, «протестантов», по выражению самого писателя.

Суммируя требования областников в этой сфере, Ядринцев в 1883 г. писал: «Правильная постановка крестьянского самоуправления, лучшая организация земского хозяйства и отделение его от земской политики, совершенствование городского самоуправления, разделение администрации и суда, реорганизация волостного и земского управления; развитие народного просвещения — вот лучшие гарантии и контроль, указываемые временем»⁸⁵.

Решающее значение в решении практически всех обозначенных вопросов внутренней жизни Сибири сторонники движения придавали просвещению и интеллигенции. А. П. Щапов, а затем Н. М. Ядринцев отметили преобладание у сибиряков эгоизма, своекорыстия, хитрости и грубости при почти полном отсутствии у них «высоких человеческих чувств» и гуманизма. К тому же «при господстве эгоистических, кулацко-приобретательских и семейно-родовых интересов в сибирских городских обществах крайне недостаточно было развитие общественной солидарности, социального объединения»⁸⁶. А это, в свою очередь, определило слабое развитие культурной жизни, которой в современном областникам местном обществе практически не было. Поэтому Ядринцев рисует безотрадную картину культуры региона накануне его 300-летнего юбилея: «А настоящее? Чем ознаменовали мы его? Выставит ли нам Кондрат бочку сивухи, и то если прикажет исправник? Прочтет ли нам классик нашего уездного училища рацею, вдохновясь Устряловым? Устроим ли мы клубный вечер с картами или проезжий коллежский регистратор Семечкин выпишет новый канканчик? Разве нам не все равно?»⁸⁷. Поэтому развитие образования, культуры, формирование собственной интеллигенции сторонники движения рассматривали как средство развития региона. Для всего этого, по мнению «Восточного обозрения», «нужно создать в Сибири класс образованных граждан, нужно развивать просвещение здесь»⁸⁸.

Апологетика просвещения и культуры приобретала у отдельных областников самодовлеющее значение. М. В. Загоскин заключал: «Свет тихий, свет науки и просвещения, свет правды и человечества, свет свободы и самосознания придет и вселится в нас»⁸⁹. Ему вторил Ядринцев: «Если знание — сила, то дайте эту силу Сибири, поднимите социальный уровень народа. И вы увидите, какое могу-

щество, какое экономическое благосостояние явится там, где теперь бессилие и неисходная бедность»⁹⁰.

Главная роль в культурных преобразованиях, по единодушному мнению сторонников движения, отводилась местной интеллигенции, подготовленной и воспитанной непосредственно в регионе. Одним из первых эту мысль сформулировал Г. Н. Потанин⁹¹. Основным звеном в ее реализации должен был стать собственный сибирский университет. Обоснованию его необходимости были посвящены многочисленные работы Потанина и Ядринцева, много сделавших для открытия в 1888 г. первого в Сибири Томского университета⁹².

Таким образом, в 1870-е — в первой половине 1890-х гг. сторонники движения, прежде всего Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, в самом общем виде с народнических позиций сформулировали программу развития общественных отношений в Сибири. Главным элементом программы стало формирование собственной сибирской интеллигенции, а одним из практических результатов уже в то время явилось оформление «сибирской литературы»⁹³, видными представителями которой стали Н. М. Ядринцев, Н. И. Наумов, М. В. Загоскин, И. В. Федоров-Омулевский, И. А. Кушевский, В. М. Михеев и др.

Одним из актуальных вопросов местной жизни областники считали уголовную ссылку. Они рассматривали его в двух плоскостях. Во-первых, ссылка как средство наказания и перевоспитания правонарушителей. Во-вторых, как способ заселения региона (штрафная колонизация). Обстоятельно эта тематика исследована в многочисленных публикациях Н. М. Ядринцева. Сразу отметим его отрицательное отношение к ссылке — и как к средству воспитания, и как к способу заселения Сибири.

Отмечая пребывание в регионе в 1870-е гг. полумиллиона каторжан и ссыльнопоселенцев на 4 млн жителей, вслед за Ф. М. Достоевским и С. В. Максимовым, Николай Михайлович отрицал исправительное, т. е. воспитательное значение каторги и ссылки. Прежде всего, он отвергал представление об уголовном преступлении как явлении нравственном и прямо связывал его с социальными факторами: «Развитие уголовных преступлений всегда стояло прежде всего в зависимости от экономических условий, в которых находились

беднейшие классы, от неправильных общественных отношений, от неудовлетворенных потребностей людей, силившихся пополнить их незаконным путем»⁹⁴.

Далее, он выступил принципиальным противником ссылки, поскольку, «служба тяжким средством наказания, [она] при нынешних условиях не могла осуществлять своего исправительного значения. Призвание ссылки не осуществилось в ее идеале ни у нас, ни за границей»⁹⁵. Данное обстоятельство Ядринцев обосновывал следующими положениями. Во-первых, как «карательная и дисциплинарная мера, ссылка, конечно, не могла принести никакой пользы. Мы видим, что она нисколько не предупредила преступлений и, как всякое наказание, служила только суровым возмездием и наказанием для преступников»⁹⁶. Во-вторых, и это самое главное, — «трудно согласиться, чтобы понятия преступника о труде изменялись от одной перемены места»⁹⁷.

Типично в народническом духе Ядринцев предложил свой рецепт перевоспитания преступников, в нем содержатся и рациональные моменты. Главная роль в этом деле отводилась земледельческим и ремесленным ассоциациям, которые «должны быть устроены исключительно с целью исправления преступников в местах незаселенных и безопасных для общества. Самая система должна состоять в отсутствии карания и насилия для личности, в постепенном приучении к труду и рациональной жизни в среде общины. Артельный труд, добрые нравственные влияния и умственное развитие должны быть положены в основу такой системы. Сама община всего лучше послужит к дисциплинированию личности и к исправлению ее»⁹⁸.

Вместе с тем, против уголовной ссылки в Сибирь Ядринцев, как и другие областники, выступал и с точки зрения защиты интересов края, с позиций своей программы его социально-экономического развития. По его мнению, ссылка «задерживает экономическую и социальную жизнь народа»⁹⁹. Во-первых, она растлевающе влияла на нравственность населения, особенно в части чиновников, аристократии, «бубновых тузов», сосланных за мошенничество, шулерство, финансовые злоупотребления и т. д.¹⁰⁰ Во-вторых, ссылка способствовала хищническому уничтожению природно-сырьевых ресур-

Глава 2

сов. В-третьих, стала причиной уголовной, прежде всего рецидивной, преступности в местах водворения преступников. В-четвертых, главное негативное воздействие ссылки Ядринцев видел в бродяжничестве, массовом уходе преступников из мест поселения. Наводнение бродягами районов сельскохозяйственного освоения вело к острым конфликтам между ними и крестьянами, перерастающим в настоящую войну.

Суммируя аргументы Ядринцева, следует отметить, что ликвидацию ссылки в будущем он сравнивал по значению «с отменой крепостного права в России»¹⁰¹. В целом же, Николай Михайлович с демократических позиций поставил и обосновал вопрос о ликвидации уголовной ссылки и как средства перевоспитания преступников, и как способа колонизации региона, отвергая какое-либо положительное значение штрафной колонизации, противопоставляя ей свободное переселение.

Продолжая демократическую традицию предшествующего периода, идеологи движения в 1870-е — в первой половине 1890-х гг. большое внимание уделяли «инородческому вопросу». Их предложения объективно были направлены против русификаторской политики самодержавия¹⁰².

В этот период областники отмечали прогрессивную тенденцию взаимовлияния русского и коренного населения, взаимное обогащение их навыками хозяйственной жизни и предметами материальной культуры, а с другой стороны — бедственное положение сибирских аборигенов. В публикациях «Сибири», «Сибирской газеты», «Восточного обозрения», монографии Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное состояние» (1891) раскрывались их социальное расслоение, отрицательное воздействие института родоначальников, непрекращающийся грабеж со стороны купцов и промышленников, административный произвол заседателей и исправников и насильственное обращение в православие.

В связи с этим нам бы хотелось отвести от областников обвинения в том, что они «писали не просто о высоком проценте смертности, а о их поголовном вымирании, которое будто бы началось сразу же после присоединения Сибири к России. Это утверждение было ошибочно (хотя, возможно, делалось в целях заострения вопроса)»¹⁰³.

Действительно, Ядринцев отмечал сокращение численности ряда коренных этносов региона, более того — одна из его статей называлась «Осужденные на смерть племена»¹⁰⁴. Но отмеченное явление он считал не закономерностью, а следствием стечения обстоятельств. «Из всех добытых нами фактов,— подчеркивал он в 1883 г.,— мы не можем никоим образом вывести заключение о неизбежности вымирания инородцев. Причины вымирания лежат далеко не в свойствах самой расы, но в чисто внешних обстоятельствах, неблагоприятно влияющих вообще на человеческую жизнь»¹⁰⁵.

К тому же он четко учитывал специфику правительственной политики по данному вопросу на протяжении всего периода освоения Сибири русскими. По его мнению, «присоединенные части государства и народности нуждаются во всем мире в терпимости, в гарантии человеческих прав и в ограждении этих прав законами. Государство им это гарантировало, и это была государственная политика, и умные государи и государственные люди не желали раздражать присоединенные народности, они сохраняли за ними некоторые права», «даже московские цари в своих приказах воеводам повелевали не разорять покоренных новых подданных... Правительство желало оставить свободу культа и веры язычникам, магометанам и буддистам, так как гонения на веру самая опасная вещь и может раздражать народности более всего»¹⁰⁶.

Идеологи движения, прежде всего Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и Н. И. Наумов, были решительными противниками любых духовных миссий: христианских, мусульманских, буддийских, так как видели в их деятельности насилие над мировоззрением аборигенов, «замену одного идеалистического учения другим, более изощренным»¹⁰⁷. Единственным радикальным средством в борьбе с религиозной нетерпимостью Потанин считал развитие светской культуры у коренных народов и замечал по этому поводу: «Торжествующим средством в борьбе с мусульманским клерикализмом может быть только свое киргизское светское направление; чтобы оно появилось, нужно возбудить в верхних слоях киргизского народа интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного языка, своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины»¹⁰⁸.

Пристальное внимание областники уделяли Алтайской горной миссии, итоги деятельности которой подавались как пример успешного обращения инородцев, в данном случае алтайцев, в православие. В противовес этому постулату Потанин в письме к Ядринцеву из Бийска от 30 декабря 1877 г. категорично заявлял: «Духовная миссия — это оптический обман, ловкий фокус. Кажется, что миссия создала в среде инородцев ряд оседлых поселений, обрусил несколько тысяч, приучила их к полевым работам; есть уже хорошенькие селения, например Улала». Но выделенные деньги расходуются на приличное жалование миссионерам, которые только назидают. «Превращение же Улалы, Мыюты, Сарака в русские деревни объясняется влиянием крестьян; по Семе и Найме начали селиться русские мужики-переселенцы, и здесь не только новокрещенные построили себе дома и оделись по-русски, но и кочующие шаманисты начали помногу распаивать земли. В Онгудае же до сих пор запрещено селиться крестьянам, и вот результат — стан (миссионерский.— *М. III.*) существует 25 лет, а крещенные живут в берестяных шалашах, спят на голой земле и, кроме котла да долбленого ведра, не имеют другой утвари: ни изб, ни скота, ни русской одежды, ни русского языка здесь нет. Позвольте нашему мужику переселиться в Онгудай, и все те, которые записаны в крещенные, в 15 лет обрусуют»¹⁰⁹.

Несколько позже на эту же проблему вышел Н. И. Наумов. В рассказе «Горная идиллия» (1880) он размышляет: «Для обращения теленгутов в православие в 1828 году основана духовная алтайская миссия, трудами которой обращено доныне в христианство до четырех тысяч человек, воздвигнуто одиннадцать церквей, устроено десять школ, переведено на теленгутский язык Евангелие; несколько богослужебных книг, много молитв и церковных песен. Успехи миссии нельзя назвать значительными. Теленгуты смотрят на миссию как на вредное учреждение и удаляются от нее вглубь гор, потому что считают принятие православия равносильным потере национальности. Теленгуты, бегущие от миссии в горы, беднеют день ото дня; одинаково беднеют и те из них, которые, приняв православие, поселяются на жительство около миссии. Отчего происходит это явление и где, и в чем искать целебного средства против него,— ответы на это дадут только добросовестные и всесторонние исследова-

ния быта теленгутов и искоренение эксплуатации, тяготеющей над ними во всех видах»¹¹⁰. Е. Г. Новикова, анализируя творчество писателя, считает, что приводимый Наумовым пример есть «одна из форм социокультурного насилия над народами Сибири и Алтая»¹¹¹.

Вместе с тем сторонники рассматриваемого движения активно поднимали «инородческий вопрос» и с позиций геополитических, рассматривая регион как своеобразный мост в Центральную Азию. «Не в завоеваниях... должно состоять будущее Сибири,— утверждал Ядринцев,— а в создании цивилизации для своего народа, который вместе с торговлей будет иметь влияние на весь Восток и на Азию. День ото дня мы ждем, что мир должен связаться братской любовью взамен прежней исторической вражды, ибо как принципом современного мира была Война, Завоевание и Рабство, так принципом нового будет Мир, Цивилизация и Свобода!»¹¹². Поэтому Потанин страстно призывал к развертыванию масштабных исследований народов Центральной Азии. «Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки,— писал он.— Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимствований мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива... и несмелость мышления, поработанного рутинными взглядами и рутинными верованиями»¹¹³.

В целом, решение проблемы гармоничного развития аборигенных этносов региона областники видели прежде всего в усилении просвещения и коллективизма. Так, А. П. Щапов видел прочный залог возрождения отдельных народов в существовании и дальнейшем развитии общины. «Другая замечательная особенность бурятской улусной родовой общины,— замечал он,— порожденная естественными социальными институтами и объективно свойственная всем общинам,— это наибольшая естественная склонность... ее членов к артельности, к развитию принципа социально-кооперативной взаимности, согласия и солидарности»¹¹⁴. Ядринцев выступал за образование на родном языке аборигенов, прозорливо заявляя: «Просвещение на родном языке и знакомство с наукою, надо заметить, нимало не отталкивает образованного инородца от русского языка к национальному, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью

Глава 2

русского просвещенного мира, но и европейского»¹¹⁵. Наконец, Потанин, обобщая свои наблюдения за жизнью монголов, китайцев, алтайцев, тувинцев и других этносов Центральной Азии и отвергая официальную версию, что они «ждут не дождутся момента слияния с царством „Цаган-хана“, „белого царя“», считал необходимым и возможным усиление просветительской роли России здесь¹¹⁶.

Для реализации этой программы сторонники движения вели активную пропаганду своих взглядов в центральной и местной печати. Они не предпринимали попыток организационного оформления областничества. В отличие от предшествующего времени мы не обнаруживаем в сибирских городах кружков разночинной интеллигенции, разделявших взгляды областников. Определенное стремление к этому проявилось лишь в систематическом проведении в 1880-е гг. в Петербурге «ядринцевских четвергов». Кроме того, актив группировался вокруг редакций трех газет: «Сибирь», «Восточное обозрение» и «Сибирская газета». Единоличным организатором большей части мероприятий был Н. М. Ядринцев. Работавший вместе с ним в Иркутске В. А. Ошурков вспоминал: «Я хочу сказать... что небольшие интеллигентские группы, выросшие то там, то сям по разным уголкам Сибири, так же как и небольшие группы учащейся молодежи, собирались вокруг покойного Н. М. Ядринцева не по причине существования какой-нибудь явно выраженной, постоянно и непрерывно действующей организации, а просто в силу некоторых особенностей личности покойного и давно уже назревшей потребности группироваться вокруг какого-нибудь дела, носящего характер общности»¹¹⁷.

Основные усилия сторонников движения в 1870-1880-е гг. сосредоточились на издании газет и сотрудничестве в демократической прессе России. Еще в начале 1870-х гг. в Иркутске предпринимается попытка издания газеты «Сибирские очерки». Автором ее программы был А. П. Щапов¹¹⁸. Но первым сибирским периодическим изданием с четко выраженной областнической окраской стала иркутская «Сибирь». Ее редакторы — В. И. Вагин, Н. Е. Тюменцев, М. В. Загоскин — сплотили в редакционном совете активных сторонников движения: А. П. Нестерова, А. П. Щапова, Н. И. Наумо-

ва, М. П. Шестунова, М. Я. Писарева, Н. М. Ядринцева и др. Кроме того, в газете активно сотрудничали политические ссыльные. Ее тираж увеличился с 600 экземпляров в 1875 г. до 1 218 — в 1885 г. Издание осуществлялось в обстановке систематического противодействия властей, откровенного произвола и было прекращено в 1887 г., когда от должности главного редактора по приказу министра внутренних дел был отстранен Загоскин.

Примерно аналогично выглядит история «Сибирской газеты», издание которой было предпринято П. И. Макушиным в 1881 г. В газете, редактируемой А. В. Адриановым, сотрудничали такие видные идеологи движения, как Вл. М. Крутовский, Н. И. Наумов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, но ведущие позиции прочно занимали ссыльные народники. Поэтому правильно говорить о преимущественно народнической окраске «Сибирской газеты» с областническим оттенком. Тираж колебался от 1 165 экземпляров в первый год выпуска до 2 000 — в последний. Она прекратила существование по представлению четырех министров в январе 1888 г., накануне открытия первого сибирского университета — это событие в какой-то мере стало и причиной закрытия «Сибирской газеты».

Иначе сложилась судьба «Восточного обозрения». 23 октября 1881 г. Ядринцев обратился в Главное управление по делам печати МВД с кратким прошением: «Имея в виду ознакомить русское общество с делами Азиатского Востока и в то же время сообщить жителям окраин новости русской государственной жизни, я желаю издавать в С.-Петербурге, под личную свою ответственность, без предварительной цензуры, газету под названием „Восточное обозрение“, с выпуском таковой, смотря по количеству материала, один, два или три раза в неделю»¹¹⁹. Первый номер газеты увидел свет 1 апреля 1882 г. Ее финансировали видные сибирские предприниматели, прежде всего В. П. Сукачев и И. М. Сибиряков. Вплоть до смерти организатора и первого редактора газета имела четко выраженный областнический, либерально-народнический характер. В одном из первых номеров в заявлении от редакции подчеркивалось: «Сибирское общество прежде всего желает облегчения жизни, и некоторые свободы, и право существовать частной инициативе. Ограничение старой опеки и своеволия становится ее заветным желани-

ем»¹²⁰. На страницах издания регулярно поднимались вопросы о ссылке, состоянии промышленности и сельского хозяйства, о положении коренного населения, развитии просвещения и науки. Через газету проводилась мысль о необходимости введения земства.

Несмотря на субъективное желание идеологов движения придать обсуждаемым вопросам чисто областническое звучание, объективно они способствовали социально-политическому и культурному развитию Сибири, и в этом плане деятельность их органа можно рассматривать как прогрессивную. Газета выступала единым демократическим фронтом с «Сибирью» и «Сибирской газетой».

Титаническую деятельность по организации издания развернул Ядринцев. Почти в каждом номере появлялись статьи, заметки и фельетоны (последних было опубликовано более 170¹²¹). Николая Михайловича под псевдонимами «Сибирский писатель», «Сибирский патриот», «Сибирский юморист», «Добродушный сибиряк», «Восточный фельетонист», «Семилужский» и др. Им же писались редакционные статьи. Благодаря усилиям редактора газета имела обширный штат корреспондентов и пользовалась популярностью даже за пределами региона. Уже к весне 1883 г. насчитывалось 700 подписчиков в городах Сибири, а к 1885 г. их число выросло до 1 300. О степени ее влияния можно судить по карикатуре художника М. С. Знаменского на тобольского губернатора В. А. Лысогорского (1878—1886). На ней он изображен с разорванным номером «Восточного обозрения». Под рисунком слова из «Ревизора»: «Я бы на всех этих бумагомарак! У! Щелкоперы, либералы проклятые! Узлом бы вас завязал, в муку бы стер вас всех...»¹²².

Первоначально газета выходила в Петербурге. Воспользовавшись закрытием «Сибири», Ядринцев добился разрешения перенести издание в Иркутск, что и было сделано в 1888 г. Провожая редактора, друзья «говорили ему, что он, как новый Антей, соприкоснувшись со своей родной землей, станет вдвое сильнее, что газета пойдет в Иркутске лучше, чем в Петербурге, что там она примет желательный, вполне местный колорит»¹²³.

Действительность скоро развеяла надежды областников. Поддержка, оказываемая газете генерал-губернатором А. П. Игнатье-

вым и городским головой В. П. Сукачевым, привела к падению ее престижа в глазах интеллигенции города. Против областнических идей, проповедуемых на ее страницах, выступила группа образованной молодежи во главе со статистиком, либеральным народником Н. М. Астыревым. Произошел открытый разрыв, и молодежь пошла за Астыревым, а это был сильный удар по Ядринцеву, считавшему себя властителем дум сибирской общественности. Как признавался Потанин, «Ядринцев оказался единственным газетным сотрудником», поэтому на него легла основная тяжесть подготовки очередных номеров. «Он писал и передовые в номере, переделывал в корреспонденции письма от своих приятелей. Вследствие этого газета сделалась бледной, скучной... В городе раздавались жалобы на монотонность газеты. В астыревской группе говорили: „Это не „Восточное“, а „Водосточное „обозрение“»¹²⁴.

Нравственные страдания Ядринцева усугубились после смерти жены в июле 1888 г. В итоге деградация печатного органа и его редактора, систематически впадавшего в запой, заставила друзей и единомышленников предпринять экстренные меры. В 1889 г. Николаю Михайловичу предложили совершить экспедицию в Монголию, а на совещании у Потанина (участвовали Б. П. Шостакович, Ф. В. Волховский, М. Я. Писарев, М. В. Загоскин, В. А. Ошурков и др.) принимается решение назначить редактором газеты В. А. Ошуркова, уроженца Забайкалья, отставного офицера¹²⁵. Однако газета к середине 1890-х гг. из кризиса так и не вышла.

Говоря об областнической периодике, необходимо указать на научно-литературное приложение к «Восточному обозрению» — «Сибирский сборник». Всего за 1886-1894 гг., по подсчетам Н. И. Кондратьева, увидело свет 26 книг — выпусков данного издания¹²⁶. Материалы сборников, среди авторов которых встречаем фамилии Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, М. В. Загоскина, Н. И. Наумова, В. А. Обручева, ссыльных народников, были посвящены актуальным вопросам внутренней жизни региона, и прежде всего деревне. Публикации, написанные с позиций областничества, раскрывали процесс развития капиталистических отношений и в то же время были полны прорицаний относительно возможности оградить деревню от их тлетворного влияния.

Глава 2

Подводя итоги обзора областнической прессы в 1870-1880-е гг., мы выражаем согласие с выводом Л. А. Ермолинского о том, что «в обстановке цензурного гнета, административного своеволия, обывательской недоброжелательности редакции прогрессивных сибирских изданий создали разветвленную корреспондентскую сеть и, умело координируя действия, способствовали умственному и нравственному воспитанию широких слоев населения, активизации общественной жизни на далекой окраине, воспитывая в читателе критическое отношение к основам существующего строя»¹²⁷.

Некоторым подобием кружка областников без четко выраженной программы и круга участников стали и вечера сибиряков, приурочиваемые к выходу очередных номеров «Восточного обозрения», устраиваемые Н. М. Ядринцевым в 1882-1887 гг. у себя па квартире в Петербурге. В них принимало участие до 30-40 человек, в основном студентов-сибиряков, ученых и литераторов, связанных с Сибирью,— В. И. Семевский, А. М. Скабичевский, В. В. Радлов, М. В. Певцов, В. П. Острогорский, Л. Ф. Пантелеев, А. А. Кауфман, Дж. Кеннан, Г. Н. Потанин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. В. Лесевич, А. И. Введенский и др.¹²⁸

На вечерах обсуждались публикации в «Восточном обозрении», программа издания, своими впечатлениями о Сибири делились ученые, журналисты, политические ссыльные. Основное назначение «четвергов» виделось в реализации мысли о воспитании собственной интеллигенции, в том, чтобы сибирская молодежь в Петербурге «жила сибирскими интересами, получала новости из Сибири, укрепляла в себе любовь к родине, проникалась мыслью не оставлять ее, а работать в Сибири и для Сибири»¹²⁹.

Большое значение с точки зрения пропаганды областнических положений идеологи движения придавали празднованию 300-летнего юбилея начала освоения Сибири, который отмечали в 1881—1882 гг. За несколько лет до указанной даты они начали публиковать серию статей в русских демократических изданиях («Дело», «Неделя», «Отечественные записки», «Вестник Европы»), посвященных истории колонизации Сибири, а также итогам и перспективам этого процесса.

При этом преследовалась цель привлечь внимание правительства, русского общества, сибиряков к нуждам региона, обосновать экстренную необходимость проведения здесь реформ. Как верно заметил по этому случаю В. А. Ламин, «в высших эшелонах российской власти инициатива патриотов Сибири с момента ее выдвижения не вызвала энтузиазма и восторженной реакции. Когда же из далекой сибирской окраины стали поступать „сигналы" о, возможно, весьма неоднозначном восприятии „инородцами" общегосударственных торжеств, высшая власть настоятельно рекомендовала сибирским патриотам поубавить масштабы ликования. Энтузиазм сибирских патриотов, конечно, искренний, исходящий из глубин сознания необходимости единения, консолидации многонациональной России удалось охладить, и предлагавшиеся праздничные общегосударственные торжественные мероприятия спустить с поднебесной высоты замыслов, как говорится, на тормозах. Наиболее неумные патриоты Сибири, собравшиеся в Москве и Санкт-Петербурге и в некоторых сибирских городах, торжественно откушали праздничные обеды и обменялись пламенными речами по поводу великого значения Сибири в исторической судьбе России и одновременно с некоторой печалью в связи с общей неустроенностью условий жизни в Сибири, недостаточным благорасположением высшей власти к насущным заботам и нуждам окраины, и в то же время с несокрушимым оптимизмом и искренней верой в грандиозную, величественную экономическую будущность ее дремлющих производительных сил и неиспользованных возможностей»¹³⁰.

Главным итогом проведения 300-летнего юбилея стала традиция ежегодного празднования так называемого «сибирского дня», который отмечался 26 октября вплоть до 1919 г. (В этот день в 1582 г., произошла решающая битва между дружиной Ермака и войском хана Кучума.) «Сибирский день» превратился в своеобразный региональный праздник, в значительной степени утративший свое областническое звучание. Вот как выглядело это мероприятие в Иркутске в 1886 г.: «26 октября. Сибирский вечер прошел весьма оживленно, участвовало много молодежи. Присутствовали председатель Совета Главного управления генерал-лейтенант Педашенко,

начальник окружного штаба генерал Левицкий и иркутский губернатор. Вечер продолжался до 5 часов утра. Зал был декорирован сибирскими картинами художника Вронского, декоративная часть принадлежала Коперскому. В час пополудни танцы были прерваны и присутствующим предложено шампанское. Затем были произнесены речи М. Я. Писаревым, М. А. Нестеровым, С. И. Москвиным. Четвертый раз молодая иркутская интеллигенция праздновала день покорения Сибири. Праздник этот с каждым годом становится многолюднее, с каждым годом все более приобретает и симпатии общества, и общественное значение. В этот день местные умственные силы собираются вместе, чтобы высказать себе и другим свои заветные помыслы и желания. Это день полной, иногда даже несколько суровой ответственности»¹³¹.

«Сибирскому дню» посвящали специальные выпуски местные газеты и журналы, в книжных магазинах П. И. Макушина проходила презентация новых изданий, посвященных Сибири. В частности, в том же 1886 г. в продажу поступило переиздание известного труда П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». К празднику приурочивалось открытие значимых объектов культурно-просветительной сферы: школ, библиотек, народных домов и т. д. Например, в самый разгар Гражданской войны 26 октября 1918 г. в Иркутске состоялся торжественный акт открытия университета, второго в регионе. Проводили в этот день свои торжественные заседания и муниципальные органы. Так, выступая на заседании городской думы г. Енисейска, гласный Скорняков заявил: «Нужды Сибири, нужды наши слишком велики и обширны, велики, потому что мы долго, почти 300 лет были пасынками России... Наши первые и настоятельные нужды — это введение земства, гласного суда, свобода печати и слова, свобода личности и имущественной неприкосновенности, свобода переселений и прекращение ссылки в Сибирь»¹³².

Говоря о практической деятельности областников в 1870-е — в первой половине 1890-х гг., нельзя не отметить их вклад в научное изучение Сибири. По заданию Восточно-Сибирского отдела ИРГО в первой половине 1870-х гг. совершил ряд поездок в верховья Лены и Приангарья с целью проведения этнографических исследований

А. П. Щапов. Будучи правителем дел этого отдела в 1887-1890 гг., показал себя выдающимся организатором науки Г. Н. Потанин. Получая ежегодно от казны скудную субсидию в 2 тыс. рублей, он значительно увеличил бюджет отдела за счет пожертвований. Средства направлялись на расширение деятельности и создание новых секций: физической географии, этнографии, статистики, в каждой из которых регулярно проходили собрания с обсуждением докладов. Печатный орган «Известия ВСОИРГО» вместо одного-двух раз стал выходить пять раз в год. Исключительно много сил тратил Потанин на популяризацию научных знаний. Большие изменения произошли в работе музея отдела, в запасниках которого хранились богатые коллекции этнографических, археологических, геологических материалов — часть из них была собрана самим правителем дел. Однако это был не музей в полном смысле этого слова, а своеобразная кладовая, поскольку коллекции не экспонировались и знакомиться с ними мог сравнительно ограниченный круг специалистов. По настоянию Григория Николаевича и при его деятельном участии в музее была развернута экспозиция части материалов, по воскресеньям залы открывались для публичных посещений, члены отдела проводили экскурсии для посетителей.

На фоне общего оживления дел в ВСОИРГО наиболее разительные перемены произошли в области этнографического изучения коренных народов Восточной Сибири, прежде всего бурят. Организованная по инициативе Потанина этнографическая секция развернула активную работу в этом направлении, в том числе по сбору эпического наследия бурят Иркутской губернии и Забайкалья. Он привлек к этому делу аборигенов, выросших впоследствии в видных ученых,— М. Н. Хангалова и П. Баторова. Общую оценку его вклада в этнографические исследования дал М. К. Азадовский, который подчеркнул: «Это свое значение и прежний размах снова приобретает этнография в деятельности Г. Н. Потанина, именем которого, по справедливости, должен быть охарактеризован следующий период. И если в трудах Ровинского и Щапова простое собирательство уступило место систематическому исследованию, то в лице Потанина сибирская этнографическая наука получила могучего

организатора. Потанин был не только замечательным путешественником и исследователем. Но был и исключительным собирателем сил и руководителем»¹³³.

Активизация деятельности Восточно-Сибирского отдела ИРГО потребовала резкого увеличения числа сотрудников, прежде всего специалистов в области географии, геологии, этнографии. Для обследования малоизученных районов Сибири нужны были храбрые, инициативные и образованные люди. Поэтому Потанин сознательно делает ставку на привлечение к исследовательской работе политических ссыльных. «Минимум полтора десятка ссыльных состояли членами Восточно-Сибирского отдела; не менее трех десятков в той или иной форме сотрудничали с Отделом. Подавляющая часть их была народниками», — делает вывод С. В. Ивлев¹³⁴. Активно работали в отделе В. И. Вагин, М. В. Загоскин, М. Я. Писарев, Н. М. Ядринцев, С. С. Попов, И. В. Вологодский, А. В. Адрианов, Н. Н. Козьмин, И. А. Пирожков, Д. И. Першин, А. В. Потанина и др.

Всемирную известность получили путешествия Г. Н. Потанина в Центральную Азию в 1876-1877, 1879-1880, 1884-1886, 1892-1893 гг., во время которых были обследованы малодоступные районы. Сейчас можно только удивляться, как удавалось маленькому коллективу, состоявшему из четырех-шести специалистов, выполнять такой огромный комплекс работ. В ходе экспедиций непрерывно велась топографическая съемка местности, определялись высоты над уровнем моря, устанавливались географические координаты природных объектов, изучался растительный и животный мир. Зарисовывались и описывались наиболее интересные природные объекты, фиксировались археологические памятники. Путешественники, прежде всего Потанин, устанавливали контакты с местным населением, записывали памятники устного народного творчества, собирали этнографические материалы.

В промежутках между экспедициями шла интенсивная обработка собранных материалов, подготовка к печати дневников. Концептуальную основу многочисленных работ Потанина составляло представление об определяющем влиянии природно-климатического

Сибирское областничество в 1870-х-первой половине 1890-х гг.

фактора на развитие народов. В частности, Потанин считал, что именно равнинный рельеф Монголии явился причиной кочевого быта ее населения, создавшего «кочевую культуру». Будущее человечества ему виделось в синтезе азиатских и европейских форм культуры и в возрождении на этой основе народов Востока. Роль посредника в этом процессе он отводил Сибири, а основным способом реализации считал развитие науки, просвещения и торговли.

Григорий Николаевич стоял у истоков родинovedения (краеведения), сформулировав ряд основополагающих подходов по его организации. В связи с этим он выходит на обоснование особой роли сельской интеллигенции в изучении «малой родины»: «Сельская школа в состоянии соединить вокруг себя все роды местной интеллигенции, т. е. должна бы соединить, если бы ее значение все понимали. Все вопросы практические свое решение у нас в России могут найти только в сельской школе (вопрос женский, вопрос о земледельческой ассоциации, вопрос о штрафной колонизации и проч.). И ничто так сильно не будет содействовать к возникновению провинциализма, как развитие дела сельской школы»¹³⁵.

Значительны научные заслуги Н. М. Ядринцева. Начиная с 1878 г., по поручению Западно-Сибирского отдела ИРГО, у истоков которого он стоял вместе с Потаниным, Николай Михайлович совершил ряд путешествий на Алтай, в Забайкалье, составил несколько программ изучения быта аборигенов и сельской общины, обследовал местные музеи, значение которых высоко оценивал. «Они соединяют людей во имя идеи, облагораживающей натуру и создающей высшую цель жизни, — замечал он по этому поводу. — Они заставляют чувствовать на минуту, что есть в жизни что-то высшее, благородное, чем обыденные житейские стремления и страсти, объединяющее все человечество, дающее ему полет и вечное существование духа»¹³⁶. Наиболее ярким эпизодом научной биографии Ядринцева стало открытие летом 1889 г. небольшим экспедиционным отрядом под его руководством развалин Каракорума — столицы государства Чингисидов.

Из других активных сторонников движения деятельное участие в научном изучении региона и сопредельных территорий приняли

Глава 2

А. В. Адрианов, В. И. Вагин, М. В. Загоскин, Ф. Н. Усов, Вл. М. Крутовский.

Однако за кажущейся активной деятельностью областников к середине 1890-х гг. скрывался всесторонний кризис. Сократился и без того немногочисленный круг активных сторонников движения. Ушли из жизни А. П. Щапов, С. С. Шашков, Ф. Н. Усов, М. П. Шешуков. Из-за преклонного возраста отошли от активной общественной работы В. И. Вагин, М. В. Загоскин, Н. И. Наумов. Последний в одном из писем Г. Н. Потанину в 1897 г. называл себя праздным идеалистом и констатировал: «Кругом все изменилось. Пошли новые люди, а с ними новые идеи и стремления, но, к сожалению, неутешительные, и поневоле спрашиваешь себя: для кого я буду писать и для чего?»¹³⁷.

Наглядным проявлением кризиса явилось самоубийство Н. М. Ядринцева. Казалось, ничто не предвещало трагического исхода. В 1893 г. он совершил поездку в США на Всемирную промышленную выставку в Чикаго. «Америка меня поразила,— писал Николай Михайлович Потанину,— это Сибирь через тысячу лет, точно я вижу будущее человечества и Родины... Представьте мои чувства... Сердце замирает, и боль, и тоска за нашу Родину. Боже мой! Будет ли она такой цветущей?»¹³⁸. Регулярно выходили его статьи. И вдруг летом 1894 г. в Барнауле он кончает жизнь самоубийством, приняв чрезмерную дозу опиума. Обстоятельства, приведшие лидера движения к трагическому финалу, сложны, но, в конечном счете, отражают состояние дел в областничестве того периода.

«За внешней активной деятельностью (Ядринцева.— М. Ш.) скрывается глубокий скептицизм разочарованного человека»,— заметил Я. Р. Кошелев¹³⁹. Скепсисом дышит изданный нелегально в Женеве его памфлет «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» — работа, близкая по духу к «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева и представляющая апокалипсическое пророчество краха императорской России. Автор анализирует геополитическое положение и внутреннее развитие государства в XIX в., акцентируя внимание на правлении Александра II и Александра III, давших импульс бурному развитию рыночных отношений. «Было

время,— начинает памфлет Ядринцев,— когда Россия казалась Европе каким-то колоссом, который ее удивлял и устрашал. Что-то грозное, загадочное казалось ей на востоке европейского мира и на границе азиатского. Это нечто все более и более разрасталось, и, казалось, конца не было расширению его владений. Точно так же для Европы был загадочен и своеобразен склад этого народа, начавшего формироваться в большое политическое тело... Ее развитие казалось оригинальным и настолько своеобразным, что можно было допустить предположение, что цивилизация здесь получает особое проявление и европейский идеал, слившись с этими формами, даст неожиданные плоды». Надежды на историческое призвание России подпитывались общинным поземельным бытом, который «как бы осуществлял уже формы европейского социализма», и молодостью российского суперэтноса, «обнаружившего западные симпатии»¹⁴⁰.

В действительности же после освобождения крестьян в деревне проявилась социальная дифференциация и «община на экономическом пути не сделала прогресса, она дальше от ассоциации, чем европейский крестьянский мир». «Азиатские владения: Туркестан, Амур и забайкальские приобретения дают государству убыток и обессиливают его бюджет». Наконец, «была вера когда-то в русскую национальную идею и славянофильский идеал, но славянофильство с последними могоканами, Аксаковым и Самариным, отжило свой век; неославянофильство в русской печати даже не славянофильство, а глупое самодовольство, поощрение всяких предрассудков и презрение к другим народностям, исходящее не из силы, а из невежества, свойственного варварским нациям. Русское западничество и стремление к европеизму также потерпело крушение со времени реакции 60-х годов». В силу этих обстоятельств для Европы Россия превратилась в восточную деспотию, а текущее состояние ее — «это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия. Если можно выразить одним словом положение России, то это слово будет "ничтожество", такова она для Европы, такова для всякого образованного человека»¹⁴¹.

Далее Николай Михайлович перечисляет грубые просчеты самодержавия, прежде всего по национальному вопросу — русификация, уничтожение национальных культов, пренебрежительное отно-

шение к западной культуре. Критике подвергается политическая система, правящее сословие, православное духовенство, произвол властей. Pamфлет завершает прорицание близкого краха самодержавной России вследствие не внутренних потрясений, а внешнего фактора. «Тяжко будет тогда, когда европейские друзья подкараулят Россию и заметят ее слабые стороны, когда обнаружится все ее политическое ничтожество. Англия, Германия и теперь зорко следят за тем, что плохо привязано к России. Выждут минуту — оторвут Амур, оторвут Остзейский край, Польша сама уйдет. Явится расплата. Кто же будет виноват, что травил и раздражал народности? В пору кровавой войны какой гений спасет Россию, когда все сделано к тому, чтобы задавить жизнь народного духа и таланта. Что сделает жалкий, забытый, лишенный образования народ? В силах ли он будет противостоять просвещенному врагу? Так должна будет кончиться история этого кажущегося величия. Так совершится урок истории для государства, пренебрегшего законами естественного человеческого развития, отказавшегося от дороги к цивилизации, убившего всякую духовно-нравственную силу своего народа, а потому доведшего себя до ничтожества и позора»¹⁴².

Таким образом, в «Иллюзии величия...» Ядринцев, во-первых, пытается подтолкнуть правительство к продолжению европеизации страны, взяв его «на испуг», предсказывая очередное военное поражение; во-вторых, констатирует крах народнических иллюзий об особом пути развития России: «Идеалисты начали разочаровываться в общине, и вместо общинников появились марксисты»¹⁴³; в-третьих, предлагает коренным образом пересмотреть национальную политику, отказавшись от традиционно имперских ее составляющих.

Что касается Сибири, то и здесь рухнули надежды на переход к светлому будущему, минуя капитализм. Поездка в США усугубила крушение надежд идеолога областничества найти подтверждение демократического устройства общества при интенсивном капиталистическом развитии. В письме к А. Н. Пыпину (1893) он констатирует: «Юношами мы уподобляли Сибирь с [евро]-Американскими Штатами, старцами мы поняли огромную разницу. Но, может быть, когда-нибудь в отдаленном будущем и в Сибири создается

хотя бы слабое подобие богатой американской цивилизации»¹⁴⁴. Среди сибиряков, и прежде всего молодежи, наблюдалось полное равнодушие к областническим лозунгам¹⁴⁵. Провалились надежды его лидеров усилить свое влияние на местную интеллигенцию.

Ничего нового в теоретическом плане сторонники движения не могли дать. Конкретная жизнь требовала изменения программы, приспособления ее к развивающимся рыночным условиям. Объективно, несмотря на помыслы Н. М. Ядринцева и его друзей, их деятельность способствовала развитию капиталистических отношений. Необходимы были новые идеи, подходы, но для этого нужны были новые люди. Ветераны в лице тех же Ядринцева, Вагина, Наумова, Загоскина проделать эту работу не могли. Новые веяния в жизни вызывали у них протест. Так, встретившись с врачом, разделявшим марксистские взгляды, Николай Михайлович удрученно заметил: «Это из новых типов, с довольной улыбкой говорит во вкусе марксизма. Ах! Как не понимаю я этого поколения, говорящего с самодовольной улыбкой о будущности народа и его разложении с помощью капитализма»¹⁴⁶. Необходима была резкая смена парадигмы, но старое поколение областников к этому не было готово.

Приведенные факты свидетельствуют о всестороннем кризисе сибирского областничества к середине 90-х гг. XIX в., порожденном несоответствием между либерально-народническими подходами его сторонников и реальным развитием капитализма в Сибири. С наибольшей силой кризис отразился на лидере и идеологе движения Н. М. Ядринцеве и привел его к трагическому финалу.

Примечания

¹ ГАОО. Ф. 3, оп. 10, д. 17051, л. 257-263.

² РГАЛИ. Ф. 580, оп. 1, д. 25.

³ Ядринцев И. М. К моей автобиографии (1894) // ЛИС. 1978. Т. 4. С. 324.

⁴ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 82.

⁵ Плеханов Г. В. Н. И. Наумов (1897) // Плеханов Г. В. Соч. 2-е изд. М.; Л., 1925. Т. 10. С. 110.

Глава 2

- ⁶ Кошелев Я. Р. Русская фольклористика в Сибири (XIX — начало XX в.). Томск, 1962. С. 124, 125; Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974. С. 69; Бородавкин А. П. С. С. Шашков как историк Сибири // Тр. Томск. гос. ун-та. 1957. Т. 136. С. 392; Слабкий А. С. Жизненный путь С. С. Шашкова. Харьков, 1967. С. 18.
- ⁷ Шашков С. С. Сибирь на юбилее («Сибирь как колония» Н. М. Ядринцева. СПб., 1882) // Дело. 1882. № 6.
- ⁸ Томский гос. ун-т. Архив музея истории, археологии и этнографии. Ф. 868, оп. 3, л. 136.
- ⁹ Чудновский С. Л. Из давних лет. М., 1934. С. 278.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. 162, оп. 1, д. 116, л. 84.
- ¹¹ Вост. обозрение. СПб., 1884. 5 янв.
- ¹² Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сиб. отдела ИРГО. Иркутск, 1873. Т. 3. № 5. С. 250, 253, 261.
- ¹³ Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке // Дело. 1875. № 4. С. 170, 177.
- ¹⁴ Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 173.
- ¹⁵ Карпачев М. Д. Проблемы государства в идеологии русского революционного народничества // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987. С. 80.
- ¹⁶ Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. док. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 320.
- ¹⁷ Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 9-10.
- ¹⁸ Ткачев П. Н. Культурные идеалы и почва // Дело. 1876. № 7. С. 60.
- ¹⁹ Н. М. Ядринцев — Н. К. Михайловскому // ЛНС. 1980. Т. 5. С. 243.
- ²⁰ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики «сибирской культуры» в 70-х гг. XIX в. // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1988. С. 61.
- ²¹ Потанин Г. Н. Никольский уезд и его обитатели // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 3. № 10. С. 456.
- ²² Он же. Ядринцев — жертва конфликта между колонией и метрополией (1919) // ЛНС. 1986. Т. 7. С. 149.
- ²³ Ядринцев Н. С. К моей автобиографии. С. 333.
- ²⁴ Н. М. Ядринцев — Н. К. Михайловскому. С. 243.
- ²⁵ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 110; т. 2. С. 97.
- ²⁶ Потанин Г. Н. Крымские письма сибиряка (1875) // ЛНС. Т. 7. С. 191.
- ²⁷ Сиб. зап. Красноярск, 1917. № 4. С. 63, 64.
- ²⁸ Там же. 1917. № 3. С. 130.

²⁹ Там же. 1917. № 1. С. 71.

³⁰ Потанин Г. Н. Естественное богатство Сибири и его разработка // Д. 1869. № 5. С. 2, 24; Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX века // Д. 1879. № 2. С. 91.

³¹ Ядринцев Н. М. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири (исследование о сибирской кабале, монополии и мироедстве) // Отеч. зап. 1876. № 12. С. 246.

³² Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 296.

³³ Плеханов Г. В. Н. И. Наумов (1897). С. 116.

³⁴ Горячкина М. С. Художественная проза народничества. М., 1970. С. 44.

³⁵ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 174.

³⁶ Вост. обозрение. СПб., 1883. 6 янв.

³⁷ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 96, 97, 110, 119.

³⁸ Сибирь. Иркутск, 1877. 15 мая; Вагин В. Заметки об общинном быте забайкальских казаков 3-го пешего отдела // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1881. Т. 12. № 1. С. 22.

³⁹ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 110.

⁴⁰ Шапов А. П. Физическое развитие верхнеленского населения // Изв. Сиб. отдела ИРГО. Иркутск, 1873. Т. 7. № 2-3. С. 69; Он же. Что такое рабочий народ в Сибири // Сибирь. 1875. 14 сент.; Он же. Социальные потребности Сибири накануне реформ // Там же. 1876. 18, 25 янв.

⁴¹ Ядринцев Н. М. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири.

⁴² Потанин Г. Н. Что такое колония // Камско-Волжская газ. Казань, 1873.

19 сент.

⁴³ Ядринцев Н. М. Кустарные промыслы в Сибири и их значение // Русская мысль. 1881. № 10. С. 48.

⁴⁴ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 120.

⁴⁵ Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 139.

⁴⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. Он же. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1891.

⁴⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 1-е изд. С. 295; 2-е изд. С. 432.

⁴⁸ Там же. 1-е изд. С. 78; 2-е изд. С. 123.

⁴⁹ Твардовская В. А. Социалистическая мысль в России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1969. С. 119.

- ⁵⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 1-е изд. С. 149; 2-е изд. С. 212.
- ⁵¹ Там же. 1-е изд. С. 160; 2-е изд. С. 223.
- ⁵² Ядринцев Н. М. Торговые банкротства и экономический кризис Сибири // Вост. обозрение. 1883. 6 сент.
- ⁵³ Кандеева А. Г. Слово о Ядринцеве. Омск, 2000. С. 74.
- ⁵⁴ Ядринцев Н. М. Кондрат на поприще литературы // Вост. обозрение. 1883. 11 авг.
- ⁵⁵ Сезева Н. И. Юмор и сатира в творчестве сибиряков художника И. А. Колчанова и писателя Н. М. Ядринцева // Ежегодник Тюменского обл. краеведческого музея. 1999. Тюмень. 2000. С. 182, 183, 186.
- ⁵⁶ Вост. обозрение. 1883. 16 янв.
- ⁵⁷ Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884. С. 15.
- ⁵⁸ Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы в Восточной Сибири. Иркутск, 1985. С. 78, 79.
- ⁵⁹ Загоскин М. В. Сибирские крестьяне // Сибирь. 1881. 18 янв., 1 марта; *Он же*. Десять лет в сибирской деревне // Сиб. сб. Иркутск, 1890. Вып. I; *Он же*. Одна из сибирских общин (селение Грановское) // Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891.
- ⁶⁰ Загоскин М. В. Одна из сибирских общин. С. 81.
- ⁶¹ В. А. История одной сибирской деревни // Сиб. сб. 1895. Вып. 1. С. 111; Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу // Зап. ЗСОИРГО. Омск, 1886. Кн. 8, выи. 1. С. 15, 85; *Он же*. Схема истории сибирской общины // Сиб. сб. 1886. Кн. 2. С. 82; Капустин С. Я. Земля и труд // Вост. обозрение. 1882. 6 мая.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 407.
- ⁶³ Загоскин М. В. «Чумазый» в Сибири // Сибирь. 1881. 29 марта.
- ⁶⁴ Ядринцев Н. М. Студенческие и литературные воспоминания сибиряка // Вост. обозрение. 1884, 23 авг.
- ⁶⁵ ГАКК. Ф. 217, оп. 2, д. 8, л. 158; ЛНС. Т. 5. С. 287, 288.
- ⁶⁶ Ядринцев Н. М. Незаслуженные упреки // Вост. обозрение. 1883. 30 июля.
- ⁶⁷ Ермолинский Л. А. Сибирские газеты 70-80-х годов XIX века. Иркутск, 1985. С. 25.
- ⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 68, л. 1.
- ⁶⁹ Томск, гос. ун-т. Архив музея истории, археологии и этнографии. Ф. 868, п. 11, л. 179, 180.
- ⁷⁰ Прыжов И. Г. [Рецензия] // Отеч. зап. 1882. № 5. С. 116. Рец. на кн.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.
- ⁷¹ Потанин Г. Н. Воспоминания // ЛНС. Т. 7. С. 60.
- ⁷² Головачев П. М. Ядринцевские четверги // Там же. Т. 5. С. 356.
- ⁷³ Н. М. Ядринцев — И. И. Попову // Там же. Т. 5. С. 299.
- ⁷⁴ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 71.
- ⁷⁵ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики... С. 65.
- ⁷⁶ Русское богатство. 1884. № 1. С. 175.
- ⁷⁷ Попов И. И. Из воспоминаний о Г. Н. Потанине // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 143.
- ⁷⁸ Вост. обозрение. 1883. 21 июля.
- ⁷⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 1-е изд. С. 444; 2-е изд. С. 711.
- ⁸⁰ Там же. 1-е изд. С. 445.
- ⁸¹ Там же. 1-е изд. С. 65; 2-е изд. С. 110.
- ⁸² Вологодский П. В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1872. № 12. С. 13.
- ⁸³ Наумов Н. И. Избранные произведения. Новосибирск, 1951. С. 628. "
- ⁸⁴ Там же. С. 144, 145.
- ⁸⁵ Вост. обозрение. 1883. 7 апр.
- ⁸⁶ Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке // Дело. 1875. № 4. С. 193.
- ⁸⁷ *Он же*. Очерки общественной жизни // Сибирь. 1880. 2 февр.
- ⁸⁸ Вост. обозрение. 1883. 6 янв.
- ⁸⁹ Цит. по: Ермолинский Л. А. Сибирские газеты... С. 51.
- ⁹⁰ Ядринцев Н. М. Экономическое значение Сибири в связи с потребностью знания // Дело. 1876. № 4. С. 84.
- ⁹¹ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1. С. 70; *Он же*. Никольский уезд и его обитатели. С. 156; *Он же*. О необходимости умственных центров в провинции // Камско-Волжская газ. 1873. 1 апр.; *Он же*. Заметки провинциала // Там же. 15 авг.; *Он же*. Сырьевая дорога // Там же. 1873. 18 марта.
- ⁹² Томск: История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 119- 21.
- ⁹³ Чмыхало Б. А. Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин как теоретики... С. 72.
- ⁹⁴ Ядринцев Н. М. Исторические очерки развития русской ссылки в связи с развитием преступности // Дело. 1870. № 10. С. 235.
- ⁹⁵ *Он же*. Исправительное значение русской ссылки // Дело. 1871. № 1. С. 211, 212.
- ⁹⁶ *Он же*. Исторический очерк развития русской ссылки... С. 238.
- ⁹⁷ *Он же*. Исправительное значение русской ссылки. С. 196.
- ⁹⁸ Там же. С. 212.
- ⁹⁹ Там же. С. 194.

- ¹⁰⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 2-е изд. С. 305.
- ¹⁰¹ Он же. Начало реформы (1875) // Ядринцев Н. М. Сб. изб. статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919. С. 82.
- ¹⁰² Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX — начала XX века. Иркутск, 1986. С. 65.
- ¹⁰³ Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы... С. 28.
- ¹⁰⁴ Ядринцев Н. М. Осужденные на смерть племени // Сиб. сб. Иркутск, 1904.
- ¹⁰⁵ Он же. Иностранцы Сибири и их вымирание // Русская мысль. 1883. № 3. С. 128.
- ¹⁰⁶ Он же. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад (1891) // ЛНС. 1979. Т. 4. С. 212, 213.
- ¹⁰⁷ Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. С. 101.
- ¹⁰⁸ Потанин Г. Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. № 8. С. 81.
- ¹⁰⁹ Письма Г. Н. Потанина. Т. 3. С. 112.
- ¹¹⁰ Наумов Н. И. Избранные произведения. С. 362.
- ¹¹¹ Новикова Е. Г. Проблема христианизации Сибири в русской классической и в региональной сибирской литературе второй половины XIX века // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 3. С. 90.
- ¹¹² Цит. по: Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в России. М., 1995. С. 4.
- ¹¹³ Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 856.
- ¹¹⁴ Щапов А. П. Бурятская улусная родовая община // Изв. Сиб. отдела ИРГО. Иркутск, 1875. Т. 5, кн. 3-4. С. 135.
- ¹¹⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. 1-е изд. С. 120.
- ¹¹⁶ Потанин Г. Н. Русские в Монголии // Русское богатство. 1892. № 9. С. 244.
- ¹¹⁷ ГАИО. Ф. 295, оп. 1, д. 141, л. 1.
- ¹¹⁸ Ермолинский Л. А. Сибирские газеты... С. 7.
- ¹¹⁹ Цит. по: Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» 1882-1906. Иркутск, 1997. С. 14.
- ¹²⁰ Вост. обозрение. 1882. 15 мая.
- ¹²¹ Кандеева А. Г. Слово о Ядринцеве. С. 68.
- ¹²² Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 350.
- ¹²³ Головачев П. М. Воспоминания о друге молодежи // Вост. обозрение. Иркутск, 1896. 10 мая.
- ¹²⁴ Потанин Г. Н. Воспоминания. ЛНС. Т. 7. С. 64, 65.
- ¹²⁵ Там же. С. 70.
- ¹²⁶ Кондратьев Н. И. Начало журнальной прессы... С. 156, 157.
- ¹²⁷ Ермолинский Л. А. Сибирские газеты... С. 132.
- ¹²⁸ Головачев П. М. Ядринцевские четверги // ЛНС. Т. 5. С. 353-358; Крутовский Вл. М. Отрывки из воспоминаний // Там же. С. 366.
- ¹²⁹ Крутовский Вл. М. Отрывки из воспоминаний. С. 366.
- ¹³⁰ Ламин В. А. Сибирь: от «страны тьмы» к геополитическому освоению // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв.: Сб. мат-лов конф. Новосибирск, 2003. С. 9, 10.
- ¹³¹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С. 140.
- ¹³² Цит. по: Сватиков С. Г. Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1930. С. 84.
- ¹³³ Азадовский М. К. Пути этнографических исследований Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1926. С. 14.
- ¹³⁴ Ивлев С. В. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества и общественно-политическая жизнь Сибири (1877-1907) // Социально-политическое развитие Сибири XIX-XX вв. Новосибирск, 1982. С. 140.
- ¹³⁵ Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. С. 97.
- ¹³⁶ Ядринцев Н. М. Научное значение местных музеев // ЛНС. Т. 5. С. 137.
- ¹³⁷ Цит. по: Кожевников С. Е. Николай Иванович Наумов. Новосибирск, 1952. С. 86.
- ¹³⁸ Сборник к 80-летию дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915. С. XVIII.
- ¹³⁹ Кошелев Я. Р. Из истории культуры Сибири. Томск, 1966. С. 79.
- ¹⁴⁰ Ядринцев Н. М. Иллюзия величия... С. 209, 210.
- ¹⁴¹ Там же. С. 211, 212.
- ¹⁴² Там же. С. 224.
- ¹⁴³ Там же. С. 211.
- ¹⁴⁴ Н. М. Ядринцев — А. Н. Пыпину // ЛНС. Т. 5. С. 260.
- ¹⁴⁵ Вост. обозрение. Иркутск, 1894. 6 апр.
- ¹⁴⁶ Цит. по: Кошелев Я. Р. Из истории культуры Сибири... С. 83.

Глава 3

Областничество на рубеже веков
(середина 1890-х гг.—1904 г.)

§ 1. Областники и вопросы социально-экономического развития региона

С середины 1890-х гг. сибирское областничество постепенно выходит из кризиса, хотя в письме А. В. Адрианова к Г. Н. Потанину от 18 октября 1901 г. ситуация в движении характеризуется не самым лучшим образом: «Идея областничества у нас, можно сказать, растворилась, как растворилась интеллигентная группа сибиряков в нахлынувшей массе интеллигенции в Сибирь. Подчас я сам хорошенько не знаю, какому богу молиться, и не смею обмолвиться словом, не зная, найду ли поддержку, указание, разъяснение. Что же говорить о молодежи, попавшей в этот водоворот, что сказать о студентах-сибиряках, которые положительно растворились в тех 70-80% студентов, наехавших в наш университет с Кавказа, Малороссии, Волги?»¹. Единоличным лидером движения становится Г. Н. Потанин, который сам переживал депрессию. Внутренний дискомфорт и уныние, обусловленные смертью жены Александры Викторовны во время тибетской экспедиции, усилились после получения известия о самоубийстве Н. М. Ядринцева. «Завидую его смерти,— сообщал он постоянному корреспонденту В. Н. Семидалову 17 июня 1894 г.— Во-первых, она была внезапна, следовательно, без продолжительных страданий; в телеграмме сказано, что он умер скоропостижно. Во-вторых, положение уехавшего всегда завиднее, чем положение оставшегося в запустелой комнате. Мне бы надо было наперед убраться из реального мира, а судьба заставляет переживать утрату за утратой». Однако жизненный тонус постепенно улучшается, и в

январе 1895 г. Григорий Николаевич сообщает Д. А. Клеменцу: «Я, несомненно, изменился к лучшему, но все еще не пришел к прежнему ровному настроению. Телом я болен и не был, а дух только страдал. Теперь и в этом отношении как будто благополучно. Волнуюсь общественной и личной жизнью. Страсть как хочется опять в Иркутск»³.

Вокруг Потанина группировались единомышленники, среди которых прежде всего следует выделить А. В. Адрианова, В. И. Вагина, Д. М. и П. М. Головачевых, В. И. Анучина, В. А. Горохова, П. В. Вологодского, М. В. Загоскина, Вл. М. Крутовского, Н. Н. Козьмина. С ними активно сотрудничали ссыльные народники С. П. Швецов, Д. А. Клеменц, И. И. Попов, В. А. Караулов, М. Н. Загибалов, А. Н. Шипицын, а также близкие им по взглядам М. Н. Вознесенский, Н. Я. Новомбергский, Н. В. Соколов. У областников сложились прочные контакты с профессорами томских вузов и представителями местной интеллигенции, стоявшими на либеральных позициях,— М. И. Боголеповым, И. А. Малиновским, М. Н. Соболевым, В. А. Обручевым, А. В. Витте, А. Н. Гаттенбергером, Е. Г. Шольпом, П. И. Кусковым, П. К. Гудковым, Г. З. Андрониковым, М. П. Овчинниковым, В. К. Штильке. Из представителей других политических течений к сотрудничеству со сторонниками движения ко времени революции 1905-1907 гг. пришли активно работавшие в социал-демократических организациях Иркутска и Барнаула И. И. Серебренников и Л. И. Шумиловский.

Политические взгляды большей части областнического актива характеризовались расплывчатостью, неопределенностью, что было обусловлено, по мнению К. Ф. Шацилло, «существованием... полностью неразмежеванных зон»⁴. «У нас в России политическое воспитание народа и интеллигенции совсем ничтожно,— пояснял суть проблемы В. И. Ленин.— У нас явные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем почти не выработаны»⁵. Показательна в этом отношении судьба В. А. Караулова, этого, по словам В. И. Ленина, либерального ренегата, «эволюционировавшего от „Народной воли“ к правым кадетам»⁶. Такую же эволюцию проделал руководитель омской кадетской организации В. А. Жардецкий⁷. За внешним единством зачастую скрывались взаимные антипатии, предубеждения, а то и просто зависть. Так, В. И. Вагин в дневнике

следующим образом отзывался о И. И. Попове: «Он человек очень способный и умный, и все-таки я ему не доверяю. У меня какое-то органическое предубеждение против этих господ с революционной окраской, хотя я и сам, до известной степени, ношу ее, не потому ли это, что я радикал только по внешности, форме выражения и мелких поступков, а в глубине души — консерватор»⁸.

Парадоксального здесь ничего нет. Для Сибири того времени была характерна слабая политическая дифференциация интеллигенции — социальной базы областничества, как, впрочем, большинства политических объединений. Например, А. А. Корнилов следующим образом характеризует реакцию иркутского образованного общества конца XIX в. на попытку М. А. Натансона создать партию «Народное право»: «Целью данного общества являлось, главным образом, привлечение к политической борьбе широких кругов демократической интеллигенции без различия социалистических направлений. Считая в это время очередным вопросом дня борьбу с самодержавием, Марк Андреевич (Натансон.— *М. III.*) не прочь был в то время привлечь в кадры своего общества не только социалистов-революционеров и социал-демократов разных оттенков, но и демократически настроенную часть буржуазной интеллигенции. Так, по крайней мере, трактовалась его задача в тогдашних диспутах иркутских политических ссыльных, на которых мне случалось присутствовать. Крайне левые, с П. Г. Зайчневским во главе, относились тогда к затее с большим порицанием. Другие же, и их было огромное большинство, относились если не прямо с сочувствием, то, во всяком случае, занимали выжидательное положение»⁹. Примерно так же оценивают ситуацию и современные исследователи по результатам анализа общественно-политической жизни Томска конца XIX в.: «Первоначально политические воззрения участников тайных кружков и сходов не были определенными, будущие либералы, социалисты разных мастей учили одну и ту же азбуку политической борьбы, разделяя общие оппозиционные настроения»¹⁰.

Неразмежеванность политических сфер, слабая дифференциация общественных сил сохранились вплоть до 1917 г. Ко всей Сибири можно отнести вывод Д. И. Копылова, сделанный им на основе исследования событий осени 1905 г. в Тобольской губернии: «В Тобольске, Тюмени, Ялуторовске, Кургане и других городах выдвину-

Глава 3

лись на авансцену политической жизни деятели неопределенно-революционного типа, порожденного самой бурной эпохой.. »¹¹.

Первоначально Г. Н. Потанина больше всего волновали взаимосвязанные вопросы: увековечение памяти Н. М. Ядринцева и судьба оставшейся после него газеты «Восточное обозрение». Факт самоубийства лидера и тем более обстоятельства, которые к этому привели, должны были отрицательно отразиться на имидже движения. Это хорошо понимал Григорий Николаевич, и в письме к В. Н. Семидалову в августе 1894 г. он заметил: «Первое известие о смерти Ник. Мих. не было для меня таким огорчением, как известие, что он отравился»¹². Перед областниками встала очень трудная задача: с одной стороны, минимизировать резонанс от самоубийства, с другой — обзавестись собственным мучеником, вокруг имени которого можно было бы сплотить свои поредевшие ряды.

Данные обстоятельства сразу же учел Потанин. В том же письме он намечает программу деятельности по увековечиванию памяти покойного друга: «Как бы хотелось перед читающей сибирской публикой восстановить милый образ его, каким он был, когда ему было лет 20-25?»¹³. Уже к ноябрю 1894 г. им был написан объемный очерк о жизни и деятельности Николая Михайловича. Но публиковать его под своим именем Потанин не хотел, во-первых, из-за опасения быть обвиненным в пристрастности по отношению к Ядринцеву. Во-вторых, ему хотелось, чтобы авторство взял на себя кто-нибудь из русских общественных деятелей, а сама биография была издана в центре, что подчеркнуло бы всероссийское признание заслуг покойного лидера движения.

С этой целью в ноябре 1894 г. Потанин обращается к редактору «Исторического вестника» Б. Б. Глинскому с просьбой «переписать и переделать его записку о Н. М. Ядринцеве»¹⁴. Одновременно с аналогичной просьбой редакция «Восточного обозрения» обратилась к видному историку и журналисту М. К. Лемке. Оба заказа были выполнены, и книги вышли¹⁵.

Параллельно с этим перед областниками и их лидером Г. Н. Потаниным остро встал вопрос о судьбе «Восточного обозрения». Первоначально он склонялся к мысли самому возглавить газету¹⁶. Однако отсутствие навыков общественно-политической деятель-

ности, влечение к чисто научной работе вынудили его искать другой выход из положения. Взоры вновь сосредоточились на И. И. Попове. Г. Н. Потанин и Д. А. Клеменц обращаются к нему с просьбой взять издание в свои руки¹⁷. После недолгих колебаний он согласился, но разгорелись споры о программе издания. На совещании в Иркутске, по свидетельству В. И. Вагина, высказывались противоположные мнения: «Попов и все сотрудники доказывали, что газета должна иметь общий характер, только с преобладанием сибирского элемента, я и Демьяновский,— что она должна иметь сибирский характер»¹⁸. В конечном счете Попов приобретает газету у наследников. При этом в редакционном заявлении подчеркивалось, что, несмотря на смену руководства, «ничего не изменится впредь. „Восточное обозрение" по-прежнему будет идти тем же путем, держаться тех же начал, какие были приняты ее основателями. Она будет отзываться на все жизненные вопросы, но более всего будет посвящать себя Сибири»¹⁹.

Обладая организаторскими способностями и денежными средствами, И. И. Попов быстро поправил шаткое финансовое положение повременного издания. Его популярность стала расти, увеличиваться количество подписчиков — уже к 1905 г. оно достигло 20 тыс. человек. С конца XIX в. «Восточное обозрение» — преимущественно либерально-народническое издание. Публикации областников к началу XX в. уже трудно вычленишь из общей направленности газеты.

Попытки Потанина повлиять на редакцию успеха не имели. Попов строго придерживался мнения, что в печатном органе должны «работать люди всех возможных прогрессивных направлений, не делая компромиссов со своими убеждениями»²⁰. Первый конфликт произошел по поводу публикации в газете статей ссыльного народовольца П. Г. Зайчневского. По их поводу идеолог областничества в одном из писем к В. Н. Семидалову в самом конце 1894 г. с раздражением заметил: «Мы здесь совершенно тем же недовольны в последних номерах, что и Вы, и длинными столбцами русской хроники... а также бельгийскими рабочими, с детальными интересами которых считает нужным ознакомить сибирского читателя г. Зайчневский»²¹. Позднее он охарактеризовал значение деятельности

последнего следующим образом: «Зайчневский повел газету в узкопартийном отношении: он из органа областных сибирских интересов превратил ее в орган той партии, к которой принадлежал в России»²².

Второй конфликт с Поповым состоялся по поводу газеты «Байкал», разрешение на издание которой получил редактор «Восточного обозрения». Потанину была обещана должность редактора «Байкала», и он деятельно начал готовиться к новой работе. В письме к М. В. Загоскину (август 1901 г.) Григорий Николаевич следующим образом определил свою миссию: «Наши сибирские газеты все ежедневные; статьи их имеют летучее, мгновенное значение; после прочтения тотчас забываются. Потребность в журнале, в больших статьях; нужны исторические и экономические трактаты, длинные повести и романы. Я думаю по мере возможности ответить этой потребности своим „Байкалом“. Хотелось бы содействовать освещению сибирской истории, выяснению особенностей сибирского населения»²³.

Однако газета принадлежала редакции «Восточного обозрения», а ее члены во главе с Поповым высказались против замыслов Потанина²⁴. К тому же местная администрация направила формальный запрос в Особый отдел Департамента полиции МВД о политической благонадежности предполагаемого редактора, на который был дан следующий ответ: «Особый отдел имеет честь уведомить Ваше превосходительство с возвращением приложения, что отставной сотник Сибирского казачьего войска Григорий Николаев[ич] Потанин известен за личность весьма сомнительной благонадежности, вращается среди деятелей радикальной оппозиционной группы, ведет знакомство с лицами, привлекавшимися по обвинению в принадлежности к революционным группам „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, социал-демократической партии и другие. За последнее время Потанин обратил на себя внимание участием в подписании протеста Союза писателей в редакции газет по поводу демонстрации 4 марта сего года у Казанского собора. Ввиду сего, а также крайней его революционной деятельности, за которую он был по приговору Особого присутствия Правительствующего Сената подвергнут 5-летней ссылке в каторжные работы, утверждение его в звании редактора газеты представляется крайне неудобным»²⁵.

Тем не менее Попов или не сказал о жесткой рекомендации администрации, или нашел какие-то другие аргументы, но Потанину было отказано. Последовала молниеносная реакция. Встретив новый 1902 г. в Иркутске, Григорий Николаевич уже 30 января из Красноярска информировал редактора «Восточного обозрения», что больше не вернется в Иркутск. Его сотрудничество в газете прекратилось, а в 1905 г. разразилась острая полемика между Г. Н. Потаниным и И. И. Поповым по поводу перспектив областничества. Вместе с тем разногласия не носили принципиального характера, а представляли конфликт двух авторитетов, не желавших идти на компромисс.

Другим печатным органом, поддержавшим областническую проблематику, стала газета «Томский справочный листок», к изданию которой П. И. Макушин приступил в 1894 г. В следующем году газета была переименована в «Томский листок», а с 1897 г., со значительно расширенной программой, она начала выходить под названием «Сибирская жизнь». Ко времени первой русской революции это повременное издание становится одним из популярнейших в регионе. Постепенно руководящие позиции в нем занимают либералы. Активно сотрудничали областники и в томской эсеровской газете «Сибирский вестник». Ее фактическим редактором был эсер М. Н. Вознесенский²⁶. Публикации областнического характера помещались в издаваемом в Тобольске ссыльными народниками М. Н. и В. Ф. Костюриными «Сибирском листке».

На рубеже веков сторонники движения неоднократно пытались организовать собственный периодический орган. В конце 1898 г. С. П. Швецов договорился с К. Н. Михайловским о переносе издания газеты «Сибирь» из Петербурга в Омск. По условиям соглашения повременное издание должно было стать «сибирским областным органом» в рамках «прогрессивного течения общественной мысли»²⁷. В состав наблюдательного совета предполагалось ввести Н. П. Михайловского, С. П. Швецова, М. В. Загоскина, В. И. Семевского, П. М. и Д. М. Головачевых, А. А. Кауфмана, В. Г. Короленко, Вл. М. Крутовского, Д. А. Клеменца. Раскрывая главную задачу издания, С. П. Швецов подчеркивал: «Я буду тогда чувствовать, что „Сибирь“ является действительно органом сибирских литературных работников, ор-

ганом сибирской интеллигенции... Мне кажется, что Сибирь переживает теперь такой момент, когда необходимо должен возникнуть крупный литературный орган, который столько бы служил Сибири, сколько и России, знакомя ее с Сибирью»²⁸. Однако перенести газету в Омск не разрешили, и она «зачахла» в Петербурге, а сторонникам движения так и не удалось наладить выпуск собственного периодического издания в течение всего рассматриваемого периода.

На рубеже веков перед областниками встала ответственная задача коренного обновления программных положений движения, приспособления их к происходящим в стране и регионе переменам. Г. Н. Потанин и его сподвижники начинают активно контактировать с представителями различных направлений общественной мысли. Пересмотр собственных представлений начался с вопросов экономических — по ответам на них сторонников движения можно условно разделить на либералов и неонародников.

Неонародническое крыло, подобно эсерам, народным социалистам, отчасти трудовикам, было тесно связано с народничеством. Концепцию общинного социализма последнего областники пытались перенести на Сибирь, не знавшую, по их мнению, до 1890-х гг. проявлений капитализма. Неонародническая доктрина сочетала в себе традиционные народнические взгляды, элементы буржуазного либерализма и отдельные положения марксистской социологии в меньшевистской интерпретации.

Для областников, придерживавшихся данного направления, характерна идеализация старожильского крестьянства, убеждение, что «Сибирь — это рай мужиков»²⁹. Признавая имущественную дифференциацию деревни, они, тем не менее, утверждали устами И. И. Попова: «Но мы не верим ни в миссию кулака, ни в миссию капитализма произвести обобществление труда в земледельческой промышленности. В настоящее время на всем пространстве Сибири... совершается грандиозная работа создания общин. В Сибири мы видим, как крупные волостные общины распадаются на более мелкие общины, но они никогда не переходят в чисто подворное владение, и в этом отношении капитализм является бессильным изменить эволюцию народного хозяйства в желательном для него на-

правлении. Существование сибирской общины — есть результат бытовых, экономических и физических причин, но главная основа ее лежит в глубоко вкоренившемся в душе каждого русского крестьянина воззрении на землю, это сознание никогда не исчезнет, несмотря на все перепетии, пережитые и переживаемые общинами»³⁰.

Развивая это положение, сторонники неонародничества продолжали смотреть на капитализм, подобно эсерам, как на явление, искусственно насаждаемое правительством. Предпочтение отдавалось кустарному производству и кооперации. Однако, понимая, что Сибирь уже идет по пути рыночных отношений, эта часть областников выступала с набором требований, направленных на сохранение патриархальных традиций. Главным звеном их считалось введение земства.

Либеральное направление в областничестве стояло на позициях стимулирования капиталистических отношений, так как признавало, что «пробуждаемая от сна свистком паровоза Сибирь начинает быстро оправляться от спячки и при содействии услужливых „культуртрегеров" из внутренних промышленных центров России, по-видимому, твердыми шагами вступает на стезю капиталистического фабрично-заводского производства и в кругооборот мировой торгово-промышленной жизни»³¹. Выражая интересы части местной буржуазии, его представители выступили за развитие капиталистических отношений при помощи тех же средств, за которые ратовали и неонародники, — плюс отмена Челябинского тарифного перелома, введение порто-франко в устьях Оби и Енисея, привлечение более «культурного» иностранного капитала и введения земства³².

В конце XIX — начале XX в. у областников окончательно складывается представление о Сибири как колонии в экономическом и политическом отношениях. Продолжается разработка вопроса о специфических условиях развития региона. Если Н. М. Ядринцев отмечал определенные различия между Сибирью и Европейской Россией в географическом плане, то П. М. Головачев, А. В. Адрианов и Г. Н. Потанин обосновали вывод о существовании здесь особого этнографического типа русских, сформировавшегося под воздействием природно-климатических условий³³. На основании этого регион выделялся в отдельную область России, автономия которой «есть

необходимое, логическое следствие конституционного строя»³⁴. И эту автономию сторонники движения понимали как право местных выборных органов издавать местные законы, т. е. осуществлять не только административные функции, но и законодательные³⁵. Впоследствии географическая и этнографическая мотивации были отброшены, а на первый план выдвинут экономический фактор. «Обширная империя не может не расчленяться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала оставаться,— отмечал Г. Н. Потанин,— это расчленение должно устанавливаться не на этнографических, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в различных областях империи различны... Сибирская мысль должна сосредоточиться на разработке вопроса о местных финансах... Для контроля расходования местных финансов должен быть создан местный законодательный корпус, областная дума. Тогда предприниматели не будут уезжать за тысячи верст от своих областей и жить вдали от них для проведения в центральных канцеляриях своих хозяйственных проектов, держатели денежных фондов будут оставаться в области, вблизи от учреждений, заведующих областным хозяйством»³⁶.

По отношению к автономии существовали различные мнения. Однако кадеты, активно защищавшие интересы местной буржуазии, отвергали идею автономии³⁷, которая усиленно пропагандировалась в начале XX в. неонародническими партиями, в том числе и их региональными организациями³⁸. По мере отступления Первой русской революции отношение областников к автономии изменяется. Убирается требование создания областной думы, все сводится к пожеланиям распространить на Сибирь земское положение 1890 г.

Наличие двух направлений отчетливо проявилось в дискуссии о перспективах экономического развития региона. В конце XIX в., констатируя наличие капиталистических отношений, областники явно недооценивали уровень их развития и апеллировали к традиционным формам хозяйственной жизни. Отчетливо это проявилось в 1896 г. в полемике И. И. Попова и ссыльного марксиста и сибиряка Л. Б. Красина, который достаточно убедительно доказывал, «что товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей

линии и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество»³⁹.

В ответ на это И. И. Попов заявлял, «что перед Сибирью два пути: один блестящий путь западноевропейского капитализма, другой — тернистая дорога существующих народных форм жизни в более высокие». Предпочтение отдается второму варианту, который «при дружной работе правительства и общества будет направлять эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потока развития капиталистических форм»⁴⁰.

В последующем он конкретизировал свое видение ситуации. Заявляя о неперспективности развития капиталистических отношений в регионе, редактор «Восточного обозрения» считал необходимым распространение здесь «существующих народных форм жизни» — кустарных промыслов и общины⁴¹. Его поддержала определенная часть сторонников движения. Другие выражали сомнение. «Может быть, и нужно, как утверждают социал-демократы, чтобы наш мужик переварился в фабричном котле, может, и без этой приятной операции обойдется. Возможно, что „община“ народников — путь к спасению,— все это рецепты еще не испытанные»,— писал в 1898 г. В. И. Анучин⁴². Но жизнь показала, что патриархальной Сибири приходит конец.

Хотя инерция либеральной народнической традиции еще сказывалась, в начале XX в. областники постепенно начинают осознавать, что основной силой современной Сибири «является купец и промышленник, этот настоящий сибирский янки со своею самостоятельностью, самодеятельностью, энергией и умением понимать и создавать прогресс и улучшения в родном краю»⁴³. Обоснование капиталистического пути они связывали с такими актуальными вопросами местной жизни, как отношение к иностранному капиталу и развитию путей сообщения.

«Для пробуждения нашего капиталиста-промышленника нужно не только не закрывать тех путей, по которым идут иностранные капиталы, а наоборот, открыть доступ для произведений иностранной мануфактуры»,— заявляло «Восточное обозрение» в 1897 г.⁴⁴ Объяснения для столь парадоксального, на первый взгляд, вывода,

идущего вразрез с принципом самобытности Сибири, областники находили самые разнообразные. И понимание невозможности развития промышленности собственными силами, и осознание недостатка капиталов в Европейской России, и согласие с мыслью М. Н. Соболева о том, что «строй иностранных предприятий с их более культурными приемами постановки производства и извлечением прибыли представляют с точки зрения экономических форм шаг вперед по сравнению с обычными типами туземной предприимчивости»⁴⁵.

Одновременно сторонники движения выступали за привлечение иностранных капиталов, видя в нем один из способов борьбы против колониальной зависимости региона. Они стремились обратить внимание иностранной буржуазии, как более цивилизованной, предприимчивой, на Сибирь и с ее помощью ускорить развитие производительных сил региона. По этому поводу в редакционной статье «Восточного обозрения» заявлялось: «Мы даже английскую деликатность предпочитаем сдиранию шкуры русскими купцами»⁴⁶. В конкурентной борьбе с предпринимателями Европейской России нарождавшаяся крупная буржуазия Сибири хотела иметь союзника в лице иностранных капиталистов.

Ратуя за привлечение иностранных капиталов, областники серьезное внимание уделяли введению порто-франко в устьях Оби и Енисея и организации торгового судоходства по Северному морскому пути. Дискуссия по этим вопросам началась после ликвидации правительством 3 июля 1898 г. беспошлинной торговли в устьях названных рек. «Таким образом, огромнейшие и богатейшие области были принесены в жертву небольшой кучке русских фабрикантов»,— восклицал по этому поводу С. В. Востротин⁴⁷. Поэтому сторонники движения отмечали направленность проектов Северного морского пути и введения порто-франко против буржуазии Европейской России⁴⁸. Обобщением всех требований явились публикации С. В. Востротина и Вл. М. Крутовского⁴⁹. Но их предложения не встретили поддержки в правительстве.

Существенные разногласия среди областников возникли по поводу железнодорожного строительства в Сибири. По этому вопросу у них так и не сложилось единой позиции. Но на всем протяжении первого десятилетия XX в. областники смотрели на железную дорогу только как на

отрицательное явление для местной жизни, поскольку она способствовала дальнейшему колониальному закреплению региона.

Сибирские областники в начале XX в. признавали интенсивное развитие капиталистических отношений в России, их перерастание в монополистическую стадию. «Тресты и синдикаты, эти ядовитые заатлантические грибы, возникшие с целью якобы противодействия учащающимся промышленным кризисам, но в действительности же превратившиеся в могущественные организации для самого интенсивного обложения потребителей, нашли у нас самую благодатную для себя почву»,— констатировало «Восточное обозрение» в 1902 г.⁵⁰ Но вплоть до 1917 г. они придерживались мысли о зачаточном состоянии сибирской промышленности. В обобщенном виде ее сформулировал П. М. Головачев: «Никаким капитализмом, сколь-нибудь заслуживающим этого имени, здесь (в Сибири.— *М. III.*) и не пахнет»⁵¹.

Но главная причина отрицания будущности капиталистического развития Сибири лежала в сфере классовых отношений. Отвергая общность экономического развития России и Сибири, областники заявляли о специфическом положении рабочего класса в регионе. По их мнению, пролетарии появились здесь вместе с железной дорогой и массовыми переселениями, поэтому здесь нет социальных конфликтов, порождаемых капитализмом, а рабочий вопрос обусловлен лишь недостатком квалифицированных кадров для местной промышленности.

Большой интерес идеологи и сторонники областнического движения проявили к сельскому хозяйству и сибирскому крестьянству, поскольку с ним связывали будущее региона. По этому поводу И. И. Попов писал в 1896 г.: «И если в течение 300 лет Сибирь прогрессировала, если в ней развивалась гражданственность и культура, то эта эволюция совершалась не благодаря золотопромышленности, чайной торговле, рыбным предпринимателям и скупщикам пушнины, создавшим такие условия жизни, что началось вымирание инородцев и разорение русского населения, не благодаря крупной промышленности прогрессировала жизнь на окраине, а благодаря тому неизвестному пахарю-крестьянину, который делал великое дело, культивировал девственную почву, строил деревни, возводил города и проводил дороги. Он — тот центр, около которого сосредотачивается вся жизнь, значит, и его интересы,

наравне с интересами инородцев, должны быть поставлены в красный угол всех мероприятий и реформ по отношению к отдаленному краю»⁵². Здесь их позиции совпадали с точкой зрения либералов, утверждавших устами М. И. Боголепова, что «в Сибири на первом месте должны стоять интересы крестьянских масс»⁵³. Но реализацию этого лозунга областники связывали с укреплением общины.

Ее существование связывалось с историей освоения региона. «Древняя русская жизнь на окраинах государства,— пояснял Г. Н. Потанин,— организовывалась в народоправстве: на Севере она организовала Новгород, Псков, Вятку; на юге —Донской и Уральский казачьи круги. Ермак проложил путь в Сибирь для массы из казачьего юга и новгородского севера»⁵⁴. Наиболее последовательно концепцию изначального существования сибирской поземельной общины проводил С. П. Швецов.

Община как форма земледельческой организации крестьянства сохранялась без изменений до последней четверти XIX в., когда началось дробление сложной волостной общины в общины однодворцев, отводилось землеустройству, организации кредита, а в конце ревенские. На Алтае этот процесс завершился к концу 1890-х гг.⁵⁵, в других земледельческих районах несколько позднее⁵⁶ в целом же к концу XIX в. поземельная община господствовала в сибирской деревне. «Сибирь — страна общинного землевладения. Напряжение общинного начала в земельных отношениях различно по территории, но наличие земельной общины на всем протяжении Сибири не подлежит сомнению»,— констатировало «Восточное обозрение» в 1894 г.⁵⁷ По убеждению сторонников движения, именно община являлась гарантом социального расслоения крестьянства. В данном вопросе с ними консолидировались и либералы⁵⁸.

Отличие рассматриваемого периода от предшествующего заключалось в том, что если раньше сторонники движения вообще отрицали развитие деревни по капиталистическому пути, то к началу XX в. вынужденно признали данное обстоятельство, хотя и давали ему негативную оценку⁵⁹. Поэтому они выступали с комплексом предложений, направленных на сохранение общины и других «истинно народных форм жизни», среди которых видное

периода — созданию артельных объединений. Ориентация на артель обуславливалась представлениями неонародников об идентичности общины и артели, возможности существования социально-юридических (община) и экономических (артель) явлений интегрированно⁶⁰, представлении о кооперации как некапиталистической форме развития сельского хозяйства. Артель-община провозглашалась универсальным средством спасения крестьян от ярма капитализма⁶¹.

Областники не уловили изменения в переселенческой политике самодержавия от запретительной к разрешительной, хотя их беспокоило прежде всего влияние массовых переселений на хозяйственную деятельность старожильческого населения. «Меня интересовало посмотреть,— писал Н. И. Наумов незадолго до смерти,— как устраиваются в Сибири переселенцы, хлынувшие в последние годы широкой волной из России, тем более что мне много доводилось слышать жалоб как от переселенцев, так и от сибирских крестьян-старожилов на возникновение между ними ситуации с землепользованием».

Таким образом, можно констатировать, что все предложения представителей областнического движения на рубеже веков по поводу экономики Сибири носили эклектический характер. Если по вопросам промышленного развития региона они в основном встали на буржуазно-либеральные позиции, то в отношении к сельскому хозяйству сохраняли либерально-народнические воззрения.

§ 2. Попытки приспособления программных положений движения к условиям интенсивного развития рыночных отношений в Сибири

Как известно, земская реформа обошла Сибирь. Поэтому борьбу за земское самоуправление областники начали сразу же после опубликования закона от 1 января 1864 г. По их мнению, проведение этой реформы остановило бы расслоение крестьянства. «Только они, земские учреждения,— писал И. И. Суханов,— могут предотвра-

тить неизбежный кризис в экономической жизни народа, кризис, который неминуемо последует за окончательной постройкой Сибирской железной дороги и параллельно с ростом фабрично-заводской промышленности в крае»⁶³.

Одновременно с обоснованием необходимости земского самоуправления областники пытаются разработать первые, пока еще умозрительные проекты применения земского законодательства для Сибири. Так, в одном из номеров «Восточного обозрения» за 1900 год появилась первая схематичная наброска в этом направлении. Признавая двухступенчатую структуру самоуправления (уезд, губерния), авторы проекта подробно остановились на формировании куриальной системы в регионе. Вместо трех курий по закону, проект предусматривал создание четырех. «Первое будет состоять из выборных на сходах представителей крестьянских, казачьих и инородческих обществ, второе — из владельцев городского имущества, третье — из владельцев торгово-промышленных предприятий и четвертое — из частных землевладельцев»⁶⁴. Предлагалось, таким образом, учредить для Сибири еще одну курию, а именно владельцев торгово-промышленных предприятий.

Вместе с тем представляет интерес последняя курия. В Сибири частное землевладение было незначительным. Но нужно вспомнить, что в это время разрабатывался закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири в частную собственность. В этих условиях сторонники движения идут на компромисс: если царское правительство не соглашается ввести земство в регионе из-за отсутствия помещичьего землевладения, то, предвосхищая закон, они создают для еще не существующей группы частных землевладельцев курию в планируемом земстве. По их мнению, данное обстоятельство явится верным гарантом для введения земских учреждений. На самом деле принятый 8 июня 1901 г. закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири успеха не имел, и проект «Восточного обозрения» остался без последствий.

Еще одна черта привлекает внимание в проекте. Отмечая низкую грамотность населения, авторы предлагали «дать населению право избирать своими представителями не принадлежащих данной избирательной группе лиц, так, например: крестьяне могли бы выби-

рать гласными священников, учителей, врачей и так далее»⁶⁵. Фактически сторонники движения планировали поставить под свой контроль сельское самоуправление.

В 1902 г. в общественно-политической жизни России произошли два события, в значительной степени активизировавшие земскую кампанию. Во-первых, учреждаются губернские и уездные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Во-вторых, по инициативе либерального кружка «Беседа» 23-26 мая в Москве проходит съезд земских деятелей, на котором среди прочих требований к правительству формулируется пункт о приближении земских учреждений к крестьянству посредством создания мелкой земской единицы.

Первое событие способствовало началу работы в Сибири комитетов Особого совещания, что дало возможность еще раз открыто заявить о необходимости введения последнего в регионе и о зрелости местного крестьянства для его восприятия⁶⁶. Только два комитета — Канский и Красноярский — сочли земство для Сибири преждевременным, поскольку считали, что не найдется нужного числа образованных людей для работы в земских учреждениях⁶⁷. Резолюция московского съезда подтолкнула местные комитеты к выдвижению требования о создании мелкой (волостной) земской единицы⁶⁸.

В деятельности сибирских комитетов Особого совещания активное участие приняли представители различных общественно-политических течений — областники: Д. М. Головачев, В. Ю. Григорьев, В. И. Анучин, Вл. М. Крутовский, П. В. Вологодский; неонародники: С. П. Швецов, И. В. Овсянкин, В. В. Колокольников, Н. Л. Скалозубов; либералы: В. А. Горохов, М. Н. Соболев, П. И. Кусков, Т. И. Тихонов, И. Г. Муромцев, П. Д. Подшивалов, С. В. Востротин и др. Они единым фронтом заявляли, что успешное развитие сельского хозяйства, организация кооперативных объединений, создание кредитной системы тормозятся «военно-полицейским бюрократическим режимом». Единственный выход из создавшегося положения — земство.

Эти требования были обобщены в проекте введения земства в Сибири, разработанном гласным Красноярской городской думы Е. Г. Шольпом. Высказываясь за трехкуриальное земство, он предлагал учредить волостную земскую единицу взамен суще-

ствующего волостного правления⁶⁹, что означало упразднение низшей административной единицы управления — волости, замену ее земским самоуправлением и передачу всех административных функций в уезд.

В дальнейшем работа над проектами будущего сибирского земства продолжилась. В 1903 г. стала ясна бесперспективность закона от 8 июня 1901 г. Надежды получить земские органы в ходе его реализации не оправдались. Выступления за введение самоуправления осуществлялись с позиций защиты интересов крестьянства и правового регулирования его положения⁷⁰. Дальнейшая борьба за земство в Сибири возобновилась в годы Первой русской революции.

Уже традиционно областники продолжили разработку «инородческого вопроса», но в отношении вымирания коренных народов Сибири к началу XX в. среди них не было единства. Н. Я. Новомбергский, Вл. М. Крутовский, И. И. Серебренников указывали на сокращение численности аборигенных этносов севера, северо-востока Сибири и Дальнего Востока⁷¹. П. М. Головачев утверждал, что вымирают в целом все коренные жители региона⁷². Однако статистические данные показывают, что численность аборигенов в Сибири во второй половине XIX в. возрастала⁷³. Но Новомбергский, Крутовский и Серебренников были правы в отношении коренного населения севера и северо-востока⁷⁴.

Основной причиной сокращения численности аборигенов региона П. М. Головачев считал негативное воздействие русского населения на экономику и быт «инородцев»⁷⁵. Характерно, что и С. К. Патканов, объяснивший вымирание отдельных народов севера Сибири эпидемическими заболеваниями, варварским уничтожением природных богатств, возложил ответственность за эти явления на все русское население региона.

В действительности сокращалась, и то эпизодически, численность коренных жителей там, где процент постоянного русского населения был ничтожен и аборигены соприкасались только с торговцами, промышленниками, чиновниками. В районах совместного проживания происходил процесс взаимовлияния, в результате чего казахи, буряты, алтайцы, хакасы, якуты и т. д. переходили к более прогрессивным методам ведения хозяйства.

На рубеже веков, развивая «инородческий вопрос», сторонники движения выступали по трем направлениям. Первое, традиционное, ограничивалось критикой сложившейся системы управления коренными народами, публикацией статей, раскрывающих бедственное положение «меньших братьев». Второе направление продолжало наработку программы, направленной на улучшение условий существования нерусского населения Сибири. В частности, за некоторыми из них (казахи, буряты, якуты) признавалось право на местное самоуправление. Наряду с этим сторонники движения выступали за развитие культуры и образования аборигенов, против их русификации. Как и прежде, они с тревогой отмечали усиление воздействия мировых религий (христианство, ислам, буддизм) на ряд народов. «Неужели этот народ,— задавал вопрос Г. Н. Потанин в отношении казахов,— который так любит жизнь и который умеет украшать ее искусством при своих варварски бедных средствах, не найдет в себе достаточно сил, чтобы не дать себя опутать той сетью, которую набрасывает на него мулла?»⁷⁶.

Анализируя отношение областников к проблемам коренных жителей Сибири, следует отметить определенный пересмотр ими своих взглядов в начале XX в. Если раньше они выступали в защиту «инородцев» прежде всего с гуманистических позиций, как защитники интересов угнетенных, то теперь при решении этого вопроса начинают проскальзывать элементы меркантильного подхода, поскольку эксплуатация природных ресурсов Сибири, особенно ее труднодоступных районов, не могла эффективно осуществляться без привлечения коренных жителей, ибо «пустынные окраины не привлекут переселенцев из оскудевшего российского центра, тамбовский или курский крестьянин и через сто лет не превратится на далеком Севере в оленевода, зверопромышленника,— замечал Н. Я. Новомбергский.— Знаем мы это и не боимся потерять окраины. Нас не останавливает перспектива безлюдия и дикости на огромных пространствах, охватывающих центр нашей языческой цивилизации»⁷⁷.

Практическая деятельность сибирских областников на рубеже веков велась прежде всего в сфере культуры и образования. В 1895 г. «Восточное обозрение» сформулировало главные задачи следующим

образом: «Жизнь выработала новые формы и выдвинула новые задачи, задачи воспитания массы: школа и книга — вот наше оружие в этом деле. Грамотность, самая широкая грамотность, охватывающая все наши утолки, вот наша программа. Наше время — это время скромной, незаметной работы, самого смиренного и подвижнического труда для борьбы с вековым злом — невежеством, суеверием, грубостью»⁷⁸.

Как отмечал И. И. Попов, с 1890-х гг. в Сибири широкое распространение получает культурническое движение, причем началось оно здесь раньше, чем в Европейской России, и преследовало задачу — «поднять культурный уровень народа, а тогда все само собой придет»⁷⁹. И надо отдать должное, в этом направлении областники, как лучшая часть местной интеллигенции, сделали очень много. К ним полностью можно отнести вывод Н. В. Турчанинова о том, что деятельность местных культурных сил выражалась в «организации просветительских обществ, в устройстве публичных чтений и выставок, снаряжении экскурсий и экспедиций, создании музеев, приобретающих мало-помалу известность не только в России, но и за границей, в расширении сети низших и средних учебных заведений»⁸⁰.

Сторонники движения во главе с Г. Н. Потаниным пытались активно влиять на литературный процесс, стремясь доказать особенность и «независимость» сибирской литературы. «Однако следует отметить, что сами областники не были последовательными в своих сепаратистских взглядах,— отмечается в „Очерках русской литературы в Сибири“,— представители областничества не могли не понимать, что местную литературную жизнь невозможно отделить от общерусского литературного процесса»⁸¹.

Это течение, направленное на формирование собственной интеллигенции, театра, литературы, музыки (предпринималась попытка создания собственного сибирского марша (гимна))⁸², получило у областников, а затем в обиходной практике наименование «сибирского культурного сепаратизма». Его концепция исходила из представлений о специфических природно-климатических, этнографических и социально-экономических особенностях Сибири, что обуславливало и культурную автономию. Добиваться ее должна была местная интеллигенция, «выходящая из сибирского народа»

Областничество на рубеже веков (середина 1890-х гг.-1904 г.)

и являющаяся носителем «областного начала»⁸³. Однако события 1905-1907 гг. показали, «как велика пропасть между сибирской массой и сибирской интеллигенцией», особенно в деревне. Поэтому «обезглавленное местное общество (лишенное собственной интеллигенции.— М. Ш.) не в состоянии доводить свои местные нужды до... сознания русского общества»,— констатировал Г. Н. Потанин⁸⁴.

Для преодоления сложившегося положения он предлагал добиваться преобладания местной молодежи в студенческой среде Томска. Проблема формирования кадров местной интеллигенции как носителя областнических идеалов ставилась им на один уровень с идеей автономии региона⁸⁵.

Традиционно отрицательно относились сторонники рассматриваемого движения к ссылке в Сибирь, рассматривая ее как проявление колониальной политики самодержавия. С прекращением уголовной ссылки в 1900 г. областники считали вопрос о ней исчерпанным. Иное отношение сложилось у них по отношению к политической ссылке, ибо политссылные в определенной степени компенсировали недостаток интеллигенции в регионе. Народник был основной фигурой ссылки 1870—1880-х гг. Для него было характерно, как верно подметил Н. Н. Баранский, стремление отойти от политической деятельности на поселении⁸⁶. Приемлемой для себя ссылные считали только культурническую работу. Естественно, это импонировало, а главное, совпадало с планами областников.

Расхождения начались с середины 1890-х гг., и первой ласточкой стала упомянутая выше деятельность П. Г. Зайчневского в «Восточном обозрении». В дальнейшем пропасть между политической ссылкой и областничеством усиливается в связи со сменой состава ссылных — увеличением среди них числа социал-демократов. Последние уже не ограничивались чисто культурнической работой. Для них Сибирь являлась частью России. Новая ссылка в массе своей выступала противником областнического движения. Социал-демократы подвергали критике народнические постулаты областников о возможности некапиталистического развития региона. Именно областники начинают говорить о полном упразднении ссылки — как уголовной, так и политической.

Глава 3

Во многом данное обстоятельство определило отношение сторонников областничества в целом к общественно-политическому движению в России. Они сворачивают свое участие в ряде центральных повременных изданий, но продолжают быть в курсе общественной жизни государства. Связи областников с российским общественно-политическим движением осуществлялись по трем каналам: через личные знакомства, в рамках «Союза сибирских землячеств» в Петербурге и через политических ссыльных, возвратившихся в Европейскую Россию.

Таким образом, в конце XIX — в самом начале XX в. областничество представляло сложное общественно-политическое и культурное движение сибирской интеллигенции, которое сочетало в себе черты либерального народничества и буржуазного либерализма. Переплетение указанных направлений в рамках движения определяло эклектизм взглядов его представителей на различные аспекты общественной жизни. При параллельном сосуществовании этих направлений в течение всего этого периода наблюдалось преобладание либерально-народнического в конце XIX в. и усиление буржуазно-либеральных тенденций ко времени революции 1905-1907 гг.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. М., 1996. С. 175.
² *Письма Г. Н. Потанина.* Иркутск, 1990. Т. 4. С. 253, 254.
³ Там же. С. 282.
⁴ *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 22.
⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 225.
⁶ Там же. Т. 17. С. 435.
⁷ *Безродный К. Э.* Судьбы русской интеллигенции: В. А. Жардецкий и Е. П. Березовский // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. науч. межвуз. конф. Омск, 1993. С. III.
⁸ ГАИО. Ф. 162, оп. 1, д. 117, л. 1003.

- ⁹ *Корнилов А. А.* Воспоминания // Вопр. истории. 1994. № 3. С. 130.
¹⁰ *Томск.* История города от основания до наших дней / Под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 1999. С. 166.
¹¹ *Копылов Д. И.* Тобольские крестьяне и Государственная дума в 1905— 1907 гг. // Революция 1905-1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 75.
¹² *Письма Г. Н. Потанина.* Т. 4. С. 262.
¹³ Там же.
¹⁴ РГАЛИ. Ф. 163, оп. 1, д. 215, л. 1.
¹⁵ *Глинский Б.* Николай Михайлович Ядринцев. М., 1895; *Лемке М.* Николай Михайлович Ядринцев. СПб., 1904.
¹⁶ ТГИАОМ. Науч. архив, оп. 14, д. 11, л. 5.
¹⁷ РГАЛИ. Ф. 408, оп. 1, д. 50, л. 104.
¹⁸ ГАИО. Ф. 162, оп. 1, д. 117, л. 991.
¹⁹ *Вост. обозрение.* Иркутск, 1894. 30 окт.
²⁰ РГАЛИ. Ф. 408, оп. 1, д. 52, л. 79.
²¹ *Письма Г. Н. Потанина.* Т. 4. С. 279.
²² *Потанин Г. Н.* Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907. С. 35.
²³ *Письма Г. Н. Потанина.* Иркутск, 1991. Т. 5. С. 39.
²⁴ Там же. С. 42.
²⁵ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1901, д. 199, л. 2.
²⁶ ГАТО. Ф. 3, оп. 12, д. 3305, л. 3.
²⁷ ГАРФ. Ф. 5101, оп. 1, д. 7, л. 1.
²⁸ Там же. Д. 213, л. 20, 21.
²⁹ *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 289.
³⁰ *Вост. обозрение.* 1896. 10 нояб.
³¹ Там же. 1900. 22 марта.
³² *Сиб. известия.* Томск, 1905. 1 сент.
³³ *Головачев П.* Сибирь: (Природа, люди, жизнь). М., 1902. С. 144; *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 30; *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири. С. 268.
³⁴ *Сиб. жизнь.* Томск, 1906. 16 февр.
³⁵ Там же.
³⁶ *Потанин Г. Н.* Будущее сибирской областной тенденции // Там же. 1907. 6 июля.
³⁷ *Нар. нужды.* Томск, 1906, 9 марта.
³⁸ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 79, 140; *Спирина М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 14; ГАТО. Ф. 3, оп. 12, д. 3585, л. 46.

- ³⁹ *Красин Л. Б.* Судьбы капитализма в Сибири // Вост. обозрение. 1896. 18 окт.
- ⁴⁰ *Вост. обозрение.* 1896. 6 сент.
- ⁴¹ Там же. 8 нояб.
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 2а, л. 14.
- ⁴³ *Тихонов Т. И.* Земская реформа и земское хозяйство Сибири и в Туркестане // Нар. хоз. 1905. № 3. С. 173.
- ⁴⁴ *Вост. обозрение.* 1897. 26 июня.
- ⁴⁵ *Сиб. жизнь.* 1899. 29 окт.
- ⁴⁶ *Вост. обозрение.* 1897. 2 нояб.
- ⁴⁷ *Востротин С. В.* Наши водные пути в Сибири. СПб., 1906. С. 21.
- ⁴⁸ *Вост. обозрение.* 1898. 26 июня.
- ⁴⁹ *Востротин С. В.* Северный морской путь // Сиб. вопр. 1908. № 1; Он же. Северный морской путь и Челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб., 1908; *Крутовский В.* Необходимость открытия порто-франко в устьях Оби и Енисея // Сиб. жизнь. 1907. 3 июня.
- ⁵⁰ *Вост. обозрение.* 1902. 25 авг.
- ⁵¹ *Головачев П.* Реальные интересы Сибири и крайне левые партии // Сиб. вопр. 1907. № 15. С. 5.
- ⁵² *Попов И. И.* Восточная Сибирь на Всероссийской выставке 1896 года // Вост. обозрение. 1896. 6 сент.
- ⁵³ *Боголепов М.* Сибирские нужды и печали // Сиб. вестн. Томск, 1903. 2 февр.
- ⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 235а, л. 4.
- ⁵⁵ *Швецов С. П.* Формы общинного владения на Алтае // Тр. юрид. об-ва. СПб., 1893. Т. 2. С. 188-191.
- ⁵⁶ *Кауфман А. А.* Земельная община Курганского округа Тобольской губернии // Сиб. сб. Иркутск, 1895. Вып. 1. С. 40.
- ⁵⁷ *Вост. обозрение.* 1894. 5 окт.
- ⁵⁸ *Корнеева Г. А.* Социально-политическое направление газеты «Восточное обозрение» в 1894-1904 гг. // Освещение социально-политического развития Сибири XIX-XX вв. в трудах историков. Красноярск, 1980. С. 22, 25, 31; *Мосина И. Г.* Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1985. Вып. 9. С. 118.
- ⁵⁹ *Новомбергский Н.* Сельский сход перед судом друзей народа // Вост. обозрение. 1901. 19 мая; *Головачев Д.* Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития. Красноярск, 1903. С. 7, 8.
- ⁶⁰ *Кривенко С.* Артель-община у переселенцев // Новое слово. 1896. № 6.
- ⁶¹ *Сиб. вестн.* 1903. 25 янв.; *Туманов М.* Маслоделие и его желательное будущее // Там же. 18 сент.
- ⁶² *Наумов Н. И.* Собр. соч. Новосибирск, 1939. Т. 3. С. 396.
- ⁶³ *Суханов И. И.* Тобольские письма // Вост. обозрение. 1900. 30 янв.
- ⁶⁴ *Вост. обозрение.* 1900. 20 авг.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. 1902. 11 дек.
- ⁶⁷ *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 251.
- ⁶⁸ *Либушкин В. Н.* Разработка аграрной программы либералами Сибири накануне революции 1905-1907 гг. // Революция 1905-1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма. Омск, 1985. С. 132.
- ⁶⁹ *Шольн Е. Г.* Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губернии в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. С. 38, 42.
- ⁷⁰ *Антропов.* К вопросу о земстве в Сибири // Сиб. жизнь. 1903. 12 янв.; Там же. 1903. 31 янв.
- ⁷¹ *Новомбергский Н.* К вопросу о северных инородцах Тобольской губернии // Вост. обозрение. 1901. 20 апр.; *Крутовский В.* К вопросу о экономической эволюции Туруханского края // Вост. обозрение. 1901. 7 марта; *Серебренников И. И.* Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия // Изв. ВСОИРГО. 1914. Т. 43. С. 155.
- ⁷² *Головачев П.* Сибирь: (Природа, люди, жизнь). С. 132.
- ⁷³ *Патканов С. К.* О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911. С. 18.
- ⁷⁴ Там же. С. 25, 36.
- ⁷⁵ *Головачев П.* Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири // Землеведение. 1902. № 2-3. С. 54; *Девель Ф.* Рассказы о Восточной Сибири. М., 1896. С. 33.
- ⁷⁶ *Потанин Г. Н.* В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. №8. С. 87.
- ⁷⁷ *Новомбергский Н.* К вопросу о северных инородцах...
- ⁷⁸ *Вост. обозрение.* 1895. 10 окт.
- ⁷⁹ *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 10, 11.
- ⁸⁰ *Турчанинов Н. В.* Города Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 345.
- ⁸¹ *Очерки русской литературы в Сибири.* Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 513.

Глава 3

⁸² РГАЛИ. Ф. 1769, оп. 1, д. 4, л. 20.

⁸³ Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири. С. 8; *Он же*. Нужды Сибири. С. 289.

⁸⁴ *Он же*. Земская реформа в Сибири и инородцы // Сиб. вестн. 1905. 8 окт.; *Он же*. Локализация интеллигенции // Сиб. жизнь. 1906. 4 июля.

⁸⁵ *Он же*. Нужды Сибири. С. 281.

⁸⁶ Баранский Н. Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. 2-е изд. Томск, 1961. С. 126.

Глава 4

Областники в революции 1905-1907 гг.

§ 1. Кардинальное обновление программы движения в период Первой русской революции

В период революции 1905-1907 гг. областники обращают особое внимание на разработку вопросов местного самоуправления и на борьбу за введение земских учреждений в Сибири. Стимулирующее воздействие на эти процессы оказал ряд факторов. Во-первых, земский съезд 6-9 ноября 1904 г., по директиве которого в конце 1904 — начале 1905 г. по стране прокатилась так называемая «банкетная кампания». Во-вторых, практическое обсуждение земского вопроса в Сибири началось после опубликования рескрипта Николая II иркутскому генерал-губернатору графу П. И. Кутайсову от 3 апреля 1905 г. о необходимости введения земства на восточных окраинах империи¹. Кроме того, оживление земского вопроса было связано с Русско-японской войной, непосредственно затронувшей внутреннюю жизнь региона.

В ходе «банкетной кампании» либералы пытались «достучаться» до самодержавия, добиваясь от него ряда уступок. «Вопрос о коренных реформах образа правления в России настолько назрел уже, что теперь остается только гвоздь заколотить» — так закончил речь на банкете в Красноярске в декабре 1904 г. местный городской голова Н. А. Шепетковский². События 9 января 1905 г. повлияли на характер мероприятий «банкетной кампании», которые превращаются в своеобразные митинги с участием радикалов. Так произошло в Томске 12 января 1905 г. на вечере-банкете в железнодорожном собрании, на который проникла большая группа студентов и рабочих во главе с членами местного комитета РСДРП. Как до-

Глава 4

носили жандармы, «образовалась чисто противоправительственная сходка», принявшая резолюцию с призывом к насильственному свержению самодержавия³. Митинг 12 января получил всероссийскую огласку, а его организаторы во главе с Г. Н. Потаниным попали под негласный надзор полиции.

Перед Потаниным встала необходимость определиться в политической обстановке, выяснить отношение различных политических группировок к происходящим событиям. На следующий день после вечера-банка в письме к В. Н. Семидалову в Москву он спрашивает: «Как отразилось восстание на местной жизни, на митингах и союзах, какие перспективы определяются, действительно ли красные партии разбиты в корень до невозможности поправиться?»⁴.

Окончательно программа деятельности областников определяется после опубликования рескрипта П. И. Кутайсову. Напуганное размахом революционных выступлений в Сибири, правительство пытается успокоить население обещанием распространить на регион земское положение 1890 г., предварительно переработав и приспособив его к местным нуждам. Идея земства реанимируется в периодической печати. «Продовольственное дело неудовлетворительно, — вздыхает „Сибирский листок“, — мелкий кредит отсутствует, натуральные повинности не могут быть переведены на денежные, что возможно только при существовании земства»⁵.

Центрами разработки проектов сибирского земства стали Томск, Красноярск, Иркутск.

Членами юридического общества при Томском университете (П. В. Вологодский, М. Н. Вознесенский, А. Н. Гаттенбергер, И. А. Малиновский, М. И. Боголепов, М. Н. Соболев и др.) с участием Г. Н. Потанина был подготовлен «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири». Он предлагал создание, наряду с волостным, уездным и губернским, еще и областного земского самоуправления в лице земского областного собрания, включающего выборных представителей от Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской и Забайкальской областей, Степного и Приамурского генерал-губернаторств. Областное земство наделялось обширными полномочиями (распоряжение всеми землями региона, заведование

путями сообщений, общественной безопасностью, издание обязательных для местных жителей постановлений). Руководящими органами самоуправления должны были стать земские собрания, управы и комиссии. Председателями и членами областной и губернских управ могли быть лица, обладавшие образованием не ниже среднего; председателями и членами уездных управ — лица, имеющие, по крайней мере, начальное образование. Основным источником земских доходов должна была стать собственность земств на землю, недра и леса⁶.

Параллельно с томичами разработку аналогичного проекта взял на себя отдел Русского географического общества в Иркутске. Образованная им комиссия разослала по всей Сибири обращение с призывом объединиться всем «лучшим людям» и признавала необходимость образования «быть может... областного Сибирского земства, Сибирской думы»⁷. Наконец, в Красноярске на заседании в Обществе врачей 20 мая 1905 г. Вл. М. Крутовский впервые публично озвучил и обосновал идею общесибирской земской думы⁸.

Тем временем в конце апреля 1905 г. томский «Проект основных начал...» был обсужден на совместном заседании членов шести местных обществ: юридического, технического, сельскохозяйственного, попечения о начальном образовании, взаимопомощи учащихся и учивших, практических врачей. На нем эсер М. Н. Вознесенский предложил назвать высший земский орган в Сибири областной думой⁹. Часть участников совещания отвергла идею регионального земского органа. Примирителем выступил Потанин, сумевший склонить на свою сторону противников областной думы¹⁰. Тогда же областники добились согласия собравшихся на образование Сибирского областного союза как органа, взявшего на себя борьбу за региональное самоуправление. Поэтому «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири» трансформировался в «Проект основных положений Сибирского областного союза». 5 мая 1905 г. он был обсужден вторично, утвержден объединенным советом шести названных выше общественных формирований и опубликован¹¹.

По своему содержанию «Проект основных начал...» представляет собой комплекс законодательных предложений, касающихся, с одной стороны, только Сибири, предназначенных для вывода из кри-

зиса всего государства. В первой части содержится формулировка о Сибири как обособленной области и необходимости устройства здесь областного самоуправления в составе областной думы и более мелких территориальных земских единиц. Вместе с тем в начале второго раздела подчеркивается, что Сибирь составляет нераздельную часть России, и далее приводится перечень актуальных общегосударственных реформ. Последний, 12-й пункт декларирует: «Признание за каждой областью, губернией, уездом, общиной сельской и городской права на широкое самоуправление»¹². Продолжением этого раздела служит третья часть документа, содержащая требования созыва Учредительного собрания, отмены исключительных законов, утверждения гарантий личной свободы, амнистии всем осужденным за политические убеждения. Последняя часть раскрывает компетенцию и устройство областной думы. В ее ведение предлагалось передать: «а) местное бюджетное право; б) народное образование; в) общественную безопасность; г) местные пути сообщения и тариф; д) народное здравие; е) распоряжение и владение всеми землями области, составляющими часть государственного фонда с лесами, водами и недрами; ж) определение порядка землепользования в связи с переселенческим вопросом»¹³.

В глаза бросаются эклектичность и разорванность «Проекта основных начал...», обусловленные, на наш взгляд, его компромиссным характером, стремлением отразить в документе интересы и либералов, и неонародников, и собственно областников. В свою очередь, подобное объединение было связано с тем, что до осени 1905 г. сохранялось единство оппозиционных сил. «Объединяющими факторами были потребность в решении общедемократических проблем как в целом в России, так и в регионе, а также во многом дискриминационная административно-политическая и социально-экономическая политика центра в отношении Сибири»¹⁴.

В этих условиях областничество начинает выступать в роли надклассового, надпартийного образования, выражающего интересы всей Сибири. Поэтому Г. Н. Потанин в августе 1905 г. заявляет: «Областничество не партия, а союз партий. Как вопрос о переустройстве всего государства примиряет все партии в государстве,

так при обсуждении судеб области все партии должны объединиться»¹⁵.

Несмотря на то что томский «Проект основных положений Сибирского областного союза» затрагивал актуальные для региона вопросы, отношение к нему было холодное и даже враждебное. Данное обстоятельство объясняется тем, что 6 августа 1905 г. были опубликованы «Учреждения Государственной думы» и положение о выборах в нее, что оттолкнуло значительную часть местной интеллигенции от проекта томичей. Отрицательное отношение к областной думе формулируется фразой: «Областной думе нечего будет делать, так как для этого есть Государственная дума» — в одном из августовских номеров «Сибирской жизни»¹⁶.

Положение коренным образом изменилось в последующие месяцы, что было связано с нарастанием революционных настроений и крахом затеи с Бульгинской думой. Поэтому осенью 1905 г. в Сибири, как грибы после дождя, начинают возникать проекты земского самоуправления. Всего их, по подсчетам Аккерблома, появилось около 20¹⁷. К сожалению, о содержании большинства из них можно судить только по информации Аккерблома. Он же констатирует влияние на эти проекты томских «Основных положений Сибирского областного союза», а также то, что их составители исходили из предпосылки об особенном положении региона, что должно отразиться на характере местного самоуправления¹⁸.

Наиболее известный, альтернативный томскому, проект организации земского самоуправления в регионе был подготовлен редактором иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Поповым. Он предусматривал организацию для каждой из частей Сибири (Западной и Восточной) автономных областных дум. Одновременно допускалось функционирование съезда представителей от всех губернских (областных) земств региона с постоянно действующим бюро¹⁹. В перспективе иркутские областники предполагали образование на «необъятном пространстве Сибири и Туркестана нескольких десятков автономных областей»²⁰.

Одновременно с этим И. И. Попов выступил против областнических претензий на выражение интересов всего населения Сибири.

Глава 4

В своей газете он проводит мысль о том, что экономическое и культурное развитие региона «сгладило традиционную разницу между Россией и Сибирью и задачи их сблизились»²¹. По этой причине областничество устарело, и единственное, что ему позволяет существовать,— это идея земства; введут его, и движение исчерпает себя совершенно²². Подобные высказывания вызвали резко негативную реакцию со стороны Г. Н. Потанина²³. Конфликт с редактором «Восточного обозрения» показал, насколько был непрочен союз областников с представителями других политических течений. В ходе полемики лидера движения поддержали только томские эсеры, предоставившие ему свою газету «Сибирский вестник» в качестве трибуны и опубликовавшие специальную редакционную статью «Централисты-доктринеры» в защиту областнических идей²⁴.

На съезде Сибирского областного союза в конце августа 1905 г. в Томске, речь о котором еще пойдет ниже, принимаются «Основные положения Сибирского областного союза», отражавшие позиции областников, либералов и эсеров по вопросу о направленности и содержании земской реформы в Сибири. В них четко формулируются два комплекса предложений — относящиеся к региону и имеющие общероссийский характер. По-прежнему сохранялось в документе утверждение о Сибири как отдельной области и необходимости создания здесь областной думы, но над этим была помещена фраза из четвертой части «Проекта основных начал...» о Сибири как нераздельной части России, нивелирующая автономистскую направленность документа. Далее перечисляется компетенция думы, где в добавлении к проекту появляются еще три пункта: «з) местные пути сообщения; е) право участия в установлении тарифов; и) инородческий вопрос»²⁵. Кроме того, в программном документе Сибирского областного союза провозглашалась необходимость замены «существующего самодержавно-бюрократического режима конституционным, для чего Государственная дума должна превратиться в Учредительное собрание»²⁶. В таком виде «Основные положения Сибирского областного союза» были утверждены. Некоторое ущемление автономистских устремлений областников произошло в связи с преобладанием на съезде в Томске «прокадетски» настроенных депу-

татов. В определенной степени «Проект основных начал...» и «Основные положения...» явились прообразом программы сибирских кадетов, а сам Сибирский областной союз — эмбрионом их организаций.

Попутно заметим, что, с правовых позиций того времени, основные пункты названных выше проектов не являлись, строго говоря, автономистскими, а рассматривались как предложения о введении местного самоуправления. «Областная автономия не есть создание государства в государстве,— замечал по этому случаю один из лидеров и теоретиков кадетской партии Ф. Ф. Кокошкин,— а означает лишь перенесение части законодательной деятельности государства из центра на места, иначе говоря, распространение на область законодательства основного принципа самоуправления, в силу которого местные дела должны решаться местными выборными людьми. Областная автономия и местное самоуправление—явления одного и того же порядка, между ними нельзя провести резкой принципиальной разницы»²⁷.

В 1906 г. пропаганда областной думы несколько затихла. Этот спад был связан с определенными иллюзиями, питаемыми областниками и либералами (кадетами) в отношении к Государственной думе. Именно в ней предполагалось решить вопрос о сибирском земстве, тем более что основной частью избирателей являлись крестьяне, на поддержку которых надеялись сторонники областнического движения. Если анализировать партийный состав депутатов-сибиряков I Государственной думы сразу после выборов (начало 1906 г.), то создается впечатление в правильности такой позиции: из 16 сибирских депутатов 10 (62,5%) отнесли себя к кадетам. И из этих десяти шестеро были крестьянами. Но именно они впоследствии вышли из кадетской фракции²⁸, показав ошибочность решения при определении социальной базы.

Еще рельефнее провал кадетов и областников проявился в их цитадели Томске и Томской губернии. Из шести кандидатов от Партии народной свободы (ПНС) в Думу был избран только один. А между тем шестерка, выдвинутая кадетами, любопытна по своему составу: А. И. Макушин, М. Н. Соболев, В. Л. Некрасов, П. В. Вологодский, Г. Н. Потанин и П. Я. Михайлов — это люди известные, профессора, видные ученые, общественные деятели²⁹. Избра-

ли А. И. Макушина, врача и бывшего городского голову Томска. Остальные пять депутатов от губернии являлись крестьянами.

Надежды на Государственную думу провалились. Необходимо было проанализировать причины неудач на выборах и наметить новую тактику. Этим занялся Г. Н. Потанин. В ряде публикаций поражение на выборах он объяснил разобщенностью местной интеллигенции и народа, вследствие чего «обезглавленное местное общество, т. е. лишенное местной интеллигенции, не в состоянии доводить свои нужды до всеобщего сознания русского общества»³⁰. Единственный выход из создавшегося положения виделся в реанимации идеи областной думы. Борьба за нее вступила в новую стадию. Разрабатывается новая теоретическая база. Но теперь вопрос об областной думе должен решаться в Государственной думе, а за отправную точку должны быть взяты «Основные положения Сибирского областного союза»³¹. С этой целью, по мнению А. Ушакова, необходимо «созвать общесибирский съезд уполномоченных, который выработал бы земское положение; сибирские депутаты вменили бы себе в обязанность поддержать этот местный проект в Государственной думе»³².

В целом же, по вопросу о Государственной думе сторонники областнического движения в 1906-1907 гг. консолидировались с кадетами и стояли на позициях поддержки ее. «Прогрессивная Государственная дума и прогрессивный депутат от Иркутской губернии, который принесет в нее горячие желания местного населения!» — восклицала преемница «Восточного обозрения» газета «Сибирь» в марте 1907 г.³³ По отношению к Думе провозглашался лозунг ее бережения. В свою очередь, сибирские депутаты II Государственной думы сразу же после ее разгона потребовали: «Установление областной или областных сибирских дум с законодательными функциями, ибо центральная Дума, как показывает опыт, не имеет ни времени, ни возможности заняться сибирскими нуждами, для этой окраины неотложными, ввиду множества своих собственных российских назревших вопросов, подлежащих немедленному рассмотрению и разрешению»³⁴.

Таким образом, в 1905-1907 гг. эволюция вопроса о земстве в Сибири у областников шла по линии разработки различного рода

проектов его введения. Чтобы не вызвать отрицательной реакции правительственных органов, сторонники движения постоянно подчеркивали, что их требования «не заключали и не заключают в себе никаких центробежных начал»³⁵.

Говоря о конечных результатах этой деятельности, газета «Сибирь» констатировала: «Вопрос о введении земских учреждений в Сибири заглох. Осуществление этой важной реформы отложено на неопределенное время»³⁶. Раскрывая причины неудачи, А. Ушаков писал: «Однако самое важное заинтересовать в этих рассуждениях (об областной думе. — М. Ш.) деревню, ибо сибирское земство будет не крестьянским едва ли»³⁷. Так реально оценивали сложившуюся ситуацию наиболее дальновидные сторонники движения.

§2. Попытка создания Сибирского областного союза

Вопрос о съезде Сибирского областного союза, состоявшемся в конце августа 1905 г. в Томске, является одним из малоизученных в истории сибирского областничества начала XX в. Даже современники вспоминали о нем, не вдаваясь в подробности организации и проведения³⁸. Из отечественных историков одной из первых вопрос о созыве съезда и принятых на нем решениях подняла И. Г. Мосина, обнаружившая в архиве соответствующее дело Особого отдела Департамента полиции МВД³⁹.

Подготовка к форуму, по всей видимости, началась одновременно с принятием «Проекта основных начал положения Сибирского областного союза» в мае 1905 г. Активное участие в подготовке принимали эсеры П. В. Вологодский и М. Н. Вознесенский⁴⁰. Съезд должен был прежде всего оформить создание Сибирского областного союза и утвердить его программу. В письме к В. Н. Семидалову от 25 июня 1905 г. Г. Н. Потанин сообщал по этому поводу: «В Томске учреждается „Сибирский областной союз". Цель его — объединить и тем укрепить прогрессивные силы, находящиеся в Сибири, укрепить для борьбы с отжившим и сменяемым режимом и в то же время выдвинуть защиту местных интересов. Союз

Глава 4

или собрание учредителей избрало бюро... Предполагаем образовать отделения в других городах, а в августе устроить съезд делегатов (от отделов) в Томске»⁴¹. В этом же письме сообщалось, что в состав союза «входят и сибирские областники, и чистые прогрессисты, временные гости Сибири. Последних подавляющее большинство»⁴². Относительно прогрессистов все понятно — это будущие кадеты. Упоминания об эсерах в письме нет, но, учитывая, что они принимали участие в подготовке и проведении съезда и вошли в состав бюро Союза, следует заключить, что Потанин причислял социалистов-революционеров к собственно областникам, т. е. рассматривал их позиции как наиболее близкие к областническим.

Из последующих отрывочных данных вырисовывается следующая картина. 26 июля 1905 г. М. Н. Вознесенский отправляет письмо в Красноярск к Вл. М. Крутовскому, которое было перлюстрировано местными жандармами. Из письма следовало, что пишет он по поручению Потанина и что «съезд делегатов от С. Об. М. С. предполагается на 29 августа с. г., поэтому бюро просит прислать на это число в Т[омск] делегатов не более 3 человек. Цель съезда — окончательно конституироваться и принять платформу»⁴³. Енисейское губернское жандармское управление, организовав наблюдение, установило, что 26 августа «из гор. Красноярска в гор. Томск выехали состоящие под негласным наблюдением Василий Андреев[ич] Караулов и Иван Ефимович Козлов»⁴⁴.

Дальнейшее наблюдение в Томске показало, что Караулов и Козлов, «прибыв в Томск вечером 28 августа, временно остановились на квартире присяжного поверенного Петра Васильевича Вологодского, в его собственном доме № 17 по Ефремовской улице. 29 числа к двум часам дня к Вологодскому собрались следующие лица: 1. председатель томского окружного суда Альфонс Васильевич Витте, 2. привлеченный к дознанию при Томском губернском жандармском управлении Григорий Николаев[ич] Потанин, 3. служащий в Генеральном страховом обществе, мариинский мещанин из ссыльных, бывший гласноподнадзорный Александр Иванов[ич] Бычков, 4. Михаил Николаевич Вознесенский и 5. томский купец

Владимир Горохов. В пять часов дня все эти люди от Вологодского разъехались, а к восьми часам вечера вновь собрались и пробыли до двенадцати часов ночи. Цель этого собрания установить пока не представляется возможным. Караулов и Козлов 30 числа из Томска выехали обратно в Красноярск»⁴⁵.

Понимая, что такие результаты ни в коей мере не смогут удовлетворить петербургское начальство, жандармы продолжили наблюдение за участниками собрания на квартире П. В. Вологодского. 6 сентября они перехватили письмо Потанина к М. Н. Баженову в Москву. Письмо, вернее, отрывок из него настолько интересен, что мы воспроизводим его фрагмент: «У нас в Томске 28 августа был съезд делегатов от иногородних кружков, пожелавших вступить в состав Сибирского областного союза. Были делегаты от Иркутска, Красноярска, Мариинска, села Берского и Омска. Съезд рассмотрел и утвердил „Положение союза" и его „Устав" и избрал центральный комитет. Не найдет ли бюро земских съездов возможным счесть нашу областную организацию за таковую, от которой делегаты могли быть принятыми на съезд земских деятелей как делегаты от неземской Сибири. Можно будет в случае одобрения устроить выборы отдельно от Енисейской, Томской губерний и от Акмолинской области»⁴⁶. На этом материалы следственного дела заканчиваются.

При знакомстве с жандармским донесением и письмом Потанина в глаза бросаются определенные противоречия. В донесении время проведения съезда датируется 29 августа, а в письме от 28 августа Охранка сообщает о присутствии на нем представителей Томска, Красноярска, вероятно, Мариинска (если считать А. И. Бычкова представителем от этого города). Потанин круг делегатов существенно расширяет, включая посланцев Иркутска, Омска и даже села Берского (ныне город Бердск Новосибирской области). Кто же прав: томские жандармы или Потанин? Когда происходил съезд и кто на нем присутствовал?

На наш взгляд, причина всех расхождений коренится в нерасторопности чинов Томского губернского жандармского управления (ГЖУ). Как видно из материалов дела, о созыве съезда они узнали

от своих красноярских коллег, которые сообщили им факты из письма М. Н. Вознесенского, т. е. то, что 29 августа в Томске предполагается провести некий съезд, на который приглашаются делегаты от Красноярска. Несколько позже Енисейское губернское жандармское управление информировало, что в Томск выезжают Караулов и Козлов. За ними и было установлено наблюдение. Остальные участники съезда оставались пока в неизвестности. Когда красноярские делегаты приехали в Томск, они привели шпиков на квартиру Вологодского. А так как до вечера 28 августа наблюдения за ней не осуществлялось, то все, что здесь происходило днем, для жандармов осталось тайной.

Логично предположить, что съезд Сибирского областного союза состоялся днем 28 августа 1905 г. Красноярские же делегаты опоздали, и с ними провели отдельное заседание члены бюро Союза. Подтверждением нашего предположения служит то обстоятельство, что помимо Караулова и Козлова все остальные были томичами, а уже из цитированного выше письма Потанина от 25 июня

1905 г. видно, что в бюро объединения входили только жители этого города. И так, можно считать, что съезд Сибирского областного союза проходил 28-29 августа 1905 г. Эту же дату называет С. Г. Сватиков, располагавший и другими источниками⁴⁷. Она же указывается в публикации «Основных положений Сибирского областного союза», появившейся сразу же после съезда⁴⁸.

Установив дату проведения форума, вернемся к основной проблеме: какова цель съезда? Во-первых, для принятия «Основных положений...», при этом проект их был существенным образом пересмотрен, как было показано выше. Ущемление автономистских устремлений сторонников движения связано с преобладанием на съезде «прогрессистов», которое было достигнуто за счет представителей от других городов Сибири. По крайней мере трое из них — И. Е. Козлов, В. А. Горохов и В. А. Караулов — являлись впоследствии активными деятелями томской и красноярской кадетских организаций. Захватив руководящие позиции на съезде, либералы добились существенной корректировки программы Союза. Фактически в ней мы видим эмбрион программных положений будущих кадетских организаций региона. Местные либералы несколько опередили орга-

низационное оформление структур ПНС в целом по стране. Поэтому так быстро произошло конституирование кадетских отделов в Красноярске и Томске (соответственно 6 и 25 ноября 1905 г.).

Но съезд не ограничил свою деятельность принятием программного документа. Он собирался и для того, чтобы заявить о Сибирском областном союзе как реально существующей организации и избрать делегатов на готовящийся в сентябре съезд городских и земских деятелей в Москве как представителей от неземской Сибири. Такой съезд действительно состоялся 12-15 сентября 1905 г., и на нем присутствовали делегаты от Сибири⁴⁹. Необходимо было создать какую-нибудь организацию, поскольку в регионе не было земских учреждений, и потом от нее выбирать делегатов. Тогда-то, по всей видимости, возникла идея использования в этих целях Сибирского областного союза как общественной организации, от имени которой могли быть выдвинуты представители на съезд в Москве.

Собственно, этими вопросами и ограничилась деятельность съезда Сибирского областного союза 28-29 августа 1905 г. в Томске. Главной целью стала попытка объединения местной интеллигенции под лозунгом создания местного земства во главе с областной думой. На нем был достигнут компромисс между либералами и эсерами при посредничестве областников. Во многом данное обстоятельство было связано с устойчивым существованием в России и в Сибири начала XX в. полностью неразмежеванных политических зон. Для большей части местной интеллигенции была характерна расплывчатость, неопределенность политических взглядов. Революционная волна захватила образованные круги сибирского общества, развязала языки многим, тем более что верховная власть официально разрешила обсуждать вопрос о введении земства в регионе. Характерную оценку происшедшему в 1905 г. дал в своем отчете распорядительный комитет Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО: «Этот год был временем, когда почти все местное культурное общество, как и вся страна, было захвачено политическим движением. Интерес ко всему тому, что так или иначе не было связано с политикой, если и не совершенно погас, то сделался едва заметным... Собра-

ния носили исключительно агитационный характер, при котором общие политические вопросы на заседаниях не столько рассматривались по существу, сколько освещались под заранее определенным углом зрения, кроме того, эти общие политические вопросы или тезисы не могли, при наличии данного настроения публики, обсуждаться с точки зрения всей совокупности, по крайней мере, главнейших реальных условий страны вообще, а также местных»⁵⁰. Примерно такую же ситуацию обнаруживает корреспондент журнала «Сибирские вопросы» в Омске: «Октябрь 1905 г. разбудил интеллигенцию... Начались собрания, хотя не чисто политические, но с политической окраской, в Географическом обществе, в Обществе попечения о начальном образовании»⁵¹.

«Основные положения Сибирского областного союза» отразили позиции областников, либералов и эсеров по вопросу о характере земской реформы в Сибири. Делегаты съезда выступили за автономный сибирский представительный орган (областную думу) в рамках существовавших тогда представлений о местном самоуправлении. Поэтому газета томского отдела ПНС квалифицировала как клеветнические утверждения о том, что партия выступает за раздел страны»⁵².

§ 3. Взаимоотношения сторонников движения с организациями политических партий и общественными группировками в 1905-1907 гг.

Как мы уже отмечали, характерной чертой общественно-политического движения в Сибири в 1905 г. становится объединение либералов, неонародников (эсеров) и областников в рамках созданного в конце августа Сибирского областного союза. Поляризация политических сил в стране, создание многочисленных партий привели к тому, что большая часть областнического актива на рубеже 1905-1906 гг. определилась в партийном отношении, одновременно продолжая считать себя активными сторонниками рассматриваемого движения. Самим областникам тогда так и не удалось оформиться в организацию. В Красноярске уже 25-27 октября 1905 г. произошел

раскол в местной организации Сибирского областного союза, и часть его членов объявила себя группой конституционно-демократической, или Свободной народной партии⁵³. Причем группа Областного союза продолжала функционировать до конца года.

Самоидентификация либеральной оппозиции и самих областников поставила перед ними, а также перед другими политическими формированиями проблему взаимоотношений между ними и определения линии поведения по отношению к сибирскому областничеству⁵⁴. Еще в самом начале революции определились местные социал-демократы. На словах они решительно критиковали либерально-областнический симбиоз. В листовке, посвященной вечеру-банкету томской интеллигенции 12 января 1905 г., комитет РСДРП подчеркивал: «Пришло время бросить все другие дела. Одно дело у каждого из нас: подготовка революции. Рабочий класс может надеяться только на себя. А русским либералам, почтительно выпрашивающим частичку свободы, мы гордо можем сказать: „Кичитесь, почтенные люди, устраивайте банкеты с благосклонного разрешения начальства! Протягивайте пригоршни для получения „свободы“! Ловчите, готовьтесь загрести жар чужими руками. Власть, вышибленную из рук царского самодержавия, мы выьем и из ваших рук, чтобы передать ее всему народу, от лица которого вы говорите пыльные речи“»⁵⁵.

Достаточно последовательно разоблачали в 1905 г. либералов и областников красноярские социал-демократы. Их представитель В. И. Охацимский резко критиковал последних на банкете местной интеллигенции 12 января. 20 апреля на митинге-банкете Общества попечения о начальном образовании по поручению комитета РСДРП выступил М. К. Ветошкин, призвавший готовиться к вооруженному восстанию. Единственной в регионе специальной листовкой они отреагировали на съезд Сибирского областного союза в Томске и принятие им «Основные положения...». В частности, критике подверглось положение о замене «существующего самодержавно-бюрократического строя конституционно-демократическим» мирным путем⁵⁶. Сам факт выдвижения лозунга автономии региона и создания областной думы квалифицировался как акция контрреволюционная, направленная на отвлечение трудящихся от участия в революции. Характеризуя усилия областников, Д. М. Зайцев заметил: «Сре-

Глава 4

ди этих различных проявлений жизни Сибири можно найти одно только объединяющее начало — классовую борьбу, но ее-то сибирские областники одни сознательно, а другие бессознательно не замечают и затушевывают, говоря о Сибири как об обособленной области»⁵⁷.

Тем не менее смеем утверждать, что в 1905-1907 гг. непреодолимой грани между социал-демократами и либералами в Сибири не существовало. Их консолидировала общая задача — политическое воспитание народа. Поэтому на общем собрании Барнаульского общества попечения о народном образовании 28 декабря 1905 г. принимается новая программа, в которой центр тяжести и переносится с начального на внешкольное образование. «Пусть государство или город дают народу грамоту, это их задача. Мы же считаем грамоту не целью, а средством, при помощи которого всякий может стать или сознательным гражданином, или же хулиганом. Нам... способствовать развитию самостоятельных граждан, духовному раскрепощению масс», — говорилось в ней⁵⁸.

Отчетливо эта тенденция к союзу проявилась во время предвыборной кампании во II Государственную думу. С одной стороны, делегаты западносибирской конференции РСДРП (сентябрь 1906 г.) принципиально заявляют: «Всяким либеральным движением мы должны пользоваться постольку, поскольку можем оторвать массу от него и поднять ее до наших лозунгов. Сама капиталистическая буржуазия является элементом совершенно безнадежным в революционном отношении»⁵⁹.

На деле, на практике, в Чите, Иркутске, Кургане социал-демократы заключают блок с либералами. Так, в Иркутске формируется «избирательный комитет» с представительством от кадетов, эсеров и социал-демократов. Призывая голосовать за выдвинутый объединением список, они рассматривали будущую Думу как «могучую цитадель революции, и в попытках взять эту крепость правительство, может, наконец, найдет свою гибель»⁶⁰.

Отчасти (в Омске, Тобольске) тактика союза с либералами была связана с тем, что, не имея возможности получить разрешения на предвыборные собрания, социал-демократы присоединялись к массовым акциям, проводимым либералами⁶¹. Но и отношение либералов к марксистам не было однозначно негативным. Если об-

ластник П. М. Головачев доказывал бесперспективность усилий РСДРП в регионе в связи с малочисленностью сибирского пролетариата, то Г. Н. Потанин, неодобрительно относившийся к кадетам, назвал местных социал-демократов «зародышем действительно сибирской социал-демократической партии»⁶². В свою очередь, нелегальная газета Красноярского комитета РСДРП «Хроника» в июне 1907 г. в передовой статье выступила против столыпинской политики организации массовых переселений, заявив, что «только ей, самоуправляющей Сибири, принадлежит право свободно располагать своими землями и предоставлять излишки для правильного заселения и хозяйственного освоения края»⁶³, что совпадало с программным положением Сибирского областного союза.

Создание собственных организаций поставило перед сибирскими кадетами вопрос о взаимоотношениях с Сибирским областным союзом. В Томске, где 25 ноября 1905 г. отдел Партии народной свободы провел первое организационное собрание, в его печатном органе газете «Сибирская жизнь» ее редактор и член бюро объединения профессор М. Н. Соболев провозгласил идентичность интересов областников и кадетов, а затем предложил объединиться, но в кадетской организации⁶⁴. На состоявшемся в начале декабря совместном заседании двух бюро — отдела конституционно-демократической партии и Сибирского областного союза — принимается компромиссное решение о том, что «члены Сибирского областного союза при желании могут быть членами конституционно-демократической партии и наоборот»⁶⁵.

Сибирские кадеты развивали ранее выдвинутую ими совместно с областниками и эсерами идею земской реформы, в том числе образование органа регионального самоуправления — Сибирской областной думы. Самыми «левыми» оказались красноярские либералы, заявившие, что «вопрос о создании областной власти важен сам собой и со стороны сибиряков было бы аполитизмом отказываться от собственной областной автономии»⁶⁶. Омские и иркутские кадеты в принципе допускали областное самоуправление, но связывали его введение с законодательной деятельностью Государственной думы⁶⁷. Томский отдел в своей программе высказался за предоставление областной автономии с местными представител-

ными органами регионам, «обособленным по языку народности, географическому положению и историческому прошлому»⁶⁸. В целом, кадеты в Сибири выступали за союз с областниками, и в решении упомянутого выше совместного заседания руководящих органов Томского отдела ПНС и Сибирского областного союза подчеркивалось: «Сибирский союз может явиться объединяющим началом для всех прогрессивных партий Сибири при предстоящей выборной кампании»⁶⁹.

Но не все сторонники областнического движения отнеслись положительно к союзу с кадетами. Колебался, прежде всего, Г. Н. Потанин, так как потерпела крах его идея создания надпартийного Сибирского областного союза. У нас нет прямых доказательств, говорящих о его сомнениях по поводу альянса с либералами. Но есть косвенное свидетельство, подтверждающее наше предположение: в декабре 1905 г., сразу же после размежевания с кадетами, Г. Н. Потанин, А. А. Силин и Н. А. Соколов обратились в соответствующие органы с просьбой разрешить им издание газеты «Народное дело»⁷⁰. И это в то время, когда конституционные демократы предложили областникам сотрудничество по всем направлениям, в том числе и в их периодическом органе — газете «Сибирская жизнь». Несомненно, этот факт свидетельствует о стремлении идеолога областничества и его сподвижников избавиться от кадетской опеки в печати и проводить собственную политику. Недоверие Потанина к потенциальным союзникам определялось и более правыми позициями сибирских кадетов по сравнению с их коллегами в центре страны⁷¹. Разногласия были преодолены в 1906 г., когда областники после годового перерыва снова стали сотрудничать в «Сибирской жизни», в передовой статье одного из номеров которой накануне разгона II Государственной думы утверждалось: «Кадеты, составляющие центр во II Государственной думе, это партия настоящего исторического момента. Она выставляет те требования, которые должны быть и могут быть удовлетворены»⁷².

Более сложным представляется вопрос о взаимоотношениях областников и эсеров. Причина заключается в слабой разработке к настоящему времени истории возникновения организаций ПСР в Сибири. Они стали оформляться здесь в начале XX в. при активном участии политических ссыльных. В 1902 г. в Томске возникает первая

сибирская эсеровская организация, ядро которой составили С. П. Швецов, М. И. Тимофеев, И. Е. Овсянин, А. Н. Шипицын, М. Н. Вознесенский, П. В. Вологодский, А. И. Бычков, А. А. Силин⁷³. В конце 1904 г. эсеровские кружки объединились в Иркутскую группу социалистов-революционеров⁷⁴. С июля 1903 г. томская группа ПСР берет в свои руки издание газеты «Сибирский вестник», ставшей идейным рупором сибирских эсеров⁷⁵.

С момента возникновения эсеровских организаций в регионе начались их контакты с сибирскими областниками. Объединяло их многое, и прежде всего единая социальная база — интеллигенция. А именно она, по мнению Г. Н. Потанина, могла быть носителем областного идеала⁷⁶. У областников и социалистов-революционеров наблюдалось определенное сходство программных положений: совпадали взгляды на сибирскую деревню, они отрицали наличие общего для европейской части страны и Сибири аграрного вопроса⁷⁷. В программе ПСР выдвигалось требование установления демократической республики «с широкой автономией областей»⁷⁸. Конкретизируя ее в листовке «К гражданам» (январь 1907 г.), томские социалисты-революционеры призывали бороться «за полное народовластие в форме демократической республики на основе широкой автономии общин и округов и безусловного права самоопределения национальностей»⁷⁹, что совпадало с программными положениями Сибирского областного союза.

В период подъема Первой русской революции симпатии Г. Н. Потанина были на стороне эсеров⁸⁰, которые, в свою очередь, поддерживали областников в основном вопросе — попытке создания Сибирского областного союза и организации областной думы. Собственно, мысль о ней выдвинул эсер М. Н. Вознесенский. Активное участие социалисты-революционеры приняли в подготовке и проведении съезда Сибирского областного союза 28-29 августа 1905 г., на котором П. В. Вологодский, М. Н. Вознесенский и А. И. Бычков представляли местные комитеты ПСР.

В процессе образования местных отделений Сибирского областного союза в них оформляются эсеровские и кадетские фракции, которые по-разному смотрели на объединение. Либералы видели в нем своеобразную основу для формирования своих организаций в

Сибири. Для эсеров Союз являлся одним из многообразных путей, «ведущих в царство справедливости»⁸¹. В целом взгляды областников и социалистов-революционеров на областную думу совпадали, и убедиться в этом можно, сопоставляя заявление Г. Н. Потанина и резолюцию III съезда Сибирского областного союза ПСР (22-28 апреля 1907 г.). Потанин: «Чувство, вызвавшее эту идею (областничество.— *М. III*) нужно искать в умах сибирского крестьянского мира, и уже за ним следом сибирская интеллигенция, вышедшая из сибирского народа, начала выделять себя из общерусской интеллигенции»⁸². Съезд: «Можно сказать, что эта идея (областная дума.— *М. III*) живет в сознании сибирских обывателей, и ее нужно только пробудить, организовать, и она скоро захватит умы сибиряков. Ее одинаково воспринимают как крестьяне, учителя, так и священники, купцы, промышленники»⁸³.

Эсеры выступали более последовательными сторонниками Сибирского областного союза как надпартийного объединения, нежели либералы. Они поддержали Г. Н. Потанина в полемике с редактором «Восточного обозрения» И. И. Поповым, утверждавшим, что областничество в начале XX в. исчерпало себя: «Сибирский вестник» откликнулся большой статьей «Централисты- доктринеры», в которой доказывали обратное⁸⁴. Отреагировали социалисты-революционеры и на 70-летний юбилей Г. Н. Потанина — хвалебной статьей С. П. Швецова⁸⁵. Поддержали они идею создания и функционирования Сибирского областного союза. Так, на I съезде ПСР (январь 1906 г.) делегат от Сибирского областного союза эсеров заявил: «Сибирский областной союз, в состав которого входят многие из наших товарищей, членов нашей партии, находит, что должна быть организована особая Областная дума»⁸⁶. В начале 1906 г. в «Сибирском вестнике» появилась статья А. Н. Соколова, призывающая сибирское крестьянство поддержать Сибирский областной союз, так как «Союз добивается для крестьян Сибири тех же порядков, каких добивается всероссийский крестьянский союз для крестьян всей России»⁸⁷.

Поэтому социалисты-революционеры отрицательно отнеслись к попыткам кадетов поставить под свой контроль отделение Сибирского областного союза в Томске, заявив, что часть членов объединения в кадетские организации не пойдет, поскольку «к составу

Сибирского областного союза принадлежат не только чистые конституционалисты, но и лица, принадлежащие к иным партиям. Таким образом, пока Сибирский областной союз есть союз, а не партия, нельзя говорить о его слиянии с конституционалистами»⁸⁸. Они пытались сохранить Союз на базе собственных организаций. Из этого ничего не вышло, и тогда на III съезде ПСР региона в апреле 1907 г. было принято решение создать «Сибирский кружок» для борьбы за учреждение в регионе областной думы. «Нашим лозунгом является самое широкое самоуправление Сибири, для чего должна быть учреждена Сибирская областная дума или две думы — Западная и Восточная,— говорилось в резолюции форума по этому вопросу.— ... Везде, во всех захолустьях Сибири идея областного самоуправления должна быть известна... Пропагандируйте же, товарищи, автономную Сибирь»⁸⁹. Попытка организации кружка предпринимается во второй половине 1907 г. и будет рассмотрена в следующей главе.

Позднее, обращаясь к Г. Н. Потанину и называя его своим учителем, эсеры заявляли: «Идея областничества, которую в течение многих десятилетий Вы проповедовали и купили столь дорогой ценой, близка нам и органически связана со всем строем нашего мировоззрения. В числе тех идеальных течений, которые синтезировало наше мировоззрение, одно из видных мест занимает проповедуемая Вами идея областничества. Эта идея есть выражение более широкого принципа децентрализации, самостоятельности частей государственного организма»⁹⁰.

Что касается областников и Г. Н. Потанина, то с 1906 г. они отдают предпочтение кадетам, поскольку во время отступления революции надежды добиться для Сибири самоуправления с представительным органом связывались с Государственной думой, бойкотируемой эсерами. «Кадетская группа в Сибири,— констатировал один из руководителей местных эсеров Е. Е. Колосов,— оказалась более близкой областникам, нежели сибирская демократия (эсеровская.— *М. Ж*)»⁹¹. Тем не менее разрыва между областниками и эсерами не произошло, и впоследствии они продолжали взаимодействовать. А в среде областнического актива появилась прослойка эсеров: М. Б. Шатилов, В. И. Анучин, П. В. Вологодский, А. Н. Шипицын и др.

Совершенно иные отношения сложились у областников с представителями партии октябристов. С момента оформления ее отделений в регионе сторонники движения единым фронтом с кадетами начали борьбу с октябристами. В периодической печати была организована массированная антиоктябристская кампания. Негативное отношение к данной партии объяснялось тем, что октябристы являются ни много ни мало «идейными защитниками капитала и состоят из торгово-промышленных капиталистов»⁹². Действительная причина столь недоброжелательного отношения лежит гораздо глубже. Октябристы твердо придерживались курса на сохранение «единой и неделимой России». Если говорить более конкретно, то в воззвании, подписанном руководством партии 10 ноября 1905 г., провозглашалось: «Сохранение единства и нераздельности Российского государства. Положение это обязывает признать, что жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для внутреннего ее процветания является ограждение ее политического тела, сохранение за ее государственным строением исторически сложившегося унитарного характера. Вместе с тем, понятие это обязывает противодействовать влиянию предположения, направленного прямо или косвенно к расчленению империи и замене единого государства государством союзным или союзом государств»⁹³. Естественно, это не совпадало с планами кадетов и областников. Кроме того, октябристы, защищая интересы крупной буржуазии России, выступали за дальнейшую эксплуатацию Сибири как аграрно-сырьевого придатка метрополии, а именно против этого боролись сторонники областнического движения.

Таким образом, в период революции 1905-1907 гг. по инициативе областников был подготовлен проект организации регионального самоуправления с областной думой. Он послужил основой для оформления в регионе летом — осенью 1905 г. блока областников, эсеров и кадетов, что необходимо рассматривать в духе демократической трансформации российского общества и оценивать положительно. Однако скрепленный областническими лозунгами блок в лице Сибирского областного союза развалился после опубликования манифеста 17 октября 1905 г. Поэтому к концу Первой русской революции вновь определился кризис областнического движения: его лидерам

не удалось повести за собой интеллигенцию, провалилась попытка создания собственной политической организации.

Примечания

- ¹ Законодательные акты переходного времени. СПб., 1907. С. 38.
- ² Цит. по: Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 52.
- ³ ГАОО. Ф. 190, оп. 1, д. 55, л. 7.
- ⁴ ТГИАОМ. Науч. архив, оп. 14, д. 12, л. 28.
- ⁵ Сиб. листок. Тобольск, 1905. 7 апр.
- ⁶ ГАОО. Ф. 190, оп. 7, д. 68, л. 35-37.
- ⁷ ГАКК. Ф. 217, оп. 1, д. 33, л. 82.
- ⁸ Вост. обозрение. Иркутск, 1905. 4 июня.
- ⁹ Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 297.
- ¹⁰ Историк. Из истории земского движения в Сибири // Сиб. вопр. 1910. № 28-29. С. 22.
- ¹¹ Право. 1905. 17 июля. С. 2332-2334.
- ¹² Там же. С. 2333.
- ¹³ Там же. С. 2333-2334.
- ¹⁴ Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / Отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск, 2002. С. 244.
- ¹⁵ Потанин Г. Н. Быть или не быть сибирскому областничеству? // Сиб. вестн. Томск, 1905. 28 авг.
- ¹⁶ Сиб. жизнь. Томск, 1905. 19 авг.
- ¹⁷ Аккерблом. Разработка вопроса о земстве в Сибири со времени Высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. до конца деятельности 2-й Государственной думы // Сб. о земстве в Сибири. СПб., 1912. С. 24--26.
- ¹⁸ Аккерблом. Разработка вопроса... С. 27, 29.
- ¹⁹ Попов И. И. Проект положения о земских учреждениях в Сибири. Иркутск, 1905; Он же. Самоуправление и земские учреждения (по поводу введения земства в Сибири). М., 1906.
- ²⁰ Вост. обозрение. 1905. 2 сент.
- ²¹ Там же. 12 мая.
- ²² Попов И. И. Областничество и «Сибирский вестник» // Там же. 2 сент.

- Глава 4
- ²³ *Шиловский М. В.* Некоторые вопросы истории сибирского областничества в период подъема Первой русской революции // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. Новосибирск, 1978. С. 118.
- ²⁴ *Сиб. вестн.* 1905. 17 авг.
- ²⁵ *Право.* 1905. 1 окт. С. 3254.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Кокошкин Ф. Ф.* Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.
- ²⁸ *Сиб. вестн.* 1906. № 4. С. 43.
- ²⁹ ГАНО. Ф. 143, оп. 1, д. 15, л. 3; *Сиб. жизнь.* 1906. 7 марта.
- ³⁰ *Потанин Г. Н.* Земская реформа в Сибири и инородцы // *Сиб. вестн.* 1905. 8 сент.
- ³¹ *Он же.* Локализация интеллигенции // *Сиб. жизнь.* 1906. 6 июля.
- ³² *Ушаков А.* О сибирском самоуправлении и сибирских депутатах // Там же. 1907. 17 апр.
- ³³ *Сибирь.* Иркутск, 1907. 14 марта.
- ³⁴ *Сиб. вестн.* 1907. № 16. С. 34, 35.
- ³⁵ *Головачев П. М.* Сибирская областная дума // *Сиб. вестн.* 1907. № 14. С. 3.
- ³⁶ *Сибирь.* 1907. 3 марта.
- ³⁷ *Ушаков А.* О сибирском самоуправлении...
- ³⁸ *Крутовский Вс. М.* Из истории сибирского областничества // *Сиб. записки.* 1917. № 1. С. 55-56; *Святиков С. Г.* Россия и Сибирь: (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930. С. 113, 114.
- ³⁹ *Мосина И. Г.* К вопросу о возникновении кадетских организаций в Сибири // *Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та.* Томск, 1969. № 25. С. 114, 115; *Она же.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. С. 61.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1905, д. 999, ч. 59, л. 2, 3, 5.
- ⁴¹ ТГИАОМ. Науч. архив. Оп. 14, д. 12, л. 30.
- ⁴² Там же. Ссылка на данную часть письма имеется в монографии И. Г. Мосиной: *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии... С. 60.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1905, д. 999, ч. 59, л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 3.
- ⁴⁶ Там же. Л. 10.
- ⁴⁷ *Святиков С. Г.* Россия и Сибирь... С. 113.
- ⁴⁸ *Право.* 1905. 1 сент. С. 3252.
- ⁴⁹ *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 113.
- ⁵⁰ Цит. по: *Иглев С. В.* Восточно-Сибирский отдел Русского

⁵¹ географического общества и общественно-политическая жизнь Сибири (1897-1907) // Социально- политическое развитие Сибири XIX-XX вв. Новосибирск, 1982. С. 145.

⁵² *Сиб. вестн.* 1907. № 1. С. 78.

⁵³ *Нар. нужды.* Томск, 1906. 9 марта.

⁵⁴ *Кудряшов Э. Г.* Организационное оформление либеральной буржуазии Сибири в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1969. Вып. 6. С. 51; *Третьяков В. В., Третьяков В. Г.* Кадеты Восточной Сибири в 1905-1917 гг. Иркутск, 1997. С. 108.

⁵⁵ Во время расцвета партийной деятельности в 1905-1907 гг. в Сибири действовало 32 организации РСДРП, 24 эсеровских, 17 кадетских, 15 черносотенных и 12 октябристских. См.: *Шиловский М. В.* Факторы, влияющие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX — начала XX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Барнаул, 2002. С. 127.

⁵⁶ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 140, л. 3.

⁵⁷ *Мельников А. А.* Красноярская республика 1905 года // 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 52; *Ветошкин М. К.* Странички революционного прошлого // Каторга и ссылка. 1930. № 3. С. 72; *Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905-1907 гг.: Документы и материалы.* Новосибирск, 1958. С. 181, 182.

⁵⁸ *Зайцев Д.* Общественное движение в Сибири // Образование. 1906. № 3. С. 59.

⁵⁹ Цит. по: *Дегальцева Е. А.* Неполитические общественные организации Томской губернии в Первой русской революции // Общественно-политическая жизнь Сибири XX века. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 24.

⁶⁰ *Большевики Западной Сибири...* С. 464.

⁶¹ Цит. по: *Порхунов Г. А.* Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905-1914 гг.). Омск, 1993. С. 85.

⁶² *Мосина И. Г.* Либералы и пролетариат Сибири в революции 1905-1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905-1920 гг.). Томск, 1982. С. 114.

⁶³ *Головачев П.* Реальные интересы Сибири и крайне левые партии // *Сиб. вестн.* 1907. № 15. С. 5; *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // *Сибирь, ее современное состояние и ее нужды.* СПб., 1908. С. 288.

⁶⁴ ГАКК. Ф. 827, оп. 1, д. 1690, л. 209.

⁶⁵ *Соболев М. Н.* Отношения Сибирского областного союза и конституционно-демократической партии // *Сиб. жизнь.* 1905. 19 нояб.

⁶⁶ *Сиб. жизнь.* 1905. 6 дек.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 408, оп. 1, д. 39, л. 39.

Глава 4

⁶⁷ Сиб. речь. Омск, 1906. 31 июля.

⁶⁸ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 161, л. 3.

⁶⁹ Сиб. жизнь. 1905. 6 дек.

⁷⁰ ГАТО. Ф. 3, оп. 12, д. 3305, л. 47-55.

⁷¹ Соколов В. Н. Позиции сибирского капитала в Государственной думе // Молодая Сибирь. Иркутск, 1912. 8 нояб.

⁷² Сиб. жизнь. 1907. 6 мая.

⁷³ ГАТО. Ф. 411, оп. 1, д. 123, л. 292, 294; Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С. 100, 101; Азадовский М. К. С. П. Швецов // Сибирская живая старина. 1929. № 8-9. С. 244.

⁷⁴ Афанасьев А. И. О деятельности социалистов-революционеров среди рабочих Иркутской губернии в 1905-1907 гг. // Рабочие Сибири в период империализма: Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 103.

⁷⁵ Крутовский В. Периодическая печать в Томске. С. 296, 297.

⁷⁶ Потанин Г. Н. Сибирская интеллигенция после проведения Сибирской железной дороги // Сиб. вестн. 1905. 3 июня; *Он же*. Областная тенденция в Сибири. Томск, 1907. С. 8.

⁷⁷ Кучер В. В. Отношение мелкобуржуазной демократии Сибири к аграрному вопросу в период революции 1905-1907 гг. // Революция 1905-1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: Тез. науч. конф. Омск, 1985. С. 126.

⁷⁸ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 11.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 3, оп. 12, д. 3585, л. 46.

⁸⁰ Шиловский М. В. Эсеры и сибирские областники в начале XX века // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1980. № 1. Вып. 1. С. 80.

⁸¹ Швецов С. П. Областничество Г. Н. Потанина // Сиб. вестн. 1905. 21 сент.

⁸² Потанин Г. Н. Областная тенденция в Сибири. С. 9.

⁸³ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1907, д. 9, ч. 63, л. 117.

⁸⁴ Сиб. вестн. 1905. 17 авг.

⁸⁵ Швецов С. И. Областничество Г. Н. Потанина.

⁸⁶ Сватиков С. Г. Россия и Сибирь... С. 107.

⁸⁷ Соколов А. Крестьянские нужды и способы избавиться от них // Сиб. вестн. 1905. 26 нояб.

⁸⁸ Сиб. вестн. 1905. 24 нояб.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1907, д. 9, ч. 53, л. 117.

⁹⁰ Голос народа, Томск, 1918. 21 авг.

⁹¹ Колосов Е. Е. Сибирские областники и русский марксизм // Сиб. зап. Красноярск, 1916. № 4. С. 160, 161.

⁹² Сиб. жизнь. 1906. 13 янв.

⁹³ Российские партии, союзы и лиги. С. 30.

Глава 5

Сибирское областничество в межреволюционный период
(июнь 1907 — февраль 1917 г.)

§ 1. Основные тенденции эволюции областничества в 1907-1917 гг.

После поражения Первой русской революции сибирское областничество вступило в полосу кризиса, обусловленного наступлением реакции, развалом и ослаблением активности организаций политических партий, которые его поддерживали. Правоохранительные органы установили постоянный контроль за подпольем, накиннув на него густую сеть наружного и внутреннего наблюдения. Провокаторы, как смертоносный вирус, разрушали нелегальные объединения изнутри, несмотря на профилактические меры и ужесточение конспирации. Организационные трудности дополнялись идейными и тактическими разногласиями, внутренними дрязгами. О положении дел в регионе можно судить по двум фактам. В перлюстрированном жандармами письме А. Чиконского И. И. Попову от 28 апреля 1908 г. ситуация в Томске характеризовалась следующим образом: «Все население ушло в скорлупу обывательщины, жизни собственными интересами. Кое-как, чуть-чуть живы благотворительные и научные организации, общества, влачащие жалкую жизнь, равную почти полной смерти. Организации революционных партий совершенно разбиты и прекратили свое существование»¹. Активная деятельница Иркутского комитета ПСР так оценивала ситуацию в городе: «Людей нет, революционное настроение упало. Ведь разгромили повсюду больше чем надо...»².

Этот процесс затронул прежде всего организации социалистов-революционеров³. Тем не менее взаимодействие их с областниками усилилось. Помимо причин, выявленных в предшествующей главе, сближению способствовало совпадение взглядов на кооперацию. Так, в перехваченном охранкой письме эсера Н. С. Звонова, слушателя курсов по кооперации народного университета им. Шанявского в Москве, своим единомышленникам в Красноярск сообщалось: «Народу нас 190, причем около сотни съехалось из разных концов матушки России, из глуши многие, с расспросами, с рассказами, многие с верой в кооперацию такой же, какую разогревают в слушателях такие лекторы, как Туган-Барановский или Прокопович, которые положительно утверждают, что кооперация, выпочковываясь (так любит выражаться Туган-Барановский) из капиталистической организации, носит в себе дух совершенно противоположный... им представляется новый мирный путь к социализму через кооперацию»⁴.

Поэтому в Сибири эсеры начали активно внедряться в кооперативные объединения, которые явились для них «крышей», а в 1917 г. базой для воссоздания партийных структур. В политическом обзоре Восточной Сибири за 1916 г. иркутские жандармы констатировали: «В последнее время есть основания предположить, что захват власти будет сделан не революционными подпольными организациями, а легальными кооперативными объединениями, непрерывно возникающими и объединяющимися в союзы, причем руководящую роль во всех таких обществах и союзах играют социал-демократы и социалисты-революционеры»⁵. Вывод совпадает с категоричным утверждением мариинского уездного исправника, который в донесении за декабрь 1916 г. писал: «Очагом противоправительственных идей является Мариинский союз кредитных товариществ, во главе которого стоят люди с большим политическим прошлым»⁶. В период Первой мировой войны социалисты-революционеры, как и областники, заняли оборонческие позиции.

Совместно с областниками эсеры вели работу среди учащейся молодежи, прежде всего в студенческой среде Томска. О том, как она осуществлялась, можно судить по перехваченному

жандармами письму некоего Петра из Петербурга в Томск от 12 февраля 1914 г. Рассказывая о сибирском студенческом землячестве, автор описывает состоявшийся 8 февраля на частной квартире вечер-банкет студентов-сибиряков (около 40 человек), на котором присутствовали сибирские депутаты Государственной думы Н. В. Некрасов, П. С. Суханов, члены «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», включая С. П. Швецова: «Сначала несколько товарищей обрисовали современное положение сибирской студенческой организации, а затем главную часть беседы составили прения о том, что и как должно делать сейчас, чтобы выйти из создавшегося положения. По этим вопросам говорили не только студенты, но и старички, которые, кроме того, поделились своими воспоминаниями о „70 и 90-х гг.“, о Потанине, Брешко-Брешковской и других деятелях того времени. Одни предлагали встать на путь революционной борьбы, другие — на путь культурной. Много было сказано хороших, искренних и красивых слов, у многих даже слезы были на глазах. Заключительным аккордом была речь Суханова (уже за ужином в 5-м часу утра), бывшего революционера и друга Брешко-Брешковской, который сказал, что в настоящее время должно работать на пути культурном, давая свет и знания родному народу, но всегда быть готовыми выступить и на другой — революции, лишь только того потребует родина»⁷.

Областники активно взаимодействовали с кадетами, организации которых практически полностью развалились. В 1907--1917 гг. они совместно отстаивали идею земской реформы в регионе, выступали за его ускоренное экономическое развитие, ограждение интересов местных предпринимателей от конкуренции буржуазии Европейской России. Характерной чертой местного либерализма в межреволюционный период являлось сближение позиций кадетов и октябристов. В 1912 г. по этому поводу В. Н. Соколов (Мих. Садко) заметил: «Когда говорят: сибирский кадет, то значит: российский октябрист. Дистанция небольшая, конечно, менее одного шага, но размеченная не менее точно, чем складной аршин»⁸.

Следующей партией, с организациями которой у областников были налажены связи, можно назвать партию народных социалис-

тов. О влиянии энесов в Сибири этого времени можно судить по тому факту, что во II Государственной думе из 23 депутатов от региона двое вошли в их фракцию, а двое сочувствовали. Энесов и сторонников областнического движения объединяли общие народнические корни, личное знакомство с лидерами журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловским, В. А. Мякотиним. Последний в 1917 г. выдвигается кандидатом в Учредительное собрание от Томской губернии по списку Трудовой народно-социалистической партии. В программном отношении народные социалисты приближались к областническому идеалу, выступая во время выборов во II Государственную думу за широкое местное самоуправление и автономию в тех областях государства, в которых этого пожелает население⁹.

Причину союза сибирских организаций, а также ссыльных членов перечисленных партий с областничеством следует искать, как и в предшествующее время, в их социальном составе, представленном в основном интеллигенцией. Это во многом связано со слабой социальной дифференциацией городского населения Сибири начала XX в. Осуществленный Н. М. Дмитриенко анализ социальной структуры дореволюционного Томска подтверждает данный вывод. «Степень классовой поляризации в развитых российских городах была значительно выше, чем в Томске», — заключает она¹⁰.

Поэтому столь легко у отдельных образованных сибиряков происходила смена партийной принадлежности. Мы уже говорили о В. А. Караулове. Аналогичная эволюция произошла с бывшим народником Д. Е. Лаппо, ставшим одним из организаторов красноярской кадетской организации. По наблюдениям Э. Ш. Хазиахметова, подобные изменения претерпела в Сибири и определенная часть политических ссыльных¹¹.

Единая социальная база, общность целей вели к нивелировке взглядов, программных положений, тактики перечисленных политических формирований в Сибири в 1907-1917 гг. Так, В. Н. Соколов отметил: «И если в метрополии даже между Черновым и Милюковым все же существует некоторый тактического характера интервал, то в Сибири между заслуженной старой интеллигенцией („демократами“) и буржуазией (типа Востротина) все грани, кажется, стерлись»¹². Тем самым в регионе еще до 1917 г. сложились основы

для межпартийного блока, в котором областничество выступало «объединяющей платформой... связывающим звеном между либералами и мелкобуржуазными, народническими деятелями и группировками»¹³.

Определенное взаимопонимание наладилось у сторонников движения с меньшевиками. Устами Н. А. Рожкова в 1916 г. прозвучал призыв: «Забудем разногласия и пойдем рука об руку к великой цели»¹⁴. Совпадали их экономические платформы — стремление к развитию в регионе кооперации, за что активно выступали меньшевики в годы империалистической войны¹⁵.

Но центрами сосредоточения областников оставались легальные неполитические формирования. Сразу же после поражения революции 1905-1907 гг. они подверглись систематическому разгрому. «Обыски, аресты и высылки лиц, имеющих отношение к культурно-просветительной деятельности общественного характера, сделались явлением совершенно заурядным в Сибири наших дней», — констатировал журнал «Сибирские вопросы» в 1908 г. Ему вторит в одном из писем Г. Н. Потанин на примере Томска: «Только что кончилось удушие, созданное бароном Нолькеном (целых три года царил!). Все замолкло при нем. Часть учреждений перестала функционировать, потому что Нолькен закрыл их; часть молчала и бездействовала по воле своих вождей, из которых одни молчали потому, что сами были черносотенными, другие — страха ради. Школьное общество, воскресные школы были закрыты; внешкольное образование было запрещено. Общества — юридическое, сельскохозяйственное, испытателей природы — не устраивали заседаний, потому что временный генерал-губернатор требовал речительства, чтобы заседание не обратилось в митинг, а митингом называли и такое собрание, в котором раздается один какой-нибудь шальной возглас, неприятный местной администрации»¹⁶. Постепенно жизнь брала свое и общественная жизнь активизировалась.

По-прежнему лидером, идеологом движения оставался Г. Н. Потанин. В середине ноября 1907 г. начальник Томского жандармского управления доносил в Петербург: «Присовокуплено, что Потанин по агентурным сведениям известен как видный руководитель местной организации партии социалистов-революционеров, Потанин организовал союз сибирских сепаратистов, имеет непосредственное отноше-

ние с „Союзом учителей“, ведет близкое знакомство с известными деятелями местных революционных организаций»¹⁷. По его инициативе и при его деятельном участии предпринимались практически все мероприятия, направленные на реанимацию областничества.

Начиная с 1913 г. в «Сибирской жизни» публикуются «Воспоминания» Григория Николаевича, в которых последовательно проводилась мысль о прогрессивности и актуальности идей движения. В Томске вокруг него оформляется круг единомышленников и помощников, получивший название «потанинского кружка». Из ветеранов в него входили П. В. Вологодский и А. В. Адрианов. Из неопитов следует назвать выпускника юридического факультета Томского университета М. Б. Шатилова, эсера по партийной принадлежности и этнографа по научной специализации. В 1914–1917 гг. он редактировал в Томске журнал «Сибирский студент»¹⁸. Деятельным участником объединения с момента появления в Томске становится профессор юридического факультета университета Н. Я. Новомбергский. «Белой вороной» в окружении идеолога областничества выглядел В. И. Анучин: эсер, действительный член Археологического общества при Петербургском университете, Петербургского археологического общества, Русского географического общества, Общества естествознания при Петербургском университете и т. п., как титуловал он себя без ложной скромности. Его дедаческая приспособляемость, беспринципность, стремление к саморекламе, для чего не останавливался перед прямыми подлогами и фальсификациями, получили должную оценку у современников и исследователей. И тем не менее он был близок к областническому движению и постоянно участвовал во всех мероприятиях «потанинского кружка». Кроме перечисленных лиц в него входили личные друзья Потанина: Н. В. Соколов, Ф. И. Зобнин, А. Н. Шипицын, А. Н. Гаттенбергер, ответственный секретарь «Сибирской жизни» Вс. М. Крутовский.

Активно поддерживали областничество и его программные положения такие видные общественные деятели региона, как Вл. М. Крутовский, Н. Н. Козьмин, Л. И. Шумиловский, Г. Б. Патушинский, Г. И. Жерновков, П. М. Головачев, И. И. Серебренников, К. В. Дубровский, С. В. Востротин, Н. В. Некрасов, И. Г. Гольдберг,

А. Е. Новоселов, М. О. Курский, Е. Е. Колосов и другие, принадлежавшие к различным политическим течениям.

Основные надежды областники в межреволюционный период возлагают на сибирскую парламентскую группу — внепартийное объединение депутатов III и IV Государственной думы от губерний и областей Сибири. Для установления постоянных связей с регионом, для оказания помощи в разработке законопроектов при объединении в качестве внедумской организации создается «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта». Вопрос о его создании впервые поднимается в журнале «Сибирские вопросы» в 1907 г., 4 марта 1908 г. утверждается устав формирования, а 19 марта проходит учредительное собрание головного петербургского отдела. До 1913 г. создается ряд местных отделов общества в Тобольске, Тюмени, Ишиме, Омске, Мариинске, Новониколаевске, Томске, Бийске, Якутске, Москве, Красноярске, Иркутске, Тулуне, Братске.

Деятельность объединения, согласно уставу, преследовала три цели. Во-первых, сбор материалов для изучения и освещения различных вопросов внутренней жизни региона; во-вторых, научное исследование различных сторон этой жизни путем организации комиссий и экспедиций; в-третьих, распространение научных сведений посредством публичных лекций и издания научных трудов. Формирование представляло самостоятельную общественную организацию, находящуюся на полном самофинансировании за счет членских взносов и пожертвований. Касаясь состава местных структур, И. А. Якушев позднее подчеркивал: «В местных отделах Русского географического общества и местных „Обществах изучения Сибири и улучшения ее быта“ концентрировалась наиболее активная часть областнической интеллигенции»¹⁹.

Руководителем головной организации — петербургского отдела «общества изучения Сибири и улучшения ее быта» избирается депутат Государственной думы от Томской губернии профессор Н. В. Некрасов (член ЦК ПНС). В состав правления вошли С. И. Аккерблом, В. И. Дзюбинский, А. А. Кауфман, А. А. Корнилов, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов, Н. Л. Скалзубов, М. П. Соколов²⁰. Общее число членов достигло максимума в 214 человек к весне 1910 г. Состав организации был крайне пестрым — эсеры и народники (В. И. Анучин,

Д. А. Клеменц, М. А. Кроль, Вл. М. Крутовский, М. Н. Костюрина, С. П. Швецов, В. И. Моравский, П. В. Вологодский), социал-демократы (Т. О. Белоусов, М. К. Ветошкин, П. А. Казанский, А. А. Войлошников, Ф. Н. Чиликин), областники (А. В. Адрианов, Г. Н. Потанин, П. М. Головачев). Но кадетское представительство явно доминировало: членами общества являлись видные партийные деятели, члены ЦК А. А. Корнилов, А. А. Кауфман, А. И. Шингарев, а также лидеры местных организаций: А. А. Балакшин, А. Н. Букейханов, Р. Л. Вейсман, С. В. Востротин, А. В. Витте, П. П. Кокоулин, Н. В. Некрасов, А. А. Скороходов, В. К. Штильке, Н. К. Волков, И. П. Лаптев, В. Л. Малеев, Т. И. Тихонов и др. Отдел начал регулярно проводить общие собрания и заседания комиссий (земской, юридической, экономической, рыболовной, инородческой, путей сообщения). Например, в 1909 г. состоялось 9 общих собраний, на которых заслушивались и обсуждались доклады В. А. Виноградова, Н. Л. Скалозубова, Б. А. Вилькицкого, А. В. Колчака, П. И. Чермака, С. П. Швецова, Н. В. Некрасова и А. А. Попова.

Из собственно сибирских формирований особое место занимали действовавшие в губернских и областных центрах. Так, иркутский отдел Общества изучения Сибири образовался в 1912 г. Среди его учредителей были эсеры М. П. Овчинников, Г. Б. Патушинский, И. Г. Гольдберг, К. В. Дубровский, М. А. Кроль, первый председатель отдела, автор популярной брошюры, посвященной объединению²¹. В 1912 г. в отделе числился 71 человек, в основном интеллигенты, к концу 1914 г.— 415 человек²². Областников в нем представляли И. И. Серебренников и И. А. Молодых. Отделение в Томске открылось в 1911 г. при участии Г. Н. Потанина. В феврале 1915 г. на отчетно-выборном собрании избирается его новый Совет в составе: профессор А. В. Горбунов (председатель), профессор М. А. Усов (заместитель председателя), В. Я. Шишков (казначей), Л. А. Уткин (секретарь) и два члена — Г. Н. Потанин и профессор С. И. Солнцев²³. Кроме того, Потанин стоял у истоков новониколаевского отдела упомянутого общества, оформившегося в конце 1912 г. В январе 1913 г. он направил поздравительное письмо его председателю, присяжному поверенному Г. И. Жерновову, в котором, в частности, заметил: «Не сомневаюсь, что Вы с ин-

тересом следите за развивающимся в сибирской прессе оживлением интереса к сибирской областной думе»²⁴. Интересно, что и последний в специальной статье прямо связал возникновение отделов «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» с необходимостью пропаганды областнических идей, а Потанина квалифицировал как «теоретического обоснователя сибирского областного патриотизма, так называемого „сибирского областничества“»²⁵.

Примером провинциального отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» может служить тулуновский (Иркутская губ.), объединявший местную интеллигенцию и политических ссыльных. В начале деятельности (июль 1913 г.) в него записалось 60 человек, в ноябре 1914 г. насчитывалось 142, а на 1 января 1915 г.— 136 человек. Представляет интерес профессиональный состав и образовательный уровень его членов. На январь 1915 г. среди них имелось: 28 торговых служащих, 24 учителя, 11 конторщиков, 7 фельдшеров, 5 врачей, 6 ремесленников, 3 крестьянина, 2 адвоката. По образованию 8 имели высшее, 29 — среднее, 100 — низшее и домашнее²⁶. Интерес представляет деятельность самого отдела. Он выписывал журналы «Русское богатство» и «Сибирский архив». Библиотека насчитывала 1 200 экз., функционировало несколько секций и музеев. В 1915 г. было проведено пять собраний тулуновского отдела.

Следующей организацией, активно использовавшейся областниками в своих целях, уже традиционно были отделы и подотделы Русского географического общества (РГО), деятельными членами которых являлись А. В. Адрианов, Г. Н. Потанин, Н. Н. Козьмин, Г. Б. Патушинский, И. И. Серебренников, В. И. Анучин и др. В отличие от «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», подразделения РГО в Сибири имели четко выраженный научно-исследовательский характер и занимались комплексным изучением территории. Полученные при этом материалы сторонники движения использовали в своих работах для обоснования теоретических положений. Например, при обсуждении доклада М. А. Колобова об экономическом положении забайкальской деревни, прочитанного в декабре 1915 г. на заседании читинского отдела РГО, его член ссыльный социал-демократ В. Н. Соколов «вносит предложение, чтобы забайкальский отдел издал труд о земстве в Забайкалье,

выяснив, на каких основаниях должно быть введено земство". Вслед за ним землеустроитель М. И. Воронович заявляет, что «только демократическое земство способно вывести забайкальскую деревню на правильный путь»²⁷.

Сторонники движения активно использовали в своих целях периодическую печать, боролись за влияние в местных повременных изданиях, хотя в периодике во все большей степени начинают подниматься общероссийские проблемы. Более того, издание чисто «сибирского» журнала «Сибирские вопросы» провалилось. В течение восьми лет он выходил в Петербурге благодаря ежегодным дотациям В. П. Сукачева, но неуклонное сокращение числа подписчиков (1 544 — в 1912 г., 393 — в 1913 г.) вынудило прекратить издание²⁸.

Поэтому в течение всего анализируемого периода областнические лидеры неоднократно высказывались за создание собственного периодического органа и пытались что-то сделать в этом направлении. Но основным рупором движения оставалась томская «Сибирская жизнь», вокруг редакции которой группировалась большая часть актива: А. В. Адрианов, В. И. Анучин, Г. Н. Потанин, М. Б. Шатилов, Вл. М. и Вс. М. Крутовские. В газете появились все значимые произведения сторонников движения этого периода, прежде всего «Воспоминания» Г. Н. Потанина.

В связи с их публикацией в периодике разгорелась острая полемика между социал-демократами, в основном политическими ссыльными М. К. Ветошкиным, В. Н. Соколовым, Н. Ф. Чужаком, Н. А. Рожковым, В. Е. Воложаниным, и областниками относительно актуальности, прогрессивности и перспективности областного движения. Марксисты квалифицировали его как реакционное течение общественной мысли, выражающее интересы сибирской буржуазии, объективно направленное на раскол освободительного движения в России и установление контроля над рабочим классом региона²⁹. В защиту концептуальных подходов областничества выступили его активные сторонники — В. И. Анучин, Л. И. Шумиловский, Л. Германов, Е. Е. Колосов и др.

Подключился к полемике и автор «Воспоминаний», заметивший, что «г. Ветошкин, кажется, подозревает, что под сибирским областничеством скрывается защита интересов сибирской буржуазии, или,

по крайней мере, он хочет предостеречь сибирских патриотов от опасности попасть в ловушку местной буржуазии; подозревать сибирских патриотов в прислужничанье местной буржуазии нет никаких оснований; почти все представители этого течения вышли не из рядов сибирского купечества; сибирские газеты, проводившие идею областничества, были основаны бедными местными литераторами на свои грошовые средства. Впоследствии в Сибири появились шаблонные буржуазные газеты, но в них областническая идея всегда отсутствовала. Г. Ветошкин, кажется, опасается, что областническая идея сама по себе сыграт на руку местной буржуазии». Чтобы этого не произошло, «нужно на месте в провинции создать необходимые социальные условия, создать организацию, посредством которой местное население могло бы собственными силами защищаться как против внешней эксплуатации, так и против внутренних эксплуататоров. Дать народным массам провинции политическое образование, сделать их способными к тому, чтобы они могли сами защищать свои интересы, это в данном случае лучшее средство, чем та опека из прекрасного далека, которую нам сулит г. Ветошкин. Когда мы будем надеяться на собственные силы, это будет вернее»³⁰.

Поэтому сторонники движения не теряли надежды на создание собственного «толстого» журнала. В какой-то степени эти надежды оправдались с началом издания в 1916 г. в Красноярске Вл. М. Крутовским общественно-политического и литературного журнала «Сибирские записки», имевшего ярко выраженную областническую окраску. Выпуск его вызвал восторг у Потанина, провозгласившего редактора продолжателем дела Н. М. Ядринцева, а «Сибирские записки» возрождением сибирской прессы, «лучше сказать, ядринцевской прессы»³¹.

Окончательно испортились в межреволюционный период отношения сторонников движения с политической ссылкой, в которой преобладали социал-демократы и эсеры. По выборочным данным, среди ссыльнопоселенцев доминировали рабочие — 55,7%, на втором месте стояли служащие — 35,7% и замыкали список учащиеся — 3,8%. Пролетаризация ссылки не отразилась на уровне образования ее представителей. Число лиц, имевших начальное образование, в

1914-1917 гг. составило 56,1%, среднее — 14,9, высшее — 5,7%³². Существенно изменилась в это время и психология невольных обитателей региона. В. К. Иков подчеркивал в своих мемуарах: «Посмотрев и посравнив век нынешний и век минувший, т. е. нас и стариков, я понял, почему наши предшественники наложили неизгладимый отпечаток на культуру Сибири, а мы оставили еле уловимый след. Все дело в объеме, глубине и качестве культурности старого (народнического.— *М. Ш.*) революционного мира и нашего; это небо и земля, мы нищие по сравнению с ними. Братья М. и Н. Бестужевы и Д. А. Клеменц дали Сибири больше, чем вся новая ссылка 90-900 (1890-х — 1900-х.— *М. Ш.*) годов»³³.

В целом, областникам в течение 1907-1916 гг. не удалось создать собственных организаций и добиться сколь-нибудь широкого распространения идей движения в регионе, хотя попытки в этом направлении предпринимались. Одна была связана с деятельностью «Сибирского кружка томских студентов» (1907-1911), образованного по инициативе эсеров³⁴. Его программа предусматривала создание благоприятных условий для изучения Сибири студентами и «культивирование в них научного интереса к своей родине». Почетными членами объединения были избраны Г. Н. Потанин и А. В. Адрианов. В 1908—1909 гг. кружок разрабатывал вопрос о создании в Томском университете кафедры сибиреведения, собирал материалы о порто-франко в устьях Оби и Енисея. Его члены стали первыми слушателями доклада Потанина «Областническая тенденция в Сибири»³⁵. Кроме того, они занимались пропагандой автономистских идей среди интеллигенции³⁶. Кружок прекратил существование на рубеже 1910-1911 гг. в связи с полным развалом эсеровской организации в городе.

Следующая попытка относится к 1915 г. и связана с деятельностью В. И. Анучина. Как можно судить из документов охраны, он вместе с М. Б. Шатиловым и студентом-юристом Михайловым попытался реанимировать Сибирский областной союз, используя для этого сибирские землячества университета и технологического института. Программа союза, точнее, один-единственный пункт об отношении к войне повторял центристскую позицию части эсеров-

кой партии. Союз распался к вящему удовлетворению жандармов, «не успев ничем проявить своей деятельности»³⁷.

Самая серьезная попытка привлечения внимания к областничеству связана с празднованием 80-летнего юбилея Г. Н. Потанина в 1915 г. Созданный при томском отделе «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» оргкомитет предполагал использовать это событие для пропаганды лозунгов движения, для того, чтобы доказать, что «Сибирь впервые выступает как одно целое, что лозунг областного самосознания восприняли все отчетливо»³⁸.

Действительно, празднование юбилея Потанина приобрело общесибирский характер. Практически все местные повременные издания посвятили юбиляру целые развороты и статьи. В ряде городов (Омск, Новониколаевск, Томск) городские думы приняли решение о переименовании улиц в Потанинские и направили в Томск на торжества свои делегации. Омское городское самоуправление в памятном адресе обращалась к имениннику: «Вам — первому гражданину Сибири, открывшему миру духовную и экономическую мощь страны изгнания. Вам — потерпевшему в борьбе за лучшие идеалы человечества, научившему ряд поколений любить суровую страну — нежной любовью детей; Вам — поборнику свободы и знаний и лучшего общественного устройства Сибири, общественное управление города Омска приносит привет в день восьмидесятилетней годовщины Вашего рождения»³⁹. Юбилея от имени бурят в национальном костюме приветствовал крупный торговец И. Пирожков, а один из лидеров национального движения Э.-Д. Ринчино назвал его «нашим идейным отцом, дедушкой общесибирской областной интеллигенции без различия национальностей»⁴⁰.

Был выпущен ряд брошюр и юбилейных сборников с описанием жизненного пути и заслуг идеолога областничества, переизданы его отдельные работы. На его имя было направлено более 500 памятных адресов, несколько сот писем и телеграмм. Поздравления прислали А. М. Горький, В. Я. Шишков, В. Г. Короленко, редакции журналов «Русское богатство», «Голос минувшего», «Современник». Например, В. Я. Шишков в своем письме трогательно подчеркнул: «Вся Россия не забыла Вас, вся Россия так или иначе оценила Вашу подвижническую жизнь. Если бы Вас знали русские мужики и бабы,

то наверное, они из всех губерний России стекались бы на поклон к батюшке Григорию, за назиданием и живой водой»⁴¹.

Апогеем празднеств стало торжественное заседание в зале городского общественного собрания Томска 21 сентября 1915 г. На нем с докладами о научной деятельности юбиляра выступили профессор А. В. Горбунов, М. А. Усов, М. Н. Сперанский. П. В. Вологодский охарактеризовал его как публициста и общественного деятеля. Г. Е. Катанаев поздравил от имени Сибирского казачьего войска и Западно-Сибирского отдела РГО. Юбилей отметили во многих городах региона. Отвечая на приветствия и поздравления, Г. Н. Потанин, поблагодарив собравшихся, заговорил о местном патриотизме, подчеркнув: «Необходимо пробудить провинцию к деятельности. Для этого необходимо помочь расчленению территории на области, расчленив и государственные финансы — разделить их на областные. Нужно пробудить в провинции творческую деятельность и в науке, и в искусстве, и в законодательстве. Необходимо университеты лишить их нынешнего бюрократического характера и из государственных учреждений превратить в областные»⁴².

Тем не менее использовать юбилей для консолидации областнических сил Сибири и создания определенной организации не удалось, вернее, такая задача просто не ставилась. Постфактум Г. И. Жерновков высказался в том плане, что празднование 80-летия показало полную раздробленность и разобщенность общественных сил Сибири⁴³.

§ 2. Концепция социально-экономического развития Сибири в работах сторонников движения начала XX века

В период между революциями областники в своих экономических воззрениях продолжали эклектически сочетать либеральные требования ускорения капиталистического развития региона с неонародническими утверждениями о возможности реализации альтернативного варианта эволюции к неопределенной «новой системе хозяйства»⁴⁴. При этом все их построения базировались на фундаментальном положении о колониальной зависимости экономики Сибири от метрополии.

Любые попытки подчеркнуть общность процессов экономического

развития региона и всей страны встречали решительное возражение сторонников движения. Так, М. Б. Шатилов подверг резкой критике публичную лекцию видного экономиста меньшевика П. П. Маслова, пропагандировавшего эту мысль. Более того, он утверждал, что антагонизм между колонией и метрополией будет обостряться⁴⁵. Этот тезис получил обоснование в другой его публикации, где делался вывод: «Сибирь, несомненно, в близком будущем сделается страной промышленной с интенсивной внутренней жизнью, и тогда уже из оборонительного положения в области экономики она должна перейти в наступательное, т. е. она выступит солидным конкурентом других смежных хозяйственных единиц»⁴⁶.

Исходя из этого тезиса сторонники движения и формулировали свои представления по данному вопросу «В настоящее время сибирское мыслящее общество стремится взять иод свою защиту новые, органически жизненные интересы Сибири,— писал в 1911 г. Г. И. Жерновков,— охрану естественных богатств Сибири от расхищения метрополией, охрану сибирской торговли и промышленности от эксплуатации привилегированных российских земледельцев и фабрикантов и проч. и проч.»⁴⁷.

Проблема борьбы против экономической зависимости от буржуазии России, объективно выражавшая интересы местных предпринимателей, проходит красной нитью через публицистические выступления областников 1907-1917 гг.

Отталкиваясь от положения о колониальной зависимости местной экономики, сторонники движения придерживались, согласно П. В. Блинову, «концепции неопределенности пути экономического развития Сибири»⁴⁸. Хотя они признавали генезис капиталистических отношений, но в основном областнический актив стоял на признании зачаточности этого процесса. Областники консолидировались в констатации преобладания докапиталистических форм хозяйства в многоукладной экономике региона. Но в оценках будущего лидеры движения высказывали две точки зрения.

Согласно первой, это будущее связывалось с дальнейшим развитием капиталистических отношений. Так, М. Б. Шатилов замечал: «Разделяя вполне точку зрения... что Сибирь в дальнейшем

пойдет по тому же пути капиталистического развития, на котором уже находятся западноевропейские страны, что этот путь есть неизбежный ход общего экономического процесса, мы склонны утверждать, что в силу естественно-исторических и социально-экономических особенностей Сибирь в прошлом резко отграничилась не только в „степени“, но и в „типе“ хозяйственного развития от Европейской России»⁴⁹.

На основании этого часть сторонников движения поддержала либералов, выступивших с программой интенсификации развития рыночных отношений в регионе. «Как бы мало ни была развита Сибирь в промышленном отношении, несомненно, рано или поздно и она будет приобщена к капиталистической культуре, и в ней будут вызваны к жизни новые производительные силы», — утверждал И. И. Серебренников⁵⁰. Его поддерживал В. И. Анучин, убежденный в том, что Сибирь уже вступила в полосу индустриального развития⁵¹. Рупором этого альянса стала сибирская парламентская группа в Государственной думе.

Большая часть областников придерживалась неонароднических воззрений и далее из признания факта развития капиталистических отношений делала иные выводы. Так, Н. Н. Козьмин утверждал, что в Сибири «не может быть развития ни капиталистического хозяйства, ни сельскохозяйственного пролетариата» из-за отсутствия обрабатывающей промышленности и рынков сбыта сырья⁵². Поэтому сторонники этого направления заявляли об искусственности развития капитализма в результате притока капиталов из центра страны. Альтернативой провозглашалась кооперация. В самом общем виде они, вместе с эсерами, рассматривали ее как «новый мирный путь к социализму»⁵³.

Тезис о зачаточности капиталистических отношений использовался для доказательства отсутствия классового антагонизма в Сибири, что служило основанием для призыва к объединению всех социальных групп региона под областническим лозунгами. «Разве рабочих, и крестьянин, и сибирский буржуа, и городская разночинная интеллигенция не заинтересованы в беспрепятственном развитии производительных сил страны, в быстром удовлетворении ее культурных нужд, в правильной постановке местного хозяйства?» — вопрошал Л. И. Шумиловский⁵⁴.

Рупором идей капиталистического развития экономики Сибири выступала сибирская парламентская группа в Государственной думе. Руководство в ней захватили кадеты во главе с Н. В. Некрасовым и В. А. Карауловым. Группа объединяла не только депутатов-сибиряков, но и внепарламентский актив. О характере и направленности деятельности объединения можно судить по тем комиссиям, которые были созданы для разработки актуальных вопросов сибирской жизни. «Комиссий,— замечает И. Г. Мосина,— было семь: аграрная, подразделявшаяся на переселенческую, землеустроительную и иногороднюю; по местному самоуправлению и финансам; по вопросам о путях сообщения и порто-франко; о народном образовании; судебная с вопросом ликвидации ссылки; инородческая; торгово-промышленная»⁵⁵.

Программа деятельности группы в III Государственной думе формулируется в выступлениях на ее сессиях Н. В. Некрасова, Н. К. Волкова. С. В. Востротина. Она сводилась к требованиям расширения сети транспортных коммуникаций в регионе, создания условий для ускоренного развития промышленности, проведения землеустройства на основе частной земельной собственности, отмены пошлин на ввозимое монгольское сырье, улучшения условий выдачи кредита для золотопромышленности. Среди политических требований депутатов отметим требования увеличения представительства в Думе от региона с 14 до 52 депутатов и введения земства.

Г. Н. Потанин и большая часть областнического актива поддерживали эту программу. О том, как они реагировали на деятельность сибирских депутатов, можно проследить по их отношению к основным экономическим вопросам, которые поднимались парламентской группой: пути сообщения и порто-франко; торгово-промышленный.

«Отсутствие промышленных капиталов и путей сообщения — вот два общепризнанных фактора,— восклицал В. И. Анучин.— Конечно, Сибирь ни в коем случае не может оставаться на роли поставщика сырья, для этого она и географически избыточно велика, да и рост населения ее идет слишком интенсивно»⁵⁶. Таким образом, развитие промышленности и транспорта областники рассматривали взаимосвязанно, поскольку возможности выхода на внешние рынки

сибирской товарной продукции во многом ограничивались Челябинским тарифным переломом, намного удорожавшим перевозки. К тому же предприниматели России не рассматривали сибирских коллег как серьезных конкурентов. Наконец, «наиболее массовым типом буржуазии здесь (в Сибири.— *М. Ш.*) оставался торговец-ростовщик, олицетворяющий капитал „первоначального накопления“⁵⁷, зависимый в плане получения кредитов от капиталистов Европейской России.

Союзником в борьбе за экономическую независимость, по мнению сторонников движения, мог стать иностранный капитал, для проникновения которого в Сибирь планировалось восстановление порто-франко в устьях Оби и Енисея. Но царское правительство отрицательно относилось к этой идее, и вопрос даже не обсуждался в Думе. Еще одним импульсом для быстрого экономического развития должен был стать геополитический фактор. Поражение в Русско-японской войне серьезно ослабило позиции России в Центральной Азии, прежде всего в Китае. Близкий к областникам видный сибирский предприниматель А. М. Сибиряков писал по этому поводу в 1907 г.: «Иное дело было бы, если бы в Сибири были установлены заводы и фабрики и сбыт их произведений был бы обеспечен в Китае, что вполне естественно, казалось бы, предполагать ввиду соседства его с нами»⁵⁸. Но реализовать этот амбициозный проект не удалось как раз из-за финансовой слабости местной буржуазии. «Рост русского влияния в Монголии после 1911 г. имел под собой весьма слабую экономическую базу,— констатировал А. В. Бурдуков.— Разрозненный мелкий торговый капитал не отвечал политическим задачам, поставленным русской дипломатией, не располагал достаточными средствами и аппаратом, способным бесперебойно обслуживать освободившийся от китайцев монгольский рынок»⁵⁹.

Таким образом, в период 1907-1916 гг. сибирские областники по-прежнему не признавали развития капиталистических отношений в экономике региона. Определенная их часть считала подобное положение нормальным и с неонароднических позиций предлагала, как и ранее, развивать «истинно народные» формы производства, прежде всего кооперацию в сельском хозяйстве. Взгляды другой части совпадали с идеями местных либералов, которые в своей программе рато-

вали за стимулирование местной промышленности и повышение ее конкурентоспособности за счет привлечения иностранного капитала и вывоза за границу сибирского сырья. Благоприятные условия для этого открывались, по их мнению, введением порто-франко в устьях Оби и Енисея и развитием торгового судоходства по Северному морскому пути. Суммируя эти предложения, Г. Н. Потанин заявлял в 1908 г.: «Все искусственные меры, придуманные метрополией к тому, чтобы помешать стремлениям колонии сравнять свою промышленность и торговлю с метрополией, необходимо упразднить, как, например, челябинский перелом железнодорожного тарифа, учрежденный с целью воспрепятствовать сибирскому хлебу конкурировать с хлебом метрополии на всемирном рынке, или, например, закрытие порто-франко на устьях Оби и Енисея в угоду владельцам русских фабрик стеариновых свечей, опасующимся ввоза свечей из Англии. Сибири должно быть предоставлено право пользоваться известным процентом с доходов государственной казны от золотопромышленности, с таможен, устроенных на сибирско-азиатской границе, и с других регалий и государственных монополий»⁶⁰.

Серьезное внимание областники в межреволюционный период уделили проблемам развития сельского хозяйства региона. Большая их часть отстаивала приоритет аграрного развития Сибири. Одним из первых идею создания аграрно-промышленного комплекса в регионе сформулировал П. М. Головачев. Развивая ее, А. М. Мелких и В. И. Анучин предлагали из экспортных соображений стимулировать развитие таких отраслей, как мукомольная, маслодельная, мясоконсервная и т. п.⁶¹

В основу областнического взгляда на развитие сельского хозяйства была положена неонародническая теория о крепком, трудовом старожильческом крестьянстве региона, которое, при отсутствии помещичьего землевладения, будет осуществлять некапиталистическую эволюцию деревни. Не всегда последовательно ее отстаивали Н. Н. Козьмин и примыкавший некоторое время к областникам эсеровский публицист Д. И. Илимский (Голенищев-Кутузов)⁶². Их теоретические наработки опирались на крестьянские представления: «... освященное традицией право крестьянина на труд на земле и плоды своего труда, причем абсолютен приоритет трудового

пользования землей — равенство прав всех, кто ее обрабатывает своим трудом, ибо труд на земле — основа человеческой жизни»⁶³.

Сторонники движения отрицали возможность развития капиталистического хозяйства в деревне, поэтому выдвигали свое видение аграрно-переселенческого вопроса. Прежде всего они, в союзе с кадетами, эсерами и трудовиками, выступили против правительственного законопроекта о землеустройстве в Сибири, обсуждавшегося в III Государственной думе. «Справедливость требует,— писал Г. Н. Потанин,— чтобы при решении вопроса об эксплуатации сибирского поземельного фонда принимались в расчет не одни интересы метрополии, желающей снабдить землей безземельных крестьян, ослабить земельную нужду в метрополии, уменьшить опасность погромов для аграриев, а также и интересы сибирских старожилов, как русских жителей Сибири, так и сибирских инородцев»⁶⁴.

В начале XX в. областники, объединившись с эсерами, пытались приспособить общину к современным условиям путем интеграции общины и маслодельной артели, а также ускоренного развития кооперации. Сторонникам движения импонировала точка зрения Д. И. Илимского, рассматривавшего в годы Первой мировой войны Сибирский союз маслодельных артелей как пример, который «должен лечь в основу всей нашей будущей политики в Сибири»⁶⁵. Кооперация рассматривалась областниками как мощное средство предотвращения дальнейшего расслоения деревни, проявление народной инициативы. «Сибирский крестьянин вынес кооперацию на своих плечах,— замечал по этому поводу Ю. Байкальский.— И только отчасти, уже после довольно значительных успехов чисто крестьянской кооперации, на помощь пришел со своей организацией Балакшин»⁶⁶. Положительное воздействие кооперации виделось, прежде всего, в противодействии проникновению капиталистических элементов в деревню. «Кооперативная организация оказалась единственной силой, способной бороться с необычным натиском хищнических агентов торговцев»,— утверждал М. Б. Шатилов⁶⁷.

Но областники смотрели на кооперацию не только как на экономическое явление. Они придавали ей большое значение в связи с борьбой за местное самоуправление. «Только что закончился съезд союза сибирских маслодельных артелей,— с умилением сообщал

Ф. И. Зобнин Г. Н. Потанину в декабре 1913 г.,— на котором наши сибирские мужики решали свои дела на манер земского собрания»⁶⁸. Сторонники движения хотели использовать кооперативные объединения, во-первых, для пропаганды идей земского, в том числе областного, самоуправления среди крестьян. Во-вторых, они рассматривали кооперацию как своеобразную школу земского самоуправления, дающую определенные организаторские навыки. В-третьих, кооперативные объединения рассматривались как эрзац, заместитель земства в регионе⁶⁹.

Здесь ставка делалась на зажиточную верхушку деревни. Так, Д. И. Илимский замечал по этому поводу: «Наиболее активным в общественном отношении элементом является та группа, которую принято называть „зажиточной“, т. е. сельская буржуазия. Пусть этот факт печален с точки зрения демократизма общественного самоуправления, но он все же остается фактом, с которым надо считаться... Вот, думается мне, тот слой деревни, откуда выйдут первые работники сибирского земского дела»⁷⁰.

Забота о кулацкой старожильческой верхушке деревни со стороны областников отчетливо проявилась в переселенческом вопросе. «Попытка утолить земельный голод российских крестьян путем их массового переселения в Сибирь, причем, несомненно, должны пострадать интересы старожильческого населения последней,— является одним из самых угрожаемых явлений текущего момента»,— резюмировала редакция журнала «Сибирские вопросы»⁷¹. Идеальным кандидатом в местные земледельцы, по их мнению, могли стать только зажиточные крестьяне. «Сибири же, с ее суровыми условиями жизни, как раз и нужны „сильные“ элементы русской деревни. Слабый, обездоленный элемент, зря поднятый на переселение, только послужит к развитию в Сибири в широком размахе пауперизма, для которого неизменным исходом будет только вымирание»,— вещала иркутская «Восточная заря»⁷². Но указанная особенность областнического взгляда на переселения была несущественной, так как на практике его реализовать не удалось, и в принципе он был утопичен. Российским кулакам не имело смысла переселяться в Сибирь, так как они успешно обогащались у себя на родине.

Таким образом, в межреволюционный период областники, солидаризируясь с неонародниками и либералами, выступали в защиту экономических интересов зажиточной старожильческой части деревни по всем основным вопросам аграрного развития (кооперация, землеустройство, переселения). Объективно реализация этой программы способствовала развитию капитализма в сибирской деревне. В этот период не произошло серьезных изменений и в отношении сторонников движения к экономике Сибири: все их предложения сводились к либерально-народническим проектам, объективно ведущим к

развитию рыночных отношений.

§ 3. Областники и внутренняя жизнь региона в межреволюционный период
В 1907-1916 гг. основные усилия сторонников областнического движения были направлены на борьбу за введение земства в регионе, в чем их активно поддерживали представители практически всех политических партий. Однако они по-разному представляли принципы его формирования: либералы выступали за его организацию на основе земского положения 1890 г., допуская организацию мелкой (волостной) земской единицы, а эсеры предлагали взять более демократичное земское положение 1864 г., дополнив его двумя элементами — волостным всесословным земством и областной единицей, «объединяющей все губернские земства Сибири»⁷³.

Поскольку основные усилия в борьбе за самоуправление сосредоточились в Государственной думе, эсеры оказались отстраненными от конкретной реализации любых проектов. Поэтому, чтобы оказать воздействие на этот процесс, они все усилия направили на периодическую печать. Разработанные в 1905 г. многочисленные проекты земской реформы, в частности «Основные положения Сибирского областного союза», подверглись существенной корректировке. Так как основные надежды возлагались на Думу, то вставал вопрос уже не об оптимальном варианте ее для Сибири, а о любом. При этом либералы и областники в принципе отстаивали идею областного самоуправления⁷⁴. Более того, например, Н. В. Некрасов,

вслед за И. И. Поповым, считал целесообразным «образование не одной, а нескольких областных дум»⁷⁵.

Дискуссия затронула и комиссию по местному самоуправлению, созданную сибирской парламентской группой в III Государственной думе. В ней, по сведениям Н. Л. Скалозубова, определились три течения: одни стояли за введение земства на базе «Основных положений Сибирского областного союза»; вторые предлагали взять за основу земское положение 1864 г.; третьи поддерживали законопроект кадетской фракции в Думе, разработанный на принципах действующего земского положения⁷⁶. В конечном счете, «по чисто техническим соображениям, исключительно в целях скорейшего проведения законопроекта через законодательные учреждения»⁷⁷, а вернее, вследствие наступившей реакции («лучше иметь какое-нибудь земство, чем не иметь никакого»)⁷⁸, было решено принять за основу земское положение 1890 г.

23 мая 1908 г. закончилась разработка законодательного предложения, подписанного 101 депутатом Думы, о введении в сибирских губерниях и областях земского самоуправления, которое обсуждалось на заседании Государственной думы 19 ноября 1908 г. Осуществление этого предложения признается желательным, и кадетская фракция создает специальную подкомиссию по разработке законопроекта во главе с князем А. Д. Голицыным. Докладчиком от нее назначается В. А. Караулов.

В течение года подкомиссия подгоняла законопроект под земское положение 1890 г. «с теми лишь изменениями, которые неизбежно вызывались местными особенностями Сибири»⁷⁹. В основном они коснулись избирательной системы. Поскольку в регионе отсутствовало помещичье землевладение, подкомиссия решила разделить избирателей на две курии — крестьянскую и частновладельческую. В уездное земское собрание крестьянская курия должна была избирать по одному гласному от каждой волости. Полный ценз по второй курии давало или обладание землей (80 десятин в Тобольской губернии и 150 в любой другой) либо недвижимостью, обложенной земским сбором не ниже 7 680 руб., или уплата с торгово-промышленных свидетельств в тех же размерах. Таким образом, предлагалось ввести прямые выборы гласных от сельских обществ,

снизить имущественный ценз, установить бессловные выборы гласных от сельских обществ.

В ходе работы подкомиссии В. А. Караулов предложил предоставить пассивное избирательное право лицам, не соответствующим требованиям имущественного ценза, но проживающим не менее года в данном уезде и окончившим курс в учебном заведении не ниже начального. Перевесом в один голос проект был отклонен, и подкомиссия предложила предоставить земским собраниям право избирать на руководящие земские должности лиц, не обладающих имущественным цензом, но проживающих в уезде не менее трех лет и имеющих право на производство в низший классный чин (коллежский регистратор). А его, согласно закону, могли получить лица, закончившие высшее учебное заведение без защиты кандидатской диссертации. Таким образом, от планируемого земства отсекалась мелкобуржуазная интеллигенция. При такой избирательной системе местное самоуправление полностью попадало под контроль либералов.

Законопроект вносится на обсуждение Государственной думы в самом начале 1912 г. и утверждается 30 января. Предстояло его окончательное принятие в Государственном совете. Но уже тогда наиболее проницательные политики, например С. В. Востротин, предсказывали его провал⁸⁰. Действительность подтвердила пессимистический прогноз. 5 мая 1912 г. практически без обсуждения Государственный совет отклонил предложение о земском самоуправлении в Сибири. «Частного поместного землевладения в Восточной Сибири нет,— сообщала по этому поводу иркутская „Новая Сибирь“,— и земского самоуправления Государственный совет восточносибирским губерниям не даст — не даст в тех урезанных формах, которые установлены положением 1890 г. А следовательно, глубокую ошибку делают те сибирские депутаты, которые вздумают торговаться с Государственным советом, урезая свои лозунги, соглашаясь на уступки, голосуя за уродливые, устаревшие законы — вообще занимаясь той парламентской игрой, которую либералы считают реальной политикой»⁸¹. Бесперспективность ожидания от самодержавия решения вопроса о местном самоуправлении вынуждены были признать и областники⁸². В передовой «Сибирская жизнь» от 16 июля 1913 г., подводя итоги деятельности III Государственной думы, признавала: «Ко-

роче говоря, ни один областной вопрос в Думе не обсуждался по существу, разрешение их всецело предоставлено бюрократическим учреждениям. .. Если в довершение всего вспомнить, что и земство отошло в область миражей, то трудно не признать, что Сибирь вновь оказалась у разбитого корыта»⁸³.

Борьбу за земство сибирские либералы и областники продолжили во время Первой мировой войны. П. В. Вологодский призвал местные общественные организации усилить давление на своих депутатов по этому поводу в IV Государственной думе⁸⁴. Еще раньше, а именно 8 августа 1915 г., сибирская парламентская группа также подняла вопрос о земстве. Она собрала под законодательным предложением, в основном повторяющим отклоненный в 1912 г. законопроект, 72 подписи. Резко против него выступили представители МВД. Указанное ведомство 22 декабря 1916 г. выдало свой проект о земском самоуправлении в Тобольской и Томской губерниях с одновременным выделением из последней Алтайской губернии⁸⁵, который так и не был реализован.

В годы Первой мировой войны для пропаганды идей местного самоуправления и областной думы сторонники движения вместе с либералами активно использовали местные отделы Всероссийского союза городов и их съезды. Съезд западносибирских городов состоялся в Омске 11-13 апреля 1915 г. В первом номере созданного по его решению органа омского отдела Всероссийского союза городов — газете «Сибирский день» содержалась большая подборка материалов, обосновывающая необходимость введения в Сибирь земства. В ее поддержку высказались городские головы Новониколаевска, Омска, Тюмени, видные финансисты Н. Д. Буяновский и П. Д. Подшивалов, общественные деятели Г. Е. Катанаев и П. Н. Емельянов. В частности, депутат Государственной думы от Томской губернии трудовик В. М. Вершинин заявил: «Для осуществления объединения сельской Сибири необходимо введение в ней земства и разрешение учреждать кооперативам общесибирские союзы»⁸⁶.

Более радикальный характер имел проходивший 14-19 апреля 1916 г. в Иркутске съезд городов Восточной Сибири, носивший, по определению жандармов, «окраску левее кадетской, или минимум

кадетской группы левого крыла»⁸⁷. В его работе приняли участие С. В. Востротин, Е. Л. Зубашев, Вл. М. Крутовский, И. И. Серебренников. Основной задачей форума явилось создание областного (регионального) объединения городов Восточной Сибири и сплочение вокруг него всех политических группировок. Главной темой разговоров на ужине по поводу закрытия съезда «было пожелание повторения этих съездов и вера в будущее осуществление идей областничества»⁸⁸. Мысль об использовании областных объединений сибирских городов настолько захватила сторонников движения, что непосредственно перед Февральской революцией они стали связывать надежду на введение земства с областной думой: с «поддержкой широких народных масс всей земской Сибири, а также при общей демократизации всего уклада жизни тенденция областного объединения сибирских городов в последнее время сможет найти свое завершение в форме Сибирской областной думы»⁸⁹.

В поддержку сибирского земства высказался проведенный в Омске в начале января 1916 г. сельскохозяйственный и кооперативный съезд Западной Сибири, на котором присутствовало 85 делегатов. Выступая на нем, член Государственного совета И. П. Лаптев выразил уверенность, что земское положение распространится на Сибирь, «это вопрос только времени... Еще в то время, когда Омск посетил покойный председатель Совета министров Столыпин, он сказал, что введение земства в Сибири замедляется, главным образом, ввиду того обстоятельства, что в Сибири нет подходящего элемента для культурной работы. Думаю, что вместо того, чтобы обсуждать этот вопрос, мы поступили практичнее и путем планомерной и плодотворной работы дали лучшие доказательства, что в Сибири такой элемент уже есть»⁹⁰.

Накануне Февральской революции Вл. М. Крутовский указал на три характерные черты будущего земства:

«Во-первых, сибирское земство, в силу существующих в Сибири условий, должно быть значительно более демократичным, чем в России.

Во-вторых, в Сибири, ввиду ее огромных размеров, малой сравнительно населенности и при плохих путях сообщений, необходимо

дополнение в виде малой земской единицы — волостного земства со всеословным составом.

В-третьих, ввиду тех же условий, в Сибири необходимо и еще дополнение — областное земство-единица, объединяющее все губернские земства Сибири»⁹¹.

Таким образом, все пожелания областников и представителей других политических объединений по поводу земского самоуправления в Сибири в межреволюционный период, а также их усилия в этом направлении, предпринятые в III и IV Государственных думах, успеха не имели. В межреволюционные годы не ведется разработка теоретических принципов местного самоуправления, идеологи довольствуются повторением положений, обоснованных в предшествующий период.

Существенные подвижки происходят в теоретических наработках областников по «инородческому» вопросу. Курс на приобщение аборигенных этносов Сибири к западной модели цивилизационного развития приводит к социокультурному расколу формирующихся национальных элит, отстаивавших альтернативные варианты национального самосознания, ориентированные не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии, исповедующих буддизм (панмонголизм) и ислам. Еще один вариант реализации «национальной идеи» в религиозной оболочке дали в начале XX в. алтайцы попыткой создания «новой алтайской веры», более известной как бурханизм. Историческое мифотворчество этого народа воплотилось в мессианском образе Ойротхана, с приходом которого «только алтайцы обретут ценностные ориентации и идеальный образ жизни»⁹².

Тем не менее определенная часть аборигенов делала сознательный выбор в пользу русского образа жизни. Результатом этого стало появление в «инородческой» среде первых выдающихся представителей интеллигенции, ориентирующихся на западную цивилизацию: М. Н. Богданова, Н. Ф. Катанова, С. Д. Майнагашева, Г. И. Гуркина, Ч. Ч. Валиханова, А. Н. Букейханова и др. В 1919 г. их позицию кратко изложил А. Н. Букейханов: «Киргизский народ не питает сепаратистских замыслов, он не желает отделения от России. Мы — западники. В своем стремлении приоб-

щить народ к культуре мы не смотрим на восток, в Монголию, мы знаем, что там культуры нет. Наши взоры устремлены на запад. Получить культуру мы можем оттуда через Россию, при посредстве русских»⁹³.

Во многом данное обстоятельство стало возможным благодаря колоссальному авторитету Г. Н. Потанина среди отдельных коренных народов — алтайцев, бурят, казахов. О степени популярности Григория Николаевича в Горном Алтае свидетельствует зарисовка хорошо его знавшего писателя В. Я. Шишкова, относящаяся к 1913 г.:

— А Потанина старика знаешь?

— Григория Николаевича? Да. Я ему сказки сказывал. Он хороший старик, прямо божеский старик,— и теленгит, почмокивая губами, спрашивает: — А где он теперь?

— В кыргызы уехал,— отвечаю,— кыргызские песни списывает.

— Еще все-то трудится?! — воскликнул изумленный теленгит и привстал с завалинки.— Ох ты, господи. Ха!

Имя Григория Николаевича здесь читается, по всему тракту (Чуйскому.— *М. Ш.*) известен он, все его знают, все его любят: „Это наш друг, это лучший человек, пожалуста, давай ему поклон. Пожалуста, говори спасибо“.

Везде, везде, где бы я ни завел речь о Потанине»⁹⁴.

Большое воздействие оказал идеолог областничества на формирование мировоззрения целого ряда национальных лидеров региона. Так, Э.-Д. Ринчино признавался, что благодаря ему он эволюционировал от марксизма к областничеству⁹⁵. В письме к Потанину (1910г.) этот выдающийся представитель бурятской «национальной идеи» с горечью констатирует: «Нас, монголо-бурят тангут, давят. Хотят превратить в тук для удобрения почвы во имя псевдорусских или китайских интересов. Правительство прямо, буквально душил все наши культурные начинания, а само палец о палец не ударит для просвещения бурят... Конечно, унывать не приходится. Монголы дорого продадут себя, они еще повозятся. Ни русскому самодержавию, ни китайским младенцам не удастся так скоро стереть с лица земли нас, давших миру Чингиса, Хубилая и Тимир-Улана... На

долю нынешней бурят-монгольской интеллигенции выпала трудная, но интересная историческая роль: она должна начать, наметить новые пути истории своего народа, под ее эгидой, руководством народ идет к известному и неизвестному будущему, в котором мерещатся то светлые и радостные блики, то зловещие грозные тучи»⁹⁶.

От имени сибирских областников в 1914 г. он пояснял, что «Сибирь не может жить без Европейской России, также и Россия без Сибири. Сибирь, оторванная от России, будет отгеснена от жизненно необходимого ей Тихого океана, политико-экономическое значение которого растет с каждым годом. Это в лучшем случае, в худшем — ее поглотят воинствующая Япония или Китай, которые проявляют достаточно убедительные тенденции, чтобы стать в будущем Дальне-Восточной Пруссией, а не Соединенными Штатами, как думают многие мало осведомленные европейцы и россияне»⁹⁷.

Представители данной группы национальной интеллигенции солидарно с областниками и активистами других политических партий реагировали на актуальные вопросы жизни региона и России. Так, с оборонческих позиций они отнеслись к начавшейся империалистической войне. 11 июля 1916 г. в обращении «К гражданам „Алаш“» А. Букейханов, А. Байтурсьнов, М. Дулатов заявляли: «Соотечественники — русский народ, единоверцы-мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы — горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне... Отказаться от приказа власти, подданными которой мы являемся, и сидеть дома, защищая себя, не вступая в защиту государства, это будет на пользу врагу»⁹⁸. В принципе они не отрицали переселенческое движение, в том числе и на земли аборигенов. «Старожилы и инородцы не должны разыгрывать роль собак на сене, они должны несколько потесниться, и, конечно, постольку, поскольку это не приведет к кризису их хозяйственное благополучие и культуру», — утверждал Э.-Д. Ринчино⁹⁹.

А это наступление на земельные угодья аборигенов началось в процессе массового переселения российских крестьян в начале XX в. Посетившие в 1910 г. Степной край П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин констатировали: «Киргизы не могут вечно оставаться кочевниками, если они только способны к культуре. Опыт последних

лет свидетельствует о их способности перейти к земледельческому быту и показывает, что русское переселение в степь, связанное с неизбежным сокращением площади кочевания, служит к тому же могущественным и пока единственным побудителем. Поэтому ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе от прихода сюда русского земледельца было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам»¹⁰⁰.

Решительным противником подобных взглядов выступил представитель последнего поколения областников А. Е. Новоселов. То, что происходило на громадном пространстве Прииртышья в рамках столыпинского переселения, писатель и этнограф характеризовал как хаотичный, но в то же время безостановочный процесс: «Людам с Запада не хватает земли. Голодные, идут они толпами, а им сажень за саженью, верста за верстой отводят хлебородные участки. Аулы все ближе к своим кочевкам подходят, один к другому. На незанятых еще удобных урочищах их сошлось вместе по нескольку. В прежнее время это было немыслимо, а теперь, как бы в ответ на требования жизни, вернее, под мощными ударами степные табуны растаяли»¹⁰¹.

Новоселов не отрицает прогрессивного воздействия русской культуры на образ жизни и хозяйственную деятельность казахов. Однако он показывает принципиальную разницу во взаимоотношениях двух этносов и двух культур в «казачий» период колонизации и в начале XX в. «Отношения киргиза к казаку в общем уже не носят характера рабской подчиненности,— констатирует писатель-областник.— К его счастью, завоевательница-культура застала орду в том возрасте, когда завоеванный, давши активный отпор и проигравши поле битвы, не теряет силы и способности сопротивляться пассивно и тем выигрывает время, необходимое для перевоспитания национальной психологии»¹⁰².

Создавшаяся ситуация ведет к подвижкам в психологии кочевника. Новоселов отмечает: «Степь не бунтует, не волнуется, но, чтобы слышать ее боязливый ропот, стоит познакомиться с ней дома, в ее будничной обстановке. Основная черта в характере степняка — чисто детская беспечность — парализует и ступшевывает горе.

Люди жалуются, но жалуются куда-то в пространство и, кажется, не меньше смеются, чем вздыхают»¹⁰³.

Интегральную позицию сторонников по анализируемому вопросу изложил Г. Н. Потанин: «Русификаторским мерам в отношении сибирских инородцев нужно положить конец. Православные миссии должны существовать исключительно на средства жертвователей, преданных церкви; правительство должно быть освобождено от субсидирования духовных миссий. На инородческих территориях должны быть основаны правительственные школы с преподаванием на инородческом языке; особое внимание должно быть обращено на распространение образования инородческих женщин.

Для крупных народностей, для киргизов и бурят, должны быть основаны гимназии с преподаванием на родном для детей языке. Сибирской жизни нужно придать такой строй, чтобы всякое племя, как бы мало оно ни было, татары, буряты, остяки, самоеды, имели бы шансы на общественное и культурное возрождение и самоопределение»¹⁰⁴.

Областники приняли деятельное участие в культурной жизни региона. Они много сделали для развития периодической печати, о чем уже сообщалось выше. Большое влияние на развитие литературного процесса в Сибири оказал «потанинский кружок» и его идейный руководитель¹⁰⁵. Он стоял у истоков творческого пути таких талантливых писателей, как В. Я. Шишков, А. Е. Новоселов, Г. Д. Гребенячиков, Г. А. Вяткин и других, став первым критиком их произведений, давшим им «зеленый свет» в сибирских журналах.

По отношению к Первой мировой войне сибирские областники заняли ярко выраженные оборонческие позиции. Здесь они консолидировались с представителями практически всех, за исключением большевистской, политических партий и группировок. В определенной степени все они выступали более последовательными сторонниками войны до победного конца, чем правительство, так как считали, что поражение или сепаратный мир позволят самодержавию удержаться у власти. «Наше дело только копить силушку,— писал Ф. Ф. Конев,— снабжать всем нужным фронт, чтобы сильным внут-

Глава 5

ренним брожением не дать возможности устроить кое-кому сепаратный мир, сославшись на то, что в стране смута, какая тут война с Германией»¹⁰⁶.

Именно к социал-шовинистическому крылу примыкали сторонники движения в вопросе об отношении к войне. Наглядно это видно по позиции, занятой А. В. Адриановым. В письме к сыну от 9 февраля 1915 г. он наставлял: «А возьмут на войну, что же, благословляю, послужи, потрудись, эта война не японская авантюра, затеянная нашей правящей „камарильей". Беда перед нашей страной выросла действительно огромная, и надо ее избавить, поднакопить в себе достаточно духовной бодрости и сознания, что для выхода на хорошую дорогу требуется борьба насмерть. А черносотенной компании бояться нечего, хуже не будет, чем было, самодержавие и верховенство всей этой сволочи, переполняющей наши верха, неминуемо должно пасть с окончанием войны»¹⁰⁷.

Такова в общих чертах деятельность сибирских областников в межреволюционный период. Претендуя на положение надклассовой силы, движение эклектически сочетало элементы либерализма и неонародничества, опираясь в основном на интеллигенцию. По-прежнему краеугольный камень его теории составляло положение о областном земстве во главе с областной думой. Например, В. И. Анучин утверждал, что Сибирь вступила в стадию индустриального развития, способствующую преодолению колониального статуса региона. Что касается его будущего, то оно «могло бы быть разрешено с точки зрения автономности областей на почве их федерации, но этого ожидать нельзя. Никакое ходатайство, никакая просьба о реформах не будут удовлетворены, так как это нарушает интересы буржуазии метрополии. Остается надеяться, что мы, сибиряки, сами пойдем вперед по пути развития. Пожелаем, чтобы нам на этом пути не мешали»¹⁰⁸.

Таким образом, в течение 1907-1916 гг. областники активно пропагандировали свои взгляды, используя повременные издания, культурно-просветительские организации. Вместе с тем эта деятельность осуществлялась во многом благодаря поддержке и сотрудничеству с либеральными и неонародническими, а также неполитическими общественными формированиями. Тем не менее она не дала существенных

практических результатов. К 1917 г. движение объединяло сравнительно небольшую группу интеллигенции Томска, Красноярска, Иркутска и ряда других городов и не пользовалось популярностью среди большей части населения Сибири.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1908, д. 31, ч. 72, л. 1.

² Цит. по: *Толочко А. П.* Непролетарские партии в Сибири (1905 — февраль 1917 г.): Учеб. пособие. Омск, 1995. С. 15.

³ См.: *Ноздрин Г. А.* Деятельность организаций мелкобуржуазных партий в сибирской деревне в 1907-1914 гг. // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX—XX в. Новосибирск, 1986. С. 153; *Черняк Э. И.* Эсеровские организации в Сибири в 1917—начале 1918 г. Томск, 1987. С. 28, 37.

⁴ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1915, д. 9, ч. 25, литера Б, л. 9.

⁵ ГАИО. Ф. 600, оп. 1, д. 992, л. 59.

⁶ ГАТО. Ф. 3, оп. 3, д. 6928, л. 228.

⁷ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1914, д. 20, ч. 81, литера Б, л. 4.

⁸ *Молодая Сибирь.* Иркутск, 1912. 8 нояб.

⁹ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 131.

¹⁰ *Дмитриенко Н. М.* О социальном составе населения Томска (конец XIX в.—1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX в. Томск, 1980. С. 154.

¹¹ *Хазиахметов Э. Ш.* Сибирская политическая ссылка 1906-1917 гг. Томск, 1978. С. 32.

¹² РГАЛИ. Ф. 1361, оп. 2, д. 34, л. 2.

¹³ *Шейнфельд М. Б.* Историография Сибири. Красноярск, 1973. С. 88.

¹⁴ *Сиб. жизнь.* Томск, 1916. 13 февр.

¹⁵ ГАТО. Ф. 3, оп. 3, д. 6928, л. 135.

¹⁶ *Письма Г. Н. Потанина.* Иркутск, 1992. Т. 5. С. 95.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1908, д. 598, л. 21.

¹⁸ *Шиловский М. В.* Загадки биографии М. Б. Шатилова // Горный Алтай: Исторический сборник. Горно-Алтайск; Бийск, 2002. С. 62-66.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5871, оп. 1, д. 99, л. 1.

Глава 5

- ²⁰ Здесь и далее данные по персональному составу взяты: *Труды «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта»*. СПб., 1910. Вып. 4. С. 59-74.
- ²¹ *Кроль М. А.* О задачах «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». Иркутск, 1913.
- ²² ГАИО. Ф. 725, оп. 1, д. 1, л. 6.
- ²³ *Сиб. жизнь*. 1915, 24 февр.
- ²⁴ ГАНО. Ф. Д-38, оп. 1, д. 117, л. 4.
- ²⁵ *Жерновков Гр.* Наши письма: К открытию Общества изучения Сибири в г. Новониколаевске // *Обская жизнь*. Новониколаевск, 1911.2 дек.
- ²⁶ ГАИО. Ф. 249, оп. 1, д. 13, л. 38.
- ²⁷ ГАЧО. Ф. 293, оп. 1, д. 12, л. 5.
- ²⁸ *Адрианов А. В.* «Сибирские вопросы» // *Сиб. жизнь*. 1913. 17 февр.
- ²⁹ См.: *Шейнфельд М. Б.* *Историография Сибири*. С. 90-102.
- ³⁰ *Потанин Г. Н.* *Воспоминания*// *ИНС*. 1983. Т. 6. С. 210, 211.
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 1769, оп. 1, д. 4, л. 26, 27.
- ³² *Хазиахметов Э. Ш.* О социально-партийном составе актива сибирской демократии в 1917-1918 годах// *Революция 1917 года в России: история, современность, поиск путей примирения и согласия: Мат-лы регион, науч. конф.* Омск, 1997. С. 57, 58.
- ³³ *Иков В. К.* Листопад // *Вопр. истории*. 1995. № 9. С. 79, 80.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1907, д. 9, ч. 63, л. 117.
- ³⁵ *Эйнштейн И.* Сибирский кружок // *Сиб. студент*. Томск, 1914. № 1. С. 59-61.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1910, д. 20, ч. 27, литера Б, л. 110.
- ³⁷ Там же. Оп. 1915, д. 20, ч. 81, литера Б, л. 5, 8.
- ³⁸ *Сиб. жизнь*. 1915. 19 сент.
- ³⁹ ГАОО. Ф. 86, оп. 1, д. 185, л. 38.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 139а, л. 5.
- ⁴¹ Там же. Д. 185, л. 3.
- ⁴² *Потанин Г. Н.* [Речь на юбилее] // *Сиб. студент*. 1915. № 1-2.
- ⁴³ *Сиб. жизнь*. 1915. 4 окт.
- ⁴⁴ *Блинов Н. В.* *Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири*. Томск, 1974. С. 38.
- ⁴⁵ *Шатилов М. Б.* *Прошлое, настоящее и будущее Сибири* // *Сиб. жизнь*. 1914. 2 апр.
- ⁴⁶ *Он же.* *Культурно-экономические перспективы Сибири* // *Сиб. студент*. 1914. № 1. С. 22.

- ⁴⁷ *Жерновков Г.* Наши письма // *Обская жизнь*. 1911.2 дек.
- ⁴⁸ *Блинов Н. В.* *Очерки дореволюционной...* С. 38.
- ⁴⁹ *Шатилов М. Б.* *Прошлое, настоящее и будущее Сибири*.
- ⁵⁰ *Серебренников И. И.* *Промышленность Сибири в цифрах* // *Сиб. вопр.* 1907. № 35. С. 19.
- ⁵¹ *Анучин В. И.* *Сибирь и пути сообщения* // *Сиб. жизнь*. 1912. 29 мая; *Он же.* *Сибирь в ее прошлом и настоящем* // *Новая Сибирь*. Иркутск, 1912. 18 дек.; *Он же.* *Сибирские вопросы: (Экономические перспективы)* // *Сиб. жизнь*. 1913. 12 июня; *Он же.* *Сибирское областничество*// *Сиб. студент*. 1915. № 1-2.
- ⁵² *Козьмин Н. Н.* *Очерки прошлого и настоящего Сибири*. СПб., 1910. С. 235, 238, 265.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1915, д. 9, ч. 25, литера Б. Л. 9.
- ⁵⁴ *Шумиловский Л.* *Утопия?* // *Сиб. жизнь*. 1913. 26 янв.
- ⁵⁵ *Мосина И. Г.* *Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири*. Томск, 1978. С. 114.
- ⁵⁶ *Анучин В.* *Сибирь и пути сообщения*.
- ⁵⁷ *Рабинович Г. Х.* *Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в.* Томск, 1975. С. 320.
- ⁵⁸ *Сибиряков А. М.* *Об автономии Сибири (1908)* // *Земля Иркутская*. Иркутск, 1996. № 5. С. 46.
- ⁵⁹ *Бурдуков А. В.* *В старой и новой Монголии: Воспоминания*. М., 1969. С. 46.
- ⁶⁰ *Потанин Г. Н.* *Нужды Сибири (1908)* // *Изв. Омск. гос. историко-краевед. музея*. 1996. № 4. С. 246.
- ⁶¹ *Мелких А. М.* *Из экономической жизни Западной Сибири*. М., 1912. С. 39; *Анучин В.* *Сибирские вопросы: (Экономические перспективы)*.
- ⁶² *Козьмин Н. Н.* *Очерки прошлого...* С. 265; *Илимский Д.* *Крестьянская интеллигенция в Сибири* // *Сиб. студент*. 1915. № 7, 8. С. 5.
- ⁶³ *Когут М. Т.* *Отношение сибирских крестьян к земельной политике правительства как проявление ментальности российского крестьянства (1896-1917 гг.)* // *Проблемы историографии и истории*. Омск, 2002. С. 135.
- ⁶⁴ *Потанин Г. Н.* *Нужды Сибири (1908)*. С. 242.
- ⁶⁵ *Шейнфельд М. Б.* *Историография Сибири*. С. 331.
- ⁶⁶ *Байкальский Ю.* *Сибирская кооперация* // *Сиб. жизнь*. 1914. 11 июня.
- ⁶⁷ *Шатилов М. Б.* *Сибирь в 1914 г.* // Там же. 1915. 27 янв.
- ⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 59, л. 6.
- ⁶⁹ *Илимский Д.* *Сибирская кооперация в 1915 г.* // *Сиб. жизнь*. 1916. 13 янв.

- ⁷⁰ *Илимский Д.* Земские силы Сибири // Там же. 1912. 22 авг.
- ⁷¹ *Сиб. вопр.* 1908. № 7. С. 4.
- ⁷² *Восточная заря.* Иркутск. 1909. 15 июня.
- ⁷³ *Косошкин Ф.* Проект реформы земского самоуправления, выработанный в парламентской фракции партии народной свободы // Первая Государственная дума: Сб. ст. СПб., 1907. Вып. 2. С. 23; *Крутовский В.* К вопросу о земстве в Сибири // *Сиб. зап.* 1916. № 2. С. 140.
- ⁷⁴ *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири (1908). С. 247, 252.
- ⁷⁵ *Некрасов Н.* Культурные и политические проблемы Сибири // *Русская мысль.* 1912. № 2. С. 113.
- ⁷⁶ *Сиб. листок.* Тобольск, 1908. 2 марта.
- ⁷⁷ *Сиб. вопр.* 1910. № 1. С. 14.
- ⁷⁸ *Малиновский И.* Накануне земства в Сибири // *Вестн. Европы.* 1910. № 12. С. 301.
- ⁷⁹ Там же. С. 303.
- ⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 37, л. 1.
- ⁸¹ *Новая Сибирь.* 1913. 17 янв.
- ⁸² *Анучин В.* Сибирь в ее прошлом и настоящем.
- ⁸³ *Сиб. жизнь.* 1913. 16 июля.
- ⁸⁴ *Вологодский П.* К вопросу о земстве в Сибири // *Сиб. жизнь.* 1916. 24 февр.
- ⁸⁵ *Шиловский М. В.* Проект МВД о введении земского самоуправления в Сибири (декабрь 1916 г.) // *Проблемы истории местного управления Сибири XVI-XXI вв.: Маг-лы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. Ч. 1. С. 87-89.*
- ⁸⁶ *Сибирский день.* Омск, 1915. 15 апр.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1916, д. 20, ч. 27, литера Б, л. 24.
- ⁸⁸ Там же. Л. 27.
- ⁸⁹ *Шатилов М. Б.* Областное строительство // *Сиб. жизнь.* 1916. 1 мая.
- ⁹⁰ *Очерки истории города Омска / Под ред. А. П. Толочко.* Омск, 1997. Ч. 1. С. 270.
- ⁹¹ *Сиб. зап.* 1916. №2. С. 140.
- ⁹² *Шерстова Л. И.* Переходные этносы и формы этнической самоидентификации (Южная Сибирь, начало XX в.) // *Американский и сибирский фронтир.* Томск, 1997. С. 153.
- ⁹³ *Алаш-Орда:* Сб. док. / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1929. С. 139.
- ⁹⁴ *Шишков В. Я.* По Чуйскому тракту // *Шишков В. Я.* Страшный кам. Иркутск, 1985. С. 411.
- ⁹⁵ *Э.-Д. Ринчино.* Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 10;
- Эльбек-Доржи Ринчино* о Монголии. Улан-Удэ, 1998. С. 216.
- ⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 381, оп. 1, д. 139а, л. 4, 5.
- ⁹⁷ *Ринчино Э.-Д.* Областное движение в Сибири и социал-демократия // Э.-Д. Ринчино. Документы. Статьи. Письма. С. 32.
- ⁹⁸ Цит. по: *Назарбаев Н. А.* В потоке истории. Алматы, 1999. С. 161.
- ⁹⁹ *Ринчино Э.-Д.* Областное движение... С. 32.
- ¹⁰⁰ *Поездка в Сибирь и Поволжье: Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина.* СПб., 1911. С. 89.
- ¹⁰¹ *Новоселов А. Е.* Беловодье. Иркутск, 1981. С. 271, 272.
- ¹⁰² Там же. С. 288.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири (1908). С. 248.
- ¹⁰⁵ *Трушкин В. Н.* Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири 1900-1920 гг. Иркутск, 1985. С. 100; *Очерки русской литературы Сибири.* Т. 1. С. 512, 513.
- ¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102, оп. 1915, д. 27, ч. 81, литера Б, л. 2, 3.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 9, ч. 81, литера Б, л. 20.
- ¹⁰⁸ *Новая Сибирь.* 1912. 18 дек.

Глава 6

Сибирское областничество в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг.

§ 1. Областники в 1917 году

Февральская революция дала мощный импульс демократическим процессам, в рамках которых произошла реанимация областнических лозунгов об «автономии Сибири в пределах единого демократического российского государства», «созыве сибирской областной думы, наделенной законодательными правами» и т. д. Одновременно началось образование областнических организаций на местах: комитет Сибирской демократической партии в Верхнеудинске, Сибирский союз независимых социалистов-федералистов в Новониколаевске, Союз республиканцев-федералистов в Иркутске, Амурский союз республиканцев-федералистов в Благовещенске и т. д. Их организаторами выступали интеллигенты, группировавшиеся вокруг кооперативных объединений и отделов «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». Как правило, в программных заявлениях эти объединения оговаривали свое единение «с родственной нам партией эсеров»¹.

Зачастую областнические лозунги выдвигали люди и организации, никогда и ничего общего с областничеством не имевшие. Так, П. И. Казанский вспоминал, что в Барнауле при подготовке к демонстрации 10 марта по поводу победы Февральской революции «договорились, что не худо бы продемонстрировать среди других, выдвинутых революцией лозунгов, и лозунг автономии Сибири. А так как еще в 80-х гг. ядринцевским кружком в Петербурге, при устройстве первого вечера в пользу учащихся-сибиряков, приняты были как отличительные зна-

ки... белый и зеленый цвета, ставшие с тех пор „сибирскими“ цветами, то и лозунг автономии Сибири решили изобразить не на красном, а на бело-зеленом флаге». На демонстрации с этими флагами прошли служащие кооперативно-кредитного союза². Во время первомайских демонстраций бело-зеленые знамена несли уже во всех городах региона.

О том, что из себя представляли и чего хотели первые собственно областнические организации, мы можем судить по материалам газеты «Свободная Сибирь», первый номер которой увидел свет 5 марта 1917 г. в г. Новониколаевске под редакцией М. П. Забиранника. В нем заявлялось, что «условия военного времени, быть может, не позволяют осуществить в полном объеме федеративное устройство Российского государства, но элементарные права свободной, самоуправляющейся области Сибирь должна получить теперь же»³. 15 марта газета сообщила о состоявшемся 11 марта организационном собрании комитета сибирских федералистов. На нем были сформулированы основные пункты программы: 1) Сибирь — обособленная область, 2) наличие здесь особого культурного типа русского населения после смешения с аборигенами, 3) колонизируемая крестьянами, политическими ссыльными и осужденными Сибирь «в общественно-экономическом отношении получила своеобразный, отличный от России, строй и уклад жизни, ярко народный трудовой характер», 4) Сибирь эксплуатировалась центром, поэтому необходимо создать областную Думу, стоящую на страже интересов местного населения⁴. 29 марта редакция заявила, что издание становится органом Сибирского союза независимых социалистов-федералистов. 2 апреля в обращении «Ко всему сибирскому населению» было заявлено, что программные построения и лозунги объединения «ведут свое начало от известных всей Сибири сибиряков-шестидесятников». Главной своей целью союз ставит «борьбу за коренное переустройство страны на основах демократической федеральной республики по типу Северо-Американских Штатов и на началах строго демократического, народного способа переустройства правовой и экономической жизни, при помощи свободного народного творчества снизу вверх»⁵. 7 апреля газета поставила вопрос о созыве съезда сибирских федералистов, а уже на следующий день состоялось первое собрание Союза, избравшее бюро

в составе: Н. П. Литвинов (председатель), В. М. Постников, Н. М. Кетов, П. С. Мраморнов, И. Р. Мей, Н. Н. Павлопеженцев, Г. И. Жерновков, М. П. Забиранник⁶. Наконец, 28 апреля Г. И. Жерновков вновь выдвинул идею создания чисто областнического объединения как надпартийного и надклассового, поскольку в федеративном устройстве региона заинтересованы различные классы и социальные группы «и наша (областников. — М. Ш.) задача на съезде заключается в том, чтобы создать условия для безболезненного, классового расслоения сибирских федералистов»⁷.

Вслед за социалистами-федералистами начинают набирать силу и собственно областники, или областники-автономисты. В мае - июне 1917 г. оформляется их иркутская организация во главе с И. Г. Гольдбергом, К. В. Дубровским, И. И. Серебренниковым, И. А. Якушевым. Осенью этого же года завершилось создание аналогичного объединения в Красноярске (Вл. М. и Ве. М. Крутовские, Н. Н. Козьмин, Г. Б. Патушинский).

Из других активных областнических группировок, существовавших в течение 1917-1918 гг., следует отметить Петроградский союз сибиряков-областников, созданный 5 марта 1917 г. из сибиряков, проживавших в столице. Председателем объединения был избран И. А. Молодых, товарищем председателя в декабре 1917 г. стал И. А. Михайлов. Союз пытался пропагандировать областнические идеи в Петрограде, издавая газету «Вольная Сибирь», в которой сотрудничали М. И. Боголепов, В. И. Дзюбинский, В. И. Моравский, Г. Б. Патушинский и др.

Следует заметить, что в марте — апреле 1917 г. областники-автономисты в массе своей выжидали и воздерживались от высказываний по чисто областническим вопросам. Дело в том, что Февральская революция застала их врасплох, четко разработанной программы автономии у их идеологов не было. Это обстоятельство объясняет наличие расхождений по данному вопросу в течение всего 1917 г. как между собственно сторонниками движения, так и между ними и политическими группировками, их поддерживающими.

На позиции активной пропаганды и защиты областнических лозунгов Г. Н. Потанин и его сторонники встали после того, как 10 мая

1917 г. Томское губернское народное собрание приняло резолюцию «Об областной думе», а 18 мая по докладу М. Б. Шатилова резолюцию «По областному самоуправлению», в которых высказалось за организацию Сибирской областной думы и решило в ближайшее время созвать в Томске общесибирский областной съезд.

Областники-потанинцы приняли активное участие во всех последующих мероприятиях — в августовской конференции, октябрьском и декабрьском съездах. При этом первоначально они в меру сил стремились поставить областничество в качестве объединяющего начала над мелкобуржуазными политическими формированиями Сибири. «В целях разработки вопроса о будущем автономном устройстве Сибири,— писал И. И. Серебренников,— необходимо положить начало внепартийному объединению демократических сил Сибири, что может быть осуществлено через учреждение Сибирского союза или Сибирской лиги областников-автономистов»⁸.

Однако реализовать замысел не удалось — их собственных сил было явно недостаточно для создания самостоятельной организации. К тому же областнические идеи получили слабую поддержку у основной части населения региона. Это были вынуждены признать В. М. Крутовский, К. В. Дубровский, делегаты декабрьского чрезвычайного областного съезда⁹. Поэтому основным союзником в борьбе за областную думу и автономию стала наиболее влиятельная в Сибири эсеровская партия.

Областников и эсеров сближали совместная деятельность в 1905-1907 гг., общая социальная база, представленная в основном интеллигенцией, стремление стать выразителем интересов местного крестьянства. Поэтому определенная часть областнического актива в 1917 г. вступила в ПСР. Впрочем, так же легко некоторые из них (Г. Н. Потанин, И. И. Серебренников) летом того же года вышли из нее. Областники не хотели растворяться в эсеровских организациях, во-первых, считая себя более правыми, чем социалисты-революционеры; во-вторых, в надежде образовать собственное объединение.

Поэтому дальнейшее развитие политического процесса осенью 1917 г. поставило перед областниками задачу

собственного политического самоопределения. И здесь большинство поддержало программные положения Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). А. В. Адрианов вошел в состав ее Томского губернского комитета, председательствовал на губернской конференции в августе 1917 г.¹⁰ В период выборов в Учредительное собрание члены «потанинского кружка» Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, Н. В. Соколов, Вл. М. Крутовский, Ф. И. Зобнин были выдвинуты кандидатами от Томской губернии по списку Томского отдела ТНСП¹¹. Заключили блок с народными социалистами и иркутские областники. Причем в избирательный список по губернии от областников внесли Г. Н. Потанина, Г. В. Яхонтова, И. И. Серебренникова, М. В. Воробьева, С. А. Лукина, В. Е. Писарева, а от народных социалистов — К. П. Кокоулина¹². Самостоятельно на выборах в Учредительное собрание выступили только красноярские сторонники движения.

Таким образом, в течение 1917 г. собственно областники (областники-автономисты) по своим политическим воззрениям находились на правом фланге мелкобуржуазной демократии, эволюционировав в основной массе от союза с эсерами к союзу с народными социалистами. О том, как развивался этот процесс, можно судить на примере И. И. Серебренникова. 16 июня 1917 г. в своем дневнике он записывает: «От с.-д. я ушел, разочаровавшись в этой партии еще в 1907 году; затем в течение 10 лет оставался беспартийным. В настоящее время я сочувствую с.-р. и примыкаю к правому крылу этой партии». А менее чем через месяц — 10 июля — этот областнический лидер фиксирует: «Решил выйти из партии с.-р.! Подаю мотивированное заявление. Мотивы: 1) невнимание к областным нуждам Сибири, 2) угождение лозунгам большевизма и максимализма. Буду жить и работать как сибирский областник»¹³. Вместе с тем определенная часть областников (М. Б. Шатилов, В. И. Анучин, К. В. Дубровский, И. А. Якушев, Н. Н. Козьмин и др.) в течение всего рассматриваемого времени состояли в ПСР.

В связи с этим необходимо указать на неправомерность попыток отдельных исследователей связать собственно областников в 1917 г. исключительно с кадетами¹⁴. С момента оформления кадете -

ких организаций началась дискуссия об отношении к областническим лозунгам. В какой-то степени их точка зрения на автономию Сибири вырабатывается на Первом общесибирском съезде партии народной свободы в Томске 30 апреля - 2 мая 1917 г. Из шести докладов, заслушанных и обсужденных на нем, два непосредственно касались анализируемого вопроса (А. И. Есилевич, «Основные предпосылки права Сибири на самоопределение» и И. А. Некрасов, «О форме и порядке областного управления в Сибири»), По ним была принята общая резолюция: «Принимая во внимание обширность территории Сибири, богатство края естественными богатствами... наличие особых интересов, связанных с географическим положением Сибири, и разноплеменной состав населения, I Общесибирский съезд партии народной свободы находит необходимым требовать, как минимума самоуправления Сибири,— автономию, т. е. передачу разрешения всех местных культурных, хозяйственных и административных вопросов городским и земским самоуправлениям, а местного законодательства — Сибирской областной думе»¹⁵. Вместе с тем форум сибирских кадетов считал необходимым еще раз обсудить этот вопрос на своем втором съезде, но он не состоялся.

В целом летом — осенью 1917 г. буржуазные организации региона признавали необходимость создания Сибирской областной думы, «поскольку это не стоит в противоречии с интересами общегосударственными». Кадетские организации приняли активное участие в августовской конференции и октябрьском областном съезде. В Центральном сибирском организационный комитет, созданный конференцией, вошли С. В. Востротин, В. И. Дзюбинский, И. В. Некрасов. На самом же съезде, помимо пяти делегатов, указавших на принадлежность к партии народной свободы, еще ряд участников представляли буржуазные организации (А. И. Рысев, М. И. Валькевич, С. К. Конюхов, С. Ф. Лебедев, В. М. Минаев, И. И. Гаськов).

Положение коренным образом меняется после октябрьского областного съезда, показавшего полное преобладание эсеров среди депутатов. А на декабрьском чрезвычайном областном съезде социалисты-революционеры вообще добились отстранения представителей буржуазии от участия в нем и областной думе. С этого вре-

мени местные кадеты выступают последовательными противниками областничества.

Эволюцию в сторону поддержки лозунгов областнического движения в 1917 г. проделали сибирские меньшевики. У них не было единства взглядов на областную думу. Большая часть их представителей выступила против нее в мае 1917 г. на сессии Томского губернского народного собрания и августовской конференции. Отрицал автономию Сибири А. Н. Рожков¹⁶. С другой стороны, меньшевик В. Иванов на августовской конференции в Томске заявил, что «хотя социал-демократы не были областниками, тем не менее они теперь выступают с защитой областной автономной Сибири», так как их партии «нужен экономический подъем региона, а добиться его можно при реализации областнических планов»¹⁷. В целом же если на октябрьском съезде часть меньшевиков выступала против лозунга автономии Сибири, то на декабрьском по этому вопросу они поддержали эсеровское большинство.

Еще одним союзником областников в 1917 г. выступили национальные группировки региона. В связи с активизацией национального движения, лидеры которого весной 1917 г. не шли дальше требования культурно-национальной автономии, Г. Н. Потанин четко обозначил позиции сторонников движения в специальной статье, в которой утверждал: «Инородцы имеют право организовать свои инородческие комитеты, на которые будут возложены функции земских учреждений, т. е. заведование сельскими школами, больницами, сельскими дорогами и пр. Этим комитетам должна быть уступлена часть земельных и других угодий края, чтобы они были в состоянии создать свои финансы, чтобы было на что содержать общественные учреждения и общественные предприятия. Кроме того, на эти комитеты должна быть возложена миссия — защита духовных нужд племени, защита ее национальных и религиозных особенностей. Во всех инородческих углах Сибири должны быть открыты инородческие комитеты. Эти комитеты есть завершение инородческого вопроса»¹⁸.

Таким образом, в течение 1917 г. в Сибири под областническими лозунгами произошло объединение мелкобуржуазных организаций и группировок, включая эсеров, меньшевиков, народных социалистов, кооператоров, земцев, националистов и собственно област-

ников. Теоретической основой для него стали представления их идеологов, и прежде всего сторонников областнического движения, о характере социально-экономического развития региона накануне Февральской революции, которое они представляли преимущественно с неонароднических позиций. Отрицалось интенсивное развитие капиталистических отношений. «Фабрично-заводская промышленность здесь находится в зачаточном состоянии, и поэтому класс буржуазии недостаточно силен, а кадры городского пролетариата не так значительны»,— утверждал К. В. Дубровский¹⁹. Вторя ему, А. М. Мейерович глубокомысленно поучал: «В Сибири еще нет почвы для крайней формации классовой мысли пролетарского социализма... Пока же этого класса почти в Сибири нет, та группа, которая в Сибири живет продажей своей рабочей силы, настолько деклассирована и случайна, настолько проникнута психологией трудового крестьянства и мещанства мелких городов, что о ней серьезно могут говорить в Сибири только пришедшие эс-деки, плохо знающие ее истинную природу или сознательно не понимающие духа диалектического материализма»²⁰.

Исходя из этих основополагающих выводов, Н. Н. Козьмин обосновал негативное отношение местных предпринимателей и их политических организаций к областничеству. По его мнению, «в Сибири до сих пор действует капитал торговый и ростовщический, а не промышленный. Торговый капитал находится в такой тесной зависимости от капитала промышленного центра и заинтересован в сохранении тесных связей с метрополией. Этим объясняется тот факт, что в областническом движении не принимала участия сибирская буржуазия»²¹.

Основной фигурой местной жизни по-прежнему считалось крестьянство. Традиционно отрицался процесс его социальной дифференциации, теперь как следствие благодатного воздействия кооперации. «Были кулаки-купцы,— замечал Н. П. Литвинов,— но кооперация вытеснила или вытесняет их из деревни»²².

Что касается большевиков, то отношение областников к ним было однозначным. Еще в июле 1917 г. Г. Н. Потанин предупреждал: «Сибирским областникам предстоит борьба с большевиками». Он же

прозорливо указал на стремление последних к диктатуре: «Если бы проекты Ленина осуществились, русская жизнь снова очутилась бы в железных тисках, в ней не нашлось бы места ни для самостоятельности отдельных личностей, ни для самостоятельности общественных организаций...»²³.

Резолюция Томского губернского народного собрания от 18 мая 1917 г. предполагала созыв в ближайшем будущем Общесибирского областного съезда. Его предполагалось провести 2- 9 августа. Однако к намеченному сроку в Томск прибыло только 63 делегата, в том числе от Томска и губернии 46 человек. В создавшихся условиях принимается решение конституировать собравшихся как конференцию областных сил Сибири. На ней впервые в 1917 г. мелкобуржуазные деятели попытались определить свое отношение к областничеству. Делегаты утвердили «Постановление Сибирской конференции общественных организаций по вопросу об автономном устройстве Сибири», в котором утверждалось, что Сибирь, «в качестве автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных объединениях»²⁴.

Было решено для обсуждения вопроса об организации областной думы провести в октябре 1917 г. областной съезд. Для его подготовки конференция образовала Центральный сибирский организационный комитет, в состав которого вошли 24 ее делегата и дополнительно кооптировано 57 человек от большинства сибирских и дальневосточных городов. В оргкомитете преобладали эсеры, националисты, кооператоры, от областников в него вошли Н. Я. Новомбергский, Г. Н. Потанин, М. Б. Шатилов, И. И. Серебренников, Н. Н. Козьмин, Вл. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский и Л. И. Шумиловский.

Наконец, августовская конференция утвердила нормы представительства на октябрьский съезд: по предложению эсеров в основу был положен уезд и город. Право на участие в работе форума предполагалось дать 17 типам общественных, учебных, кооперативных и национальных организаций. Нормы представительства устанавливались так, чтобы обеспечить доминиро-

вание контролируемых эсерами объединений (земство, кооперативы, продовольственные комитеты, городские думы и т. д.).

В августе — сентябре 1917 г. мелкобуржуазные группировки развернули массированную подготовку к областному съезду. Главной его задачей должна была стать отработка программы автономии Сибири, которую предполагалось представить для утверждения в Учредительное собрание.

Первый сибирский областной съезд работал в Томске 6-17 октября 1917 г. Приглашения на него разослали 22 группам организаций, которые по выработанным нормам представительства должны были делегировать 557 человек, всего же их прибыло 182²⁵. Из них 94, или 52%, являлись эсерами, 8 человек (4,5%) социалистами-федералистами и областниками-автономистами. В целом, 143 делегата (78%) относились к мелкобуржуазным партиям и группировкам. Четыре дня посвятили заслушиванию двух обширных докладов М. Б. Шатилова и Е. В. Захарова по вопросам автономного устройства Сибири. Еще один день потратили на декларации партий и группировок по вопросам, затронутым в докладах. Фактически съезд превратился в утомительную перепалку эсеров со своими оппонентами.

После докладов и деклараций выяснилось, что по вопросу об автономии региона нет единства взглядов даже внутри отдельных фракций. Против автономии высказались кадеты и большая часть социал-демократов. В свою очередь, сторонники автономии разбились на автономистов и федералистов. К тому же они еще и поделились на признающих Сибирь в качестве единой области и выступающих за ее разделение на ряд областей. Как те, так и другие требовали создания Сибирской областной думы, но с различной юрисдикцией. В свою очередь, националисты (С. А. Новгородов) требовали введения для аборигенов «широкого демократического самоуправления» в виде земства. Вся эта неразбериха позволила делегату от Сибирского казачьего войска кадету Е. П. Березовскому заключить: «Я из всех этих прений вынес убеждение, что даже сибирская интеллигенция не точно уяснила себе, что такое федерация и автономия»²⁶.

Против автономии решительно возражали кадетские делегаты. «У нас Россия была великая и единая, и национальности, входящие

в состав России, они были с нами и с нами умрут», — заявил И. А. Некрасов, а Е. П. Березовский пригрозил: «Я просил бы не забывать, что Сибирское казачье войско достаточно организованное, достаточно крепкое, и поэтому оно может быть в дружной семье, когда мы будем стремиться не разрушать государственного организма»²⁶.

Съезд провозгласил себя и последующие областные форумы высшим законодательным органом в Сибири и избрал Сибирский областной совет из 33 человек, которому было поручено «изъявлять волю народа и действовать как власть в промежутках между съездами»²⁷.

Состав участников и характер принятых на октябрьском областном съезде решений вызвали негативную реакцию со стороны большевиков, а также части меньшевиков региона. «Как и следовало ожидать, — констатировала новониколаевская социал-демократическая газета, — съезд оказался с преобладанием в своем составе идеологов крупной и мелкой, по преимуществу сельской буржуазии и как таковой может быть назван антидемократическим»²⁸.

Все последующие действия областников и их мелкобуржуазных союзников происходили под воздействием двух событий — взятия власти большевиками в Петрограде и выборов в Учредительное собрание.

Первое из них вызвало отрицательную реакцию сторонников областной думы. Произошла консолидация областников-автономистов на антибольшевистской платформе. «Союз областников обращается ко всем сибирякам, — говорилось в заявлении, принятом на собрании Красноярского союза областников-автономистов 27 ноября 1917 г., — ко всем общественным организациям Сибири и всем национальностям высказать свой протест этим преступным узурпаторам и насильникам народных прав и свобод и всеми способами оказывать им сопротивление, а также разяснять преступную и гибельную для родины авантюру „большевиков" — предателей Родины и приспешников Вильгельма»²⁹.

Что касается выборов во Всероссийское Учредительное собрание, то к ним областники подошли неподготовленными. Только в Томске, заключив блок с местными народными социалистами, они

Глава 6

организовали систематическую пропаганду своего избирательного списка и предвыборной программы. Население губернии призывали голосовать за список, «который возглавляет сам „сибирский батько“ Григ. Ник. Потанин... Он не изменит, не выдаст наших сибирских интересов, кто же лучше его знает сибирские нужды, чаяния и надежды»³⁰.

Выборы застали врасплох красноярских областников, которые решили выступать отдельным списком. Отказался быть включенным в него лидер хакасских националистов С. Д. Майнагашев. Не дали результата попытки найти в губернии кандидата-крестьянина. Поэтому список по Енисейской губернии включал Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского, И. В. Монастыршина и Г. Н. Потанина. Аналогичная ситуация сложилась в Иркутске, где местные сторонники движения долго торговались с народными социалистами и бурятскими националистами для заключения предвыборного блока. Однако «переговоры с бурятами не дали никаких результатов,— признавался И. И. Серебренников,— так как они упорно настаивали на том, чтобы им было обеспечено в списке два места, из которых одно должно быть первым»³¹. Поэтому был заключен блок с народными социалистами, и в избирательный список вошли шесть представителей от областников и один — от народных социалистов. Кроме этого собственно областники были выдвинуты по спискам других социалистических партий. М. Б. Шатилов — от эсеров Алтайской губернии, Е. Е. Колосов — от эсеров Енисейской губернии, А. В. Адрианов — от народных социалистов Енисейской губернии, А. Е. Новоселов — от эсеров Акмолинской и Семипалатинской областей, Л. И. Шумиловский и П. И. Казанский — от меньшевиков Алтайской губернии.

Как известно, в Сибири за эсеров проголосовало более 75% избирателей, но выборы продемонстрировали отрицательное отношение подавляющей части населения региона к областничеству и его лозунгам. Так, в Енисейской губернии, где сторонники движения выступили отдельным списком, за них проголосовало: в Красноярске — 214 человек, в Ачинске — 15, Минусинске — 21³². Проигнорировало областников крестьянство. В Пинчугской волости

этой губернии из 4 017 голосовавших за них отдали голоса 346 человек³³. В Томске за областников проголосовало 4 419 избирателей — меньше, чем за большевиков, эсеров и кадетов, в Кузнецком уезде из 98 869 принявших участие в выборах им отдали голоса 627 человек³⁴. Вместе с тем результаты голосования по Томску и губернии свидетельствовали о том, что здесь областники пользовались определенным влиянием и стали четвертой по степени авторитетности группировкой, опередившей меньшевиков и кооператоров. Итоги выборов в Учредительное собрание показали отрицательное отношение населения Сибири к областничеству и его лозунгам. Дальнейшее развитие его концептуальных подходов стало возможным в связи с тем, что они были использованы организациями социалистических партий, и прежде всего эсерами, чтобы не допустить установления советской власти в регионе, а затем и для ее свержения.

В условиях укрепления позиций большевиков их мелкобуржуазные противники во второй половине ноября 1917 г. переходят в контрнаступление. Сибирский областной совет, образованный октябрьским съездом и не подававший признаков жизни, известил о созыве в Томске «чрезвычайного областного съезда», который работал с 6 по 15 декабря 1917 г. Среди его делегатов усилилось представительство мелкобуржуазных партий и группировок (до 90%)³⁵.

На первом заседании съезд лишил права решающего голоса представителей цензовых элементов, что формально объяснялось присутствием сильных групп кооператоров и экономического совета, созданного еще в октябре. Эта акция встретила отрицательную реакцию со стороны представителей буржуазии и привела к осложнениям между областниками-автономистами и эсерами. «Отмежевавшись от представителей торговли и промышленности, путем лишения их права решающего голоса,— заявил А. В. Адрианов,— съезд, на мой взгляд, погубил себя. Он лишился, во-первых, той материальной поддержки, без которой обойтись нельзя; во-вторых, он лишился того содержания, которые ему могут дать цензовые элементы сибирского общества»³⁶.

На заседаниях 6-8 декабря были заслушаны приветствия, доклад лидера омских эсеров П. Я. Дербера об автономии Сибири. Он и выступившие вслед за ним эсеры А. Е. Новоселов, Д. Ф. Портня-

гин, В. В. Кулаков, беспартийный социалист Н. Я. Новомбергский, областник-автономист В. М. Попов потребовали для спасения Сибири от разрухи образовать временную социалистическую власть в лице областной думы. Против этого выступили представитель III Западно-Сибирского съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Закревский и меньшевик-интернационалист Ф. М. Лыткин.

Непонятный на первый взгляд маневр с цензовиками легко объясняется последующими действиями руководителей съезда — эсеров. 9 декабря форум обратился к крестьянам, рабочим и казакам Сибири с призывом. Заявив о твердом намерении «приступить к организации временной всесибирской социалистической власти» и мимоходом выразив «горячее желание спасти Сибирь и вместе с ней всю Россию», делегаты призвали: «Все, в ком бьется чувство любви к трудящимся; все, кому дороги жизнь, развитие и процветание Сибири; все, кто одушевлен мыслью свободной жизни всех сибирских народностей, все под знамя сибирского съезда трудящихся. Все на защиту сибирской социалистической власти. Да здравствует общесоциалистическая власть в Сибири!»³⁷.

Одновременно было принято постановление о том, что будущее сибирское правительство должно быть социалистическим — от народных социалистов до большевиков включительно. Таким образом, эсеровское руководство съезда пыталось «растворить» большевизированные советы в массе контролируемых ими организаций (земство, городские думы, кооперативные объединения и т. д.), заманив их в областную думу лозунгом «однородно-социалистического правительства» и формальным разрывом с буржуазией.

Постановление о создании «однородно-социалистического» сибирского правительства вызвало возражения со стороны объединенной фракции городских и земских самоуправлений, областников, кооператоров и академической группы. От ее имени Г. Б. Патушинский на заседании 12 декабря выступил против вхождения большевиков в планируемое правительство («находим, что нельзя совместно работать с людьми, руки которых обгарены братской кровью»)³⁸.

В этой обстановке от имени фракций эсеров, меньшевиков и национальных групп 77 голосами при 34 воздержавшихся принимается следующая формула перехода: «Переходя к вопросу о конструк-

ции временной власти в Сибири, чрезвычайный сибирский съезд постановляет, что до Учредительного Собрания Сибири орган контролирующий и законодательный должен состоять исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов, что же касается до власти исполнительной, то она должна быть социалистической, причем в состав органа исполнительной власти могут войти все социалистические партии от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, если партии принимают платформу настоящего съезда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всероссийское Учредительное собрание и за областное народоправство Сибири, так как только эта платформа может предотвратить государственный развал»³⁹.

Наконец, на последнем заседании 15 декабря съезд принимает решение создать «во имя спасения Сибири общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и Областного совета, ответственного перед областной думой»⁴⁰. Поэтому на 8 января 1918 г. в Томске назначается открытие первой сессии Сибирской областной думы (СОД). Одновременно с этим в декларации по текущему моменту областной форум постановил «в кратчайший срок, не позднее марта месяца созвать Сибирское Учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права»⁴¹. Единственным источником власти в России объявлялось Учредительное собрание. Тем самым вопрос о создании сибирского правительства ставился в зависимость от его решения. Но, связав себя с Учредительным собранием, региональный съезд пытался создать определенные правовые гарантии от разгона думы и правительства, поскольку ВЦИК принял решение созвать Всероссийское Учредительное собрание 5 января 1918г.

Значительные затруднения у организаторов съезда вызвал вопрос о формировании сибирского правительства. Формально, согласно «Положению о временных органах управления Сибири», законодательная власть в регионе возлагалась на Сибирскую областную думу, исполнительной же наделялся Областной совет, ответствен-

Глава 6

ный перед думой. Но эти органы, исходя из правовых положений, сформулированных декабрьским съездом, могли легитимно существовать только после одобрения Учредительным собранием законопроекта о сибирской автономии и после проведения выборов в Областную думу.

Однако организаторы съезда не могли опереться на реальную силу, особенно после установления советской власти в Томске и подавления юнкерского мятежа в Иркутске. Поэтому вынашиваемые к моменту открытия форума планы завершить его работу формированием «сибирского правительства» пришлось на время отложить. 15 декабря 1917 г., ввиду «скорого созыва Думы», съезд образовал Временный Сибирский областной совет «без распределения портфелей». Его председателем стал Г. Н. Потанин, членами — П. Я. Дербер, А. Е. Новоселов, М. Б. Шатилов, Г. Б. Патушинский. Управляющим делами Совета назначен Е. В. Захаров. За исключением Потанина и народного социалиста Патушинского, все остальные являлись эсерами.

Следует заметить, что если отказ правых социалистов от сотрудничества с буржуазией вызвал недовольство областников в лице Г. Н. Потанина и А. В. Адрианова, то фиговый листок общесибирской социалистической власти привел к разрыву с эсерами и отказу Потанина от председательского поста во Временном Сибирском областном совете. В открытом заявлении по этому поводу патриарх сибирского областничества, сам того не желая, раскрыл суть тайных манипуляций организаторов съезда. «Я передал тогда (на съезде — *М. Ш.*) В. М. Крутовскому письменное заявление, — подчеркнул Григорий Николаевич, — в котором протестовал против исключения цензовиков, а также и против резолюции вообще, в которой я усмотрел угодничество перед большевиками, являющимися господами положения в Томске. Защитники резолюции уверяли, что предвидится Областная дума и Сибирское учредительное собрание, которые могут постановить к включению в состав сибирского правительства цензовиков и исключению большевиков; что выработанная редакция резолюции требуется современным положением; они уверяли, что резолюция, составленная в другом духе, может вызвать обострение отношений с большевиками и даже разгон съезда.

В письменном заявлении и в разговорах с отдельными членами съезда я высказывался за прямую и откровенную политику по отношению к большевикам...»⁴².

Г. Н. Потанин понимал, что его имя используют как знамя для консолидации антибольшевистских сил и на первых порах против этого не возражал. Устраивало его и то, что деятельность Совета происходила без всякого участия с его стороны. «Мне только приносили время от времени некоторые документы для подписи, — отмечал он, — в которых не заключалось никакого расхождения с моими взглядами». Сыграл свою роль возрастная фактор, и сам патриарх признавался: «Я не сознавал себя способным к той организаторской деятельности, которой требовало наступившее время... К такой борьбе я считал себя неспособным, но отказ от звания председателя при первых шагах практического осуществления идей я находил неудобным; он мог подействовать на сибирское общество расхолаживающим образом»⁴³.

Между лидером областничества и эсерами из Временного Сибирского областного совета не было принципиальных разногласий — все они находились на антибольшевистских позициях. «Областной сибирский совет состоит из молодых людей, — признавался Потанин, — из разговоров с ними я убедился, что, несмотря на их молодые годы, они далеко меня опытнее в ведении партийной борьбы. Все они эсеры и противники большевиков». Разногласия носили тактический характер. Прямолинейный и принципиальный Г. Н. Потанин требовал немедленного разрыва с большевиками и развертывания борьбы с ними: «Политика Совета показалась мне недостаточно прямой и откровенной. Я относился к большевикам как к узурпаторам, Совет же в таком мнении о них не признавался. Он как будто избегал откровенно высказаться по этому вопросу»⁴⁴. Эсеры понимали, что данное обстоятельство автоматически приведет к краху затеи с Областной думой, и действовали более осторожно.

О своем намерении уйти в отставку Григорий Николаевич заявлял членам Временного Сибирского областного совета 20, 21, 23 декабря, а 30 декабря 1917 г. направил формальное заявление об отставке. Нам представляется, что позиция Потанина не была на-

вязана ему «потанинским кружком», и прежде всего А. В. Адриановым, как утверждали члены Областного совета в открытом заявлении 1 января 1918 г.⁴⁵, хотя редактор «Сибирской жизни» публично признавал возможность манипулирования лидером движения⁴⁶. Уход Потанина серьезно ударил по престижу Временного Сибирского областного совета и заставил его членов 1 января 1918 г. принять мотивированное заявление для печати, в котором отступнику грозили сообщить общественности о фактах, предшествующих и сопровождающих его отказ. На этом же заседании председателем Совета был избран П. Я. Дербер.

Данные обстоятельства не означали автоматического перехода на позиции Г. Н. Потанина — А. В. Адрианова и всех других сторонников. В Областном совете работали Г. Б. Пагушинский и М. Б. Шатилов, его поддерживали областники-эсеры В. И. Анучин, Н. Н. Козьмин, К. В. Дубровский. Определенная часть последователей Потанина заняла нейтральную позицию, которая была сформулирована в передовой статье «Сибирская республика» газеты «Иркутская жизнь»: «Мы должны сказать, что голоса сибирского народа, если бы такой был как отличный от великорусского, до сих пор не было слышно при решении вопроса о судьбе Сибири. Высказывались только партии и представители невлиятельных организаций... Сибиряки-солдаты не доросли до идеи сибирской независимости. Отдаться же внешним друзьям — значит не видеть независимости, призвав против Родины-России ее врагов»⁴⁷.

Открыть легально Сибирскую областную думу не удалось. Советские власти Томска предотвратили эту акцию массовыми арестами ее депутатов и изъятием делопроизводства Временного Сибирского областного совета 25-26 января 1918 г. Тем не менее оставшиеся на свободе депутаты в ночь на 29 января нелегально собрались на сессию, сформировали Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) во главе с П. Я. Дербером и приняли его декларацию. Формирование кабинета министров происходило при деятельном участии областников. Г. Н. Потанин «настойчиво советовал своим друзьям Вологодскому и Крутовскому не отказываться [от] участия в правительстве», — говорилось в одной из телеграмм ВПАС. Этот же источник сообщал,

Сибирское областничество в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг.

что фракция областников составила свой список кандидатов в члены правительства, «пять человек из этого списка были включены в состав Временного правительства»⁴⁸. В документе не названы фамилии, но их легко можно «вычислить» из списка министров. Безусловно, это П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, И. А. Михайлов, И. И. Серебренников, М. Б. Шатилов.

§ 2. Сибирские областники в период «демократической» контрреволюции (февраль - ноябрь 1918 г.)

Разгон Сибирской областной думы вызвал отрицательную реакцию и осуждение всех политических группировок региона. Однако не встретило поддержки и формирование Временного правительства автономной Сибири, эсеровский состав которого приводил в ярость правые круги. Выражая их интересы, одна из белогвардейских газет уже летом 1918 г. следующим образом охарактеризовала ВПАС: «Мы знаем, что выдвинутое Сибирской областной думой правительство сначала возглавлялось Г. Н. Потаниным, потом это правительство шархнулось влево, благодаря чему Потанин вышел из него и правительство стало возглавляться Дербером, о котором мы знаем, что он, будучи в прошлом году главным деятелем областного совета крестьянских депутатов в Омске, усиленно вскармливал своей грудью большевиков и от которых... вынужден был бежать к китайцам в Харбин»⁴⁹.

Г. Н. Потанин, несмотря на свою формальную и фактическую отстраненность от реальных политических процессов, оставался наиболее авторитетным лидером в Сибири в глазах руководителей и участников антибольшевистского движения первой половины 1918 г. 16 марта от имени своих друзей он обратился с воззванием «К населению Сибири», напечатанном в газетах и распространявшемся в виде листовок. Он предупреждал, что «Сибирь в опасности. С востока в ее пределы вступают иностранные войска, они могут сказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно, это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент». А проявить себя можно только одним образом: «Мы

должны громко заявить свое право на самоопределение и сказать, что мы хотим сами быть хозяевами своей страны. Мы должны употребить все средства, чтобы заявить это как всем нашим врагам, так и друзьям, как противникам нашего областного самоуправления, так и сторонникам областной автономии»⁵⁰.

В апреле 1918 г. в Томске нелегально появился эмиссар Л. Г. Корнилова генерал В. Е. Флуг, который должен был установить контакт с лидером сибирской контрреволюции Потаниным. Свои впечатления от встречи он изложил следующим образом: «Г. Н. Потанин, которого я посетил в первый же день пребывания в Томске, оказался дряхлым старцем, со слабыми остатками зрения и слуха, живущим в крайне тяжелых материальных условиях. Письмо Л. Г. Корнилова, которое я ему привез, мне пришлось самому прочитать Григорию Николаевичу вслух, после чего он, заявив, что от старости уже не принимает личного участия в политике, пригласил своего соседа А. Н. Гаттенбергера, рекомендовав мне последнего как общественного деятеля и вполне доверенное лицо, замещающее его в кружке, названном его именем»⁵¹.

Как ни парадоксально, но созданное специально для развертывания антисоветской деятельности Временное правительство автономной Сибири во главе с П. Я. Дербером ничего не сделало для решения этой задачи, окопавшись в Харбине. В Сибири остались лишь министры, выдвинутые в его состав областниками,— П. В. Вологодский, И. А. Михайлов, Вл. М. Крутовский, М. Б. Шатилов, И. И. Серебrenников, причем они или не знали о своем избрании, или не разделяли программные положения ВПАС.

Пришедший к власти в Сибири сразу после мятежа Чехословацкого корпуса эсеровский Западно-Сибирский комиссариат осуществлял на практике реализацию идей «народоправства». Против этого выступали правые круги, поддержанные областниками. «Вдруг появляются неведомые дотолде люди и заявляют: „Мы уполномоченные Сибирского правительства“. И городская Дума кричит: „Ура! Да здравствует таинственная, рожденная в подвале Томского университета, при свете огарков, власть!“»,— иронизировал по поводу деятельности Комиссариата анонимный автор в 1919 г.⁵²

Буржуазно-областнические круги выступили с лозунгом «полного единения всех выдающихся сил, без отношения к тому, к какой партии они принадлежат и какому богу молятся»⁵³. Первым конструктивным шагом в данном направлении со стороны Западно-Сибирского комиссариата Г. Н. Потанин считал приглашение в него «какого-нибудь лица, не принадлежавшего к социалистическим партиям или, по крайней мере, не принадлежавшего к партии социалистов-революционеров»⁵⁴.

Давление на Комиссариат шло по двум направлениям. С одной стороны, в печати формулировались предложения и требования создания коалиции мелкобуржуазного блока с буржуазным. «Потанинский кружок» наметил кандидатов в будущее сибирское правительство, в которое должны были войти П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, Е. Е. Колосов, Мукосеев (томич, видный публицист и финансист), М. Н. Вознесенский, Л. А. Устругов, А. А. Краковецкий, Старк, А. В. Колчак. «К таким было бы обращено общественное доверие,— восклицал представитель объединения Юрьев,— вокруг них быстро образовался кадр необходимых работников. Лица эти — живая программа»⁵⁵. Как видим, планируемое томскими областниками правительство должно было состоять из правых эсеров, областников и правых элементов. Симптоматично, что правые эсеры являлись активными сторонниками областничества, а среди буржуазных элементов преобладали «деловые» лица.

С другой стороны, для давления на Западно-Сибирский комиссариат развернулась кампания по дискредитации дерберовского ВПАС. Однако критика направлялась не против всех его министров, а против «ставленников демагогов, людей, широким кругам сибирского общества неизвестных, из цикла „мартовских социалистов“». В противовес им выделялись министры, «люди яркие, безупречные, со славным общественным прошлым, например] А. Е. Новоселов, Шатилов», которые характеризовались как истинные представители сибирского общества⁵⁶.

Сформировав правительство и приняв декларацию, Сибирская областная дума признаков жизни не подавала вплоть до лета 1918 г. 5 июня в Томске начались частные совещания ее членов. Их учас-

тников можно разбить на две группировки — эсеров и их союзников (М. П. Рудаков, В. З. Малахов, В. Е. Никитин, Д. С. Сотников, З. С. Гайсин, И. М. Скуратов, И. А. Черемных), а также областников и националистов (Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, А. Д. Романов, Б. П. Вейнберг, Ю. Р. Саев, С. С. Борисов, С. П. Никонов, Н. М. Карпов). Острая полемика развернулась по поводу персонального состава будущего сибирского правительства, поскольку областники и националисты отвергали возможность восстановления эсеровского ВПАС.

Уже на первом заседании принимается решение делегировать в Новониколаевск на помощь Комиссариату часть депутатов Думы. А. В. Адрианов потребовал установления контроля частного совещания над Западно-Сибирским комиссариатом. Эсерам удалось отвергнуть предложение, поскольку «государственно-правовое положение частного Совещания не дает возможности установить такого контроля»⁵⁷. Острая полемика развернулась 22 июня в связи с обнародованием в «Сибирской жизни» предложения «потанинского кружка» по составу будущего сибирского правительства. Эсер И. М. Скуратов выразил недоумение по этому поводу, поскольку «правительство есть, оно находится на Востоке и было выбрано на тайном совещании членов Областной думы». На что А. В. Адрианов в сердцах заявил: «Если вы так себя поведете, то заставите „Сибирскую жизнь“ выступить с объяснением, кто выбрал Временное Сибирское правительство, кто выбрал вашего Дербера. Неужели Дербер председатель Совета Министров Сибири?! Было на тайном Совещании каких-то 40 человек»⁵⁸.

30 июня 1918 г. в Омске состоялось совместное заседание членов Западно-Сибирского комиссариата и четырех министров ВПАС, обнаруженных в Сибири (П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, Г. Б. Патушинский и М. Б. Шатилов). На нем присутствовали председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев и командующий «белой» Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов. Было принято решение «составить из наличного состава Сибирского правительства Совет Министров»⁵⁹. Сами министры в телеграмме ВПАС сообщали, что сделали это «во имя обеспечения демократического строя и ограждения власти Сибирского правительства»⁶⁰.

Позднее к перечисленным министрам добавились И. А. Михайлов и И. И. Серебренников. Так возникло Временное Сибирское правительство (ВСП) во главе с Вологодским, формально просуществовавшее до 4 ноября 1918 г.

В первом программном документе — «Декларации о государственной самостоятельности Сибири» от 4 июля 1918 г.— ВСП связало свое существование с Областной думой: «Временное Сибирское правительство торжественно объявляет, что оно одно вместе с Сибирской Областной думой являются ответственными за судьбу Сибири, провозглашая полную свободу независимых отношений с иностранными державами, а также заявляет, что никакая иная власть, помимо Временного Сибирского правительства, не может действовать на территории Сибири или обязываться ее иметь». Далее своим священным долгом правительство объявило скорейший созыв Всесибирского Учредительного собрания. В заключение декларировалось, что ВСП не считает Сибирь навсегда оторванной от тех территорий, «которые в совокупности составляют державу Российскую, и полагает, что все его усилия должны быть направлены к воссоединению Российской государственности»⁶¹.

Серьезная поляризация сил происходила в это время среди собравшихся в Томске членов Сибирской областной думы. Наш вывод подтверждает письмо А. В. Адрианова П. В. Вологодскому от 22 июля 1918 г. «Я пока воздерживаюсь от бойкота Думы,— откровенничал редактор „Сибирской жизни“,— от заявления о ее ненужности, но, следя за поведением Частного совещания, думаю, грядет конфликт ее с Правительством. Дума эта большевистская и ни для какой работы не пригодная... Мне хочется выступить в печати с открытым заявлением и дать совет Думе — собрать ее только, чтобы принять законопроект правительства о пополнении Думы цензовыми элементами, утвердить правительство, предоставить ему самопополняться и — объявить себя распушенной»⁶².

Фактически в Думе сложился блок, объединяющий правое крыло мелкобуржуазной демократии и буржуазных элементов с участием областников, который ориентировался на установление военной диктатуры. Подобное объединение, получившее название «оборон-

ческого социалистического блока», примерно в то же время оформляется в Омске.

Укрепив свое положение, Омское правительство обнародовало программу деятельности. Произошло это на объединенном собрании 4-го круга Сибирского казачьего войска, 4-го областного крестьянского съезда и Епархиального съезда духовенства и мирян Акмолинской области 13 июля 1918 г., где с большой речью выступил П. В. Вологодский. Прежде всего он заявил, что «Сибирское Временное правительство вышло из недр Сибирской областной думы, этой давней мечты сибирских патриотов»⁶³, и отдал должное создателям областнической теории, представителям сибирского казачества Ф. Н. Усову, А. Д. Шайтанову, А. К. Сапожникову, А. П. Нестерову, А. М. Подкорытову во главе с «первым мучеником идеи сибирской самостоятельности» Г. Н. Потаниным. Заканчивалась речь призывом послужить на пользу всей великой России и утверждением, что «день спасения России, будет днем торжества сибирской идеи областничества»⁶⁴.

Как видим, ВСП всячески поднимало на щит областничество. С триумфом прошла поездка Г. Н. Потанина в Омск и Тобольск. Во время его пребывания в столице «белой» Сибири 5 июля ВСП приняло решение о присвоении ему первого звания Почетного гражданина Сибири и назначении персональной пожизненной пенсии. Командующий Сибирской армии генерал А. Н. Гришин-Алмазов 12 июля издал специальный приказ, в котором передал войскам привет и пожелание успехов от Потанина и, в свою очередь, пожелал ему «сил и здоровья для работы на счастье и славу дорогой ему Сибири»⁶⁵.

Несмотря на сильное давление справа, Временное Сибирское правительство приняло решение об открытии сессии Сибирской областной думы 15 августа 1918 г. Всего собралось 137 депутатов, преимущественно интеллигенты, а в партийном отношении — социалисты. Только 28 участников назвали себя беспартийными и областниками⁶⁶ и объединились в отдельную фракцию (почетный председатель Г. Н. Потанин, председатель А. В. Адрианов, секретарь И. П. Чертовских, члены бюро: Н. Я. Новомбергский, И. П. Бедро, Н. А. Филашев, С. М. Мелентьев, М. В. Сабунаев и А. А. Романов).

Эсеры пытались использовать думу для давления на Временное Сибирское правительство. Основной силой, противостоявшей им, из-за отсутствия кадетов, стали областники. Они считали себя правым флангом представительного органа и в декларации, зачитанной Н. Я. Новомбергским, прямо заявили, что «состав настоящего законодательного собрания не соответствует решающей значимости предстоящих задач», и потребовали расширения представительства в думе, отказа от «пораженческих завоеваний революционной демагогии» и «вождедений как справа, так и слева»⁶⁷. Фракция областников и беспартийных настаивала на организации власти «не по признакам партийности, а по признакам дееспособности, персонального авторитета, проникновения идеями патриотизма». Формирование этой власти они предполагали поручить ВСП, не связывая его «никакими определенными директивами, кроме обязанности образовывать всероссийское центральное правительство на той платформе, на которой сошлись здесь оба сектора»⁶⁸.

Таким образом, все члены СОД, включая областников и эсеров, рассматривали ее как высший законодательный орган власти в Сибири, перед которым ответственно ВСП. Но эсеры и их союзники считали кабинет П. В. Вологодского временным, функционирующим до формирования временной же всероссийской власти, которую необходимо образовать под руководством членов Учредительного собрания, т. е. преимущественно тех же эсеров. Областники смотрели на Временное Сибирское правительство как на постоянно действующий орган и инструмент создания общероссийской власти на признаках не партийности, а «дееспособности и персонального авторитета». Сибирская областная дума, по их мнению, должна была выработать платформу деятельности «всероссийского центрального правительства».

Пользуясь своим преобладанием, левое крыло СОД 70 голосами против 22 утвердило резолюцию, предложенную эсерами, меньшевиками и националистами. Дума приняла решение направить для ознакомления с ее мнением делегацию во главе с Н. М. Карповым на предстоящее в сентябре в Уфе государственное совещание.

В этой обстановке Временное Сибирское правительство решило приостановить заседания Областной думы до 10 сентября 1918г., формально на основании неполноты кворума и необходимости попол-

нения ее состава. Продолжали заседать только ее комиссии. Вопрос о власти был решен временно в ходе острого политического кризиса с эпицентром в Омске и на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. Следствием кризиса стало формирование Временного Всероссийского правительства (Директория), преобразование ВСР в Совет министров при ней и самороспуск Сибирской областной думы 10 ноября 1918 г.⁶⁹

Омский кризис в сентябре 1918г. привел к углублению раскола среди областников. Их фракция в Сибирской областной думе несколько раз обсуждала текущий момент, но из-за «различия в отношении к этому вопросу отдельных членов фракции», она «воздержалась от каких либо публичных выступлений»⁷⁰. В конечном счете, во второй половине октября появилось заявление от фракции областников и беспартийных, подписанное Г. П. Потаниным, А. В. Адриановым, В. М. Поповым и Н. Я. Новомбергским, в котором уже с учетом ситуации, сложившейся после омских событий, утверждалось, что «Сибирская областная дума должна была не оспаривать у Совета министров верховных прав и без шума сойти с политической сцены». Авторы заявления обвинили думу в том, что в результате ее действий на Уфимском государственном совещании авторитет Временного Сибирского правительства «оказался поколебленным и всероссийская власть была оформлена без закрепления за Временным Сибирским правительством преобладающего влияния»⁷¹.

Это заявление было публично опротестовано другими членами фракции — А. Д. Мостовым, Н. И. Эверестовым, А. Д. Романовым, П. С. Мраморным, Б. П. Вейнбергом, М. В. Сабунаевым, А. Ампиловым, которые утверждали, что фракция не уполномочивала Потанина, Адрианова, Новомбергского и Попова высказывать от ее имени подобные суждения и не вырабатывала общей платформы по данному вопросу. Большинство фракции считало, что «такою должна быть судьба думы в ее нынешнем (эсеровском.— *М. Ш.*) составе. Поэтому большинство фракции принимало самые энергичные шаги для пополнения представительства от крестьян, казаков и туземных племен — шаги, тормозившиеся фракцией эсеров при содействии министра юстиции Г. Б. Патушинского»⁷². Из этого они делали вывод, что нельзя рассматривать деятельность Сибирской обла-

стной думы как преступную и антиправительственную, на чем настаивала четверка.

Таким образом, определенная часть сторонников движения, группировавшаяся вокруг Г. Н. Потанина, в конфликте Временного Сибирского правительства и Думы встала на сторону правительства. Эта позиция была обоснована Потаниным еще в середине сентября, до омских событий. Другая часть областников и беспартийных высказала свое отрицательное отношение к созданной (эсеровской) Сибирской областной думе, но считала необходимым сохранить ее и продолжить «законодательную деятельность ее» в пополненном составе⁷³. Уже позднее, в декабре 1918 г., Г. Н. Потанин подтвердил свою позицию по данному вопросу: «Я с самого начала образования Сибирской областной думы относился к ней отрицательно, так как считал, что она не отражает ни воли, ни настроения населения Сибири, включая в свой состав исключительно левые партии, которые не выражали действительного настроения большинства населения. На мой взгляд, в Думу должны были войти представители всех вообще партий без каких-нибудь исключений, а главная роль должна была принадлежать в ней областникам...»⁷⁴.

18 ноября 1918 г. во все концы Сибири было передано сообщение, что «вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного Всероссийского правительства, Совет Министров, с согласия наличных членов Временного Всероссийского правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти». Далее: «Совет Министров постановил передать временное осуществление верховной государственной власти адмиралу А. В. Колчаку, присвоив ему наименование верховного правителя»⁷⁵. В свою очередь, А. В. Колчак также обратился с воззванием, в котором сообщалось о распаде Временного Всероссийского правительства и передаче адмиралу верховной власти. Декларировалось, что «главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспристрастно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществит великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру»⁷⁶.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что период «демократической» контрреволюции продолжался в Сибири до 18 ноября 1918 г. В течение июня — ноября у власти находились представители мелкобуржуазного блока (эсеры, меньшевики, народные социалисты, националисты, областники, кооператоры, земцы и др.), придерживавшиеся лозунгов «народоправства». Выразителем интересов этого блока являлись Западно-Сибирский комиссариат и часть министров Временного Сибирского правительства.

Мелкобуржуазная контрреволюция постепенно эволюционировала вправо к союзу с кадетами. Определенными вехами стали ликвидация преобладания эсеров в составе руководящих органов при передаче власти Западно-Сибирским комиссариатом Временному Сибирскому правительству, фактический разрыв ВСП с породившей его Сибирской областной думой путем вывода из своего состава сторонников думы Вл. М. Крутовского, Г. Б. Патушинского и М. Б. Шатилова, банкротство попытки эсеров подчинить своему влиянию ВСП на Уфимском государственном совещании и в дальнейшем (сентябрь — октябрь 1918 г.). Под давлением правых в сентябре произошел развал мелкобуржуазного блока. На сторону кадетов перешли кооператоры, националисты, гораздо ранее это сделала часть областников во главе с Г. Н. Потаниным и А. В. Адриановым. Вокруг них объединилась элитарная интеллигенция, составлявшая большинство Временного Сибирского правительства и Всероссийского Совета министров. В конечном счете, она обеспечила переход от «демократической» контрреволюции к военной диктатуре адмирала А. В. Колчака.

§ 3. Сибирские областники в период колчаковщины и завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке (ноябрь 1918 —ноябрь 1922 г.)

Установление единоличной диктатуры А. В. Колчака внесло определенные коррективы в расстановку сил в лагере местной контрреволюции. Открыто встали на путь активной поддержки режима ка-

детские организации. При этом они использовали государственный переворот 18 ноября 1918 г. для дискредитации социалистов-революционеров. Параллельно с этим правые круги заняли отрицательную позицию по отношению к областничеству. «Настаивать на сибирской автономии в настоящее время я считаю не только „преждевременным“, но и вредным,— подчеркивал политический обозреватель омской «Сибирской речи» Н. Яковлев,— ибо все наши помыслы и силы должны быть отданы единственному безраздельному делу — воссозданию единой (не федеративной) Великой России». Вместе с тем он в принципе не отказывал областничеству в праве на существование. Более того, положительно отзывался об областниках-автономистах, сомкнувшихся с кадетами. По мнению автора, «Областная дума не имеет ничего общего с областничеством, и представителями же новейшего сибирского автономного движения являлись стоящие на интернационалистской точке зрения эсеры — главным образом левого крыла и центра, которые свои требования автономии обосновывали идеей федеративного устройства всей России. Настоящие сибирские областники остались в стороне от этого движения, которое можно было бы назвать политическим областничеством»⁷⁷.

Вслед за кадетами переворот поддержали представители правого крыла мелкобуржуазной демократии. Прежде всего это относится к омскому блоку «общественных и политических объединений». Вслед за ним за всемерную поддержку колчаковского режима высказалось совещание семи комитетов Трудовой народно-социалистической партии, проходившее в Омске 13-15 января 1919 г.⁷⁸

В конце 1918-начале 1919 г. окончательно разошлись позиции различных групп собственно областников, или областников-автономистов. Линией водораздела явилось их отношение к колчаковской диктатуре. И. И. Серебrenников в письме к П. В. Вологодскому от 3 марта 1919 г. следующим образом охарактеризовал ситуацию: «...благодаря последним событиям, областники в Сибири начинают дробиться на два крыла: есть, как можно выразиться, правые и левые. Правые областники стоят на точке зрения поддержки существующего правительства, левые — находятся в оппозиции к нему и сильно „эсерствуют“ и никак не могут примириться с фактом временного самоуничтожения Сибирского правительства, называя нас

предателями и изменниками. К правым областникам я причисляю Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, Вас и себя, надеюсь, и Н. Н. Козьмина; к левым — В. М. Крутовского и Г. Б. Патушинского, который здесь мечет гром и молнии против Вас и против меня. Благодаря деятельности гг. Курского и Жерновкова, во многих городах Сибири и Дальнего Востока организовались областнические организации правого типа под наименованием местных отделов „Потанинского Союза областников-автономистов“. В Иркутске существует областническая организация, возглавляемая Г. Б. Патушинским — левого типа, отказавшаяся здесь даже вступать в блок с умеренными партиями и организациями, начинающимися блокироваться наподобие омского блока. Местный отдел „Потанинского союза“ попытаюсь организовать здесь я сам. Таким образом, в недалеком будущем здесь будут существовать две враждебно настроенные друг против друга областнические организации. В Красноярске, думаю, областники должны быть также левого типа»⁷⁹.

Большая часть сторонников анализируемого движения, и прежде всего Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, И. И. Серебренников, И. А. Михайлов, Н. Д. Буяновский, Л. И. Шумиловский и другие безоговорочно поддержали колчаковщину. Так, А. В. Адрианов до конца оставался глашатаем антикоммунизма, проповедуя в «Сибирской жизни» решительную борьбу с «бунтарскими перспективами большевизма»⁸⁰. В связи с этим данная группа областников полностью прекратила разговоры об автономии Сибири. Например, омские сторонники движения на собраниях 4 и 11 мая 1919 г., проведенных «для оживления своей деятельности и выяснения отношения к современным событиям», сетуя на то, что омское правительство, став все-российским, начало забывать местные проблемы, тем не менее высказались против созыва в обозримом будущем сибирского областного собрания.

Определенная часть областников-автономистов, ориентировавшаяся на эсеров, вместе с последними составила оппозицию колчаковскому режиму. Позиции данной группы выражал Вл. М. Крутовский и редактируемый им журнал «Сибирские записки». В первую очередь, он попытался выяснить причины краха Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства. По его мнению,

«к сожалению, около Сибир[ского] Прав[ительства] и в его толще истинных сибиряков-областников-патриотов было ничтожное число, остальную массу составляли люди с запада, беженцы из России, для которых петербургский центр всегда был выше всего. Они смотрели на сибирское правительство как на временную меру и в их цели не входило укреплять правительство. Центристское течение взяло верх и одним ударом покончило с молодым областным правительством». Отсюда следовал самокритичный для областников вывод: «Мы, сибирские патриоты-областники, очутились у разбитого корыта: Сибирского правительства нет уже, покончила самоубийством Сибирская областная дума и Сибирская автономия более не существует»⁸¹.

Взаимоотношения этой группы областников и колчаковской администрации наглядно показывает история возглавляемого Вл. М. Крутовским Красноярского союза областников, объединившего к весне 1919 г. примерно 50 человек. Дело заключалось в том, что до «окончательного расследования событий в Омске» 21-24 сентября 1918 г. начальник гарнизона Красноярска полковник М. И. Федорович 10 октября запретил проведение общего собрания Союза «с обсуждением политических вопросов». Разгневанные областники обратились в Омск. Сообщая о гонениях полковника, Вл. М. Крутовский писал председателю Директории Н. Д. Авксентьеву, что «Союз областников беспрепятственно работал даже при большевиках», а в дни «освобождения г. Красноярска и Енисейской губернии... сыграл огромную роль, так как им-то здесь и были организованы силы для борьбы и собраны необходимые для этого средства»⁸².

Не получив ответа, совет Красноярского союза 12 декабря 1918 г. вновь обратился теперь уже к П. В. Вологодскому с прошением о разрешении его деятельности и рассказом о своих мытарствах. На сей раз указания омскими властями были даны и енисейский губернский комиссар 17 января 1919 г. известил местных сторонников движения: «...не встречая со своей стороны препятствий к устройству общего собрания Областного союза, я, ввиду объявления города Красноярска состоящим на осадном положении, предлагаю Правлению за разрешением на созыв общего собрания обратиться к начальнику гарнизона гор. Красноярска, кото-

рого я вместе с сим поставлю в известность об изложенном»⁸³. Круг замкнулся, и вопрос о собрании был отдан на разрешение тому же полковнику, ранее запретившему его. Вместе с тем возникла угроза самому существованию Союза, поскольку губернская администрация как бы между прочим поинтересовалась, имеется ли у него устав, зарегистрированный в окружном суде. Срочно разработанный советом объединения, он не был зарегистрирован по ряду формальных положений. То есть Красноярский союз сибиряков-областников не имел права на законное существование.

4 марта 1919 г. общее собрание Союза обсудило и приняло злополучный устав с исправлениями и дополнениями. Для нас этот документ представляет интерес в связи с характеристикой позиций анализируемого крыла областников. Своей ближайшей целью они провозгласили активную пропаганду и распространение положения об автономном устройстве Сибири в целом и в отдельных, входящих в ее состав народностей «на идее вхождения в состав всей России как федеративной единицы и при условии демократически-парламентского образа правления в России». Конкретно для региона предполагалось добиваться созыва Сибирского Учредительного собрания, выработки и утверждения сибирской конституции и все это посредством пропаганды среди населения идей «народовластия и демократического устройства»⁸⁴.

Примерно те же цели преследовала образованная в начале марта 1919 г. в Иркутске областническая организация во главе с Г. Б. Патушинским⁸⁵, которая в сентябре трансформировалась в губернский союз областников-автономистов. Его устав, утвержденный Иркутской судебной палатой, целью объединения объявлял «распространение идеи автономного устройства Сибири, понимая это устройство как самостоятельное самоопределение и самоуправление Сибири в целом и отдельных областей, входящих в ее состав на идее вхождения в состав России, как федеративной единицы при условии демократического, парламентского правления в России». Для реализации поставленной цели Союз считал необходимым созвать Сибирское Учредительное собрание, которое должно принять Положение о внутреннем устройстве Сибири и ее управленческих органах,

а также высказаться по поводу «политического устройства Всероссийского Государства»⁸⁶.

Промежуточное положение между двумя группами заняла третья группировка областников, собравшая в основном лиц, ориентированных на народных социалистов и примкнувших к движению после февраля 1917 г., среди них—И. А. Михайлов, И. А. Молодых, М. П. Головачев, Н. Я. Новомбергский, А. Д. Баженов, Н. Н. Козьмин и др. Большая их часть под руководством И. А. Михайлова летом 1919 г. в Омске объединилась в Западно-Сибирский отдел Сибирской областной организации, который в июле 1919 г. подготовил и обнародовал «Декларацию сибиряков-областников», за что И. А. Молодых и М. П. Головачев были высланы из Омска⁸⁷.

В ней уже традиционно выдвигались претензии областников выражать интересы всех партий и объединять «всех, кто тесно связан с Сибирью и признает лишь непрременным условием нормального развития единого и неделимого Российского Государства начала децентрализации управления». Далее признавалось: «...переходной формой Российской власти до окончательной победы над большевиками и до создания Национального Учредительного Собрания, в интересах сибирских разрозненных частей России, должна оставаться обладающая всей полнотой власти Верховная Государственная власть, осуществляемая Верховным Правительством...». Вместе с тем считалось своевременным поставить перед этой властью вопрос о создании сибирского областного управления с «законосовещательным органом по местным вопросам». Наконец, были перечислены те местные вопросы, которые должны были быть решены в ближайшее время. Прежде всего авторы декларации требовали «установления и защиты земельных прав старожилов-крестьян, казаков и инородцев, а равно хозяйственного устройства прежних переселенцев»⁸⁸. Таким образом, упомянутое крыло областников считало возможным осуществление концептуальных подходов движения в условиях колчаковской диктатуры, от которой ожидало их проведение в жизнь.

В условиях начавшегося развала колчаковщины летом 1919 г. создается комиссия под председательством А. С. Белецкого-Белорусова по подготовке положения о выборах в обещанное А. В. Кол-

чаком после победы над большевиками Национальное собрание. Комиссия просуществовала до осени 1919 г. и прекратила работу в связи с внезапной смертью своего руководителя.

С деятельностью этой комиссии связана последняя известная нам организованная попытка областников поставить вопрос об автономии Сибири. Дело в том, что заместителем председателя комиссии назначается Н. Н. Козьмин, которому поручается обсудить вопрос о сибирском областном (региональном) представительном органе. Во второй половине сентября он совершил поездку по Сибири «для ознакомления общественных кругов с результатами своей работы». Суть его предложений сводилась к проекту учреждения Сибирской областной думы и Сибирского областного совета. Параллельно с ними, согласно документу, исполнительная власть должна была принадлежать генерал-губернатору как представителю центрального правительства и командующему войсками, расквартированными в Сибири. Думу предлагалось избирать на четыре года из лиц, родившихся в Сибири или проживших в ней не менее пяти лет. Областной совет должен был избираться из представителей губернских земств, казачьих войск, коренных народов, имеющих национальные организации. Кроме того, треть членов Совета назначалась генерал-губернатором⁸⁹. За основу проекта были взяты принципы английского колониального законодательства. По крайней мере, их предложил использовать при устройстве автономной Сибири Омский союз сибиряков-областников⁹⁰.

Однако даже этот проект, сохранявший за регионом колониальный статус, был отвергнут правыми кругами. Выражая их позиции, новониколаевская «Русская речь» высказалась против Сибирской областной думы, поскольку для ее организации нет благоприятных условий и «опыт первой Сибирской областной думы показал и убедил всех и каждого, что ни в области управления, ни в области Законодательной она не принесла пользы. Не принесет ее она и теперь. Мы полагаем, что созыв ее решительно ничем не вызывается»⁹¹.

По сведениям анонимного автора, летом 1919 г. в Иркутске возникла еще одна областническая организация, никак себя не проявившая, которая состояла из «социалистически мыслящих»

магистров и профессоров только что открытого здесь университета. Они отвергли постулаты «старого либерального областничества» Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, носившего политический характер («требование для Сибири гомруля-самоуправления, Обл. думы и ряда других второстепенных вещей»). Опираясь на теоретическое наследие А. П. Щапова, указанная группа поставило во главу угла областнической теории экономический фактор. «Основываясь на щаповском подходе неособластники заключают», что «капитализм распространился по всему земному шару, но несомненно целый ряд стран (в том числе Сибирь.— *М. Ш.*) еще на долгое время будут поставщиками специализированного сырья в силу своих климатических условий». Эти страны-колонии и должны объединиться в свой «Колониальный Интернационал», который будет являться еще и крестьянским (по социальному составу их населения). «Классовой диктатуры в колониях быть не может. Отсюда форма власти: Свободные Советы представителей (персональных) групп населения, объединенных по принципу общности экономических (производственных) интересов»⁹².

Собственно, на этом можно поставить точку в истории сибирского областничества как некоего, хотя и аморфного, но единого политического объединения, существовавшего в Сибири во время Гражданской войны. С лета 1919 г. наиболее активные представители движения действуют уже самостоятельно, иногда реанимируя лозунг автономии Сибири.

Прежде всего, речь идет о Г. Н. Потанине, которому в 1919 г. исполнилось 84 года. По свидетельству очевидцев, на различных собраниях он большей частью дремал, очень редко выступал и признавался, что тяжело заниматься практической работой. В начале и летом 1919 г. он переболел пневмонией, а в ноябре произошло кровоизлияние в мозг⁹³. В создавшейся ситуации имя и авторитет Потанина могли быть использованы без его ведома. На данное обстоятельство намекали члены Временного Сибирского областного совета в начале января 1918 г. Об этом же сообщал цитированный нами выше А. В. Адрианов. С ним консолидируется В. А. Обручев⁹⁴. И именно против этого выступал В. Я. Шишков, который в письме к В. И. Анучину от 20 марта 1918 г. под-

черкивал: «Встречаетесь ли с Бахметьевым? С дорогим, светлым Григорием Николаевичем? Ради Бога, зачем его путать в политику? Зачем трепать и распинать доброе его имя»⁹⁵.

Есть разные версии относительно реального лица, выполнявшего роль потанинского кукловода. Уже в эмиграции Е. Л. Зубашев писал поэтому поводу, применительно к периоду с 1918 г.: «Григорий Николаевич был настолько слаб, что выявить свое отношение был не в состоянии, но его друг А. В. Адрианов резко за него и за себя отстаивал и своей смертью запечатлел неприемлемость для Сибири идей коммунизма»⁹⁶. В свою очередь В. Д. Славнин, со ссылкой на секретаря идеолога областничества Ф. И. Кузнецова, злым гением называет А. Н. Гаттенбергера, который, «втершись в доверие к больному и растерянному Потанину, оттеснив своего давнего редакционного соперника А. В. Адрианова, во весь мах пустился в политические авантюры. Он принялся ловко спекулировать на огромном авторитете и популярности имени Потанина не только в Сибири, но и вообще в России»⁹⁷. Правда, возникает вопрос: как мог Гаттенбергер, являвшийся с конца 1918 и до конца апреля 1919 г. министром внутренних дел колчаковского Совета министров и бывавший в Томске наездами, от имени Потанина выступать на страницах томской «Сибирской жизни», редактируемой А. В. Адриановым?

На наш взгляд, есть более авторитетные свидетельства по данному вопросу, автором которых является видный большевистский функционер В. Д. Вегман, который в 1918-1919 гг. сидел в томской тюрьме и имел связь с волей. Уже после смерти Потанина он откликнулся на нее большой статьей в органе Сибревкома — газете «Советская Сибирь», которая начиналась с заявления: «Он [Потанин] ушел в могилу, заклеянный как ревностный защитник Колчака и его режима. В действительности же этот приговор над Потаниным требует основательного пересмотра». И далее он связал все контрреволюционные акции, в которых использовалось имя Г. Н. Потанина с деятельностью «потанинского кружка»: «Они приписывали Потанину такие „мнения" и „заявления", которых он никому никогда не высказывал, ибо физически был не в состоянии это сделать, так как не знал, что творится вокруг него. Они печатали за его подписями статьи, которых он никогда не писал и с содержанием

которых не был даже знаком. И напечатанное незадолго до нашего прихода в Сибирь за его подписью заявление о заложничестве, заявление, имевшее целью поддержать дух разваливающейся колчаковской армии, в действительности написано не им и даже без его ведома. Автор этого заявления не кто иной, как редактор „Сибирской жизни" Адрианов, которого томская Чека недавно расстреляла за его контрреволюционную деятельность»⁹⁸. Несколько лет спустя Вегман вновь вернулся к вопросу о причастности Г. Н. Потанина к воззванию и кратко, но категорично повторил: «Обращение было написано и опубликовано без ведома уже не соображавшего в политике дряхлого старца Потанина»⁹⁹.

Наделавшее столько шуму заявление, вернее, воззвание «К оружию, граждане!» за подписью Г. Н. Потанина впервые было опубликовано в газете «Сибирская жизнь» 22 августа 1919 г. «Граждане! — начиналось оно. — Банды большевистские у ворот! Нет, они уже сломали ворота, и озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и огне ворвались в родную Сибирь! Наши войска, наши защитники, сыновья, мужья, отцы — изнемогают в усилиях удержать их. Опасность великая, смертельная грозит стране, нашим семьям, нашему государству! Сдержать или умереть? Иного выхода нет. Мы все должны сознать, должны дружно откликнуться на призыв правительства идти в ряды защитников родины»¹⁰⁰. Обращение не остановило продвижение советских войск в Сибирь, а в конце ноября 1919 г. Потанин вновь почувствовал себя плохо и был помещен в клинику Томского университета.

Часть областников примкнула к оппозиционной по отношению к колчаковскому режиму группировке во главе с генералом Р. Гайдой. Отстраненный от должности командарма, он с группой приверженцев отправился во Владивосток, по пути «зондируя почву у представителей политических партий, земств, городов, кооперации»¹⁰¹. Во время обмена мнениями открыто говорилось о необходимости устранения Колчака и продолжении войны с коммунистами. Чешского генерала поддержали Е. Е. Колосов и бывший председатель Сибирской областной думы И. А. Якушев. Во Владивостоке, опираясь на местный Союз областников-федералистов, заговорщики образова-

ли Комитет содействия созыву Земского собора, в состав которого вошли также видные эсеры В. И. Моравский, А. А. Краковецкий, Н. С. Калашников. Предполагалось начать восстание против Колчака во Владивостоке и распространять его далее на запад. Важную роль в заговоре играл И. А. Якушев, который должен был придать легитимность предполагаемому мероприятию как председатель Сибирской областной думы. Свое право в письме от 25 октября

1919 г. он обосновывал следующим образом: «Дума самораспустилась при определенных условиях, но, распуская себя, она не распустила Комитет Сибирской областной думы (речь идет о комитете, созданном СОД в сентябре 1918 г. для противодействия ВСП — *М. Ш.*), которому она передала всю полноту власти. Эта власть определено может себя выявить в лице председателя Сибирской областной думы»¹⁰².

Вновь «демократическая» контрреволюция попыталась реанимировать Областную думу. Ее председатель допускал возможным «в случае переворота действовать именем Думы и предложить населению Сибири избрать членов на основании существующего Положения о выборах в Сибирскую областную думу с дополнением, принятым Думой о представительстве цензовых групп». Тем не менее переворот формально готовился под лозунгом созыва Земского собора «из представителей земских, городских, казачьих и национальных (бурятских, киргизских и др.) самоуправлений»¹⁰³. Программа заговорщиков была представлена И. А. Якушевым в специальном воззвании (грамоте) от имени председателя несуществующей Сибирской областной думы от 5 сентября 1919 г. В ней на Земский собор возлагалась задача формирования Временного правительства, ответственного перед ним, которое, в свою очередь, должно принять меры к созыву Сибирского Учредительного собрания, отменить реакционные законы колчаковского правительства и ввести основы народовластия для борьбы с большевиками и Колчаком¹⁰⁴. О том, что земцы не собирались прекращать Гражданскую войну, свидетельствует и меморандум Комитета содействия созыву Земского собора, вышедший вслед за «грамотой» и подписанный тем же И. А. Якушевым. В нем заявлялось, что на Собор «возложено предотвратить надвигающуюся катастрофу, поднять престиж власти, предохранить фронт от

дальнейшего разложения и восстановить нормальную деятельность государственных, общественных и экономических организаций и учреждений»¹⁰⁵. К заговору примкнул член бывшей Директории генерал В. Г. Болдырев. В августе он обратился с открытым письмом, в котором формулировал идею «сотрудничества классов» и создания на этой основе прочного политического блока для сохранения «неприкосновенности Сибири»¹⁰⁶.

Утром 17 ноября 1919 г. во Владивостоке над одним из вагонов поезда генерала Р. Гайды был поднят областнический бело-зеленый флаг с красной полосой по диагонали. По городу распространялись выполненные на бело-зеленом фоне листовки от имени Центрального бюро военных организаций Сибири, в которых декларировалась «борьба за свободную Сибирь» и созыв Сибирского Учредительного собрания для воссоздания «единой демократической федеративной России» и свержение власти «верховного правителя»¹⁰⁷. Однако путч в тот же день был подавлен. Попытку использовать идею Земского собора уже в период агонии колчаковщины предпринял председатель Совета министров В. Н. Пепеляев, который направил «верховному правителю» на подпись следующий текст отречения от власти: «В целях подъема усилий народных я, оставляя за собой объединение всех сил, борющихся за Единую Россию, передаю дело борьбы Сибири с большевиками в руки самих сибиряков. Повелеваю Председателю Совета Министров незамедлительно внести в Совет Министров проект закона о Сибирском Земском Соборе с тем, чтобы таковой был созван в самый кратчайший срок. Земский Собор определит временное устройство Сибири и изберет Сибирское правительство»¹⁰⁸.

Еще один из областнических лидеров Г. Б. Патушинский принял активное участие в деятельности иркутского Политцентра, образованного эсерами и меньшевиками в декабре 1919 г. для мирного разложения советской власти, «не принимая неприятельскую армию». Предполагалось вступить в переговоры с коммунистами и, добившись перемирия, «основать в Сибири демократический строй, исходящий из революции, но отвергающий большевизм»¹⁰⁹. 6 января г. Патушинский назначается управляющим ведомством юсти-

ции Временного Совета народного управления Сибири, образованного Политцентром, но в этой должности пробыл до 19 января¹¹⁰.

В конечном счете, именно областники поставили точку в истории Гражданской войны на востоке России со стороны «белого» движения. Созданный по инициативе А. В. Сазонова во Владивостоке «Совет уполномоченных организаций автономной Сибири» всего два дня — 24-25 октября 1922 г. удерживал власть в этом городе¹¹¹. Как заметил Ю. Н. Ципкин, «правительство А. В. Сазонова назвали „пешим“, поскольку оно не смогло найти для себя автомобилей, или „плакатным“, ибо свои указы оно писало на оборотной стороне плакатов, так как все типографии бастовали»¹¹².

В последующем, особенно на завершающем этапе «военного коммунизма» (1920 — первая половина 1921 г.), автономистские лозунги продолжали использоваться антикоммунистическим подпольем в Сибири в ходе вооруженных выступлений в деревне. Исследователи отмечают, что эти выступления происходили под лозунгом «За Советскую власть, но без коммунистов!». Этот лозунг в различной интерпретации был главным в антисоветском движении. Так, ЦК ПСР в циркулярном письме от 25 января 1920 г. предложил «безотлагательно приступить к созыву областного Учредительного Собрания». В течение 1920 г. повстанческое движение в Алтайской губернии выдвигало требования автономии Сибири, созыва Земского собора¹¹³. Во время мятежа в западной части этой губернии, «возвещалось о возможном созыве Учредительного Собрания Сибири, которое определит будущую форму правления»¹¹⁴.

На основании упомянутого циркулярного письма ЦК ПСР в Сибири в 1920 г. стали создаваться «крестьянские союзы». Выступая за свержение диктатуры коммунистов, они декларировали установление «крестьянской диктатуры — истинного народовластия» и созыв Земского Собора Сибири, «в котором крестьянство, представляющее большинство населения, будет иметь подавляющее большинство»¹¹⁵. Следует заметить, что для обоснования лозунга автономии региона эсеровские противники коммунистов пытались использовать факт существования Дальневосточной Республики (ДВР). Для проведения агитации использовались следующие аргументы: «если бы Сибирь была автономной, то все продукты оставались бы в Сибири и

были бы дешевле», «условия жизни гораздо лучше на автономных окраинах»¹¹⁶. Для достижения автономии региона предполагалось после свержения коммунистической диктатуры созвать Сибирское Учредительное собрание. Позднее вместо него планировалось образовать Сибирскую крестьянскую советскую социалистическую республику. Последняя известная нам попытка поднять сибирское крестьянство «под бело-зеленые знамена народной армии» относится к 1923 г.: в Кузнецком уезде от имени «исполнительного вече народной армии» распространялось воззвание с подобным призывом¹¹⁷.

Таким образом, уже в первой половине 1919 г. областники окончательно сходят с политической арены в Сибири. На заключительном этапе агонии колчаковщины, в 1920-1922 гг., их лозунги в различной интерпретации (Земский собор, Сибирское Учредительное собрание, Сибирская крестьянская социалистическая республика и т. д.) используются в антибольшевистской борьбе.

Но активная деятельность сторонников областнического движения, в том числе теоретическая, продолжилась в эмиграции. М. П. Головачев, П. В. Вологодский, И. А. Якушев, И. И. Серебренников, А. В. Сазонов и другие разрабатывали различные аспекты автономии Сибири с учетом уже опыта советского строительства. Причем во всех наработках категорически отвергался сепаратизм. «Мы, сибиряки,— подчеркивал И. К. Окулич,— неоднократно указывали, что ни о каком отделении от России мы не думаем, считаем себя русским людьми, самостийничеству не сочувствуем, но определенно желаем быть хозяевами у себя на родине в Сибири»¹¹⁸. Развивая это положение, А. В. Сазонов в 1923 г. конкретизировал: «Возврата к старому нет. Будущее государственное как Сибири, так и всей России, я мыслю, должно покоиться на областничестве. Сибирь и Европейская Россия естественным порядком делятся по территориальным и национальным признакам на ряд областей, автономных в своих внутренних хозяйственно-экономических и административных делах. Такие автономные области путем федерации образуют из себя союз, во главе которого стоит центральная власть, ведущая общими вопросами, в которых одинаково заинтересова-

ны все области, как-то: армией, финансовой политикой, таможенными сборами, внешними сношениями, железными дорогами, торговлей и промышленностью, высшими судами и образованием взаимоотношений между автономными областями и проч. Давая самую широкую автономию областям, мы требуем от них лишь одного — подчинения местных интересов общесибирским или в будущем общероссийским»¹⁹. Впрочем, тема «областники в эмиграции» фундаментально разработана в монографии Н. Н. Аблажей, к которой мы отсылаем интересующихся этой проблемой.

Примечания

- ¹ ГАНО. Ф. 144, оп. 1, д. 58, л. 12.
² *Казанский П.* Мартовские дни в Барнауле: (Воспоминания участника) // Сиб. рассвет. Барнаул, 1919. № 5. С. 125, 127.
³ *Свободная Сибирь.* Новониколаевск, 1917. 5 марта.
⁴ Там же. 15 марта.
⁵ Там же. 2 апр.
⁶ Там же. 11 апр.
⁷ *Жерновков Гр.* Наша задача момента // Там же. 1917. 28 апр.
⁸ ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 7, л. 82.
⁹ ГАКК. Ф. 865, оп. 1, д. 1, л. 13; *Путь народа.* Томск, 1917. 13 дек.; *Дубровский К. В.* Хорошие признаки // Сибирь. Иркутск, 1917. 15 июня.
¹⁰ *Сиб. жизнь.* Томск, 1917. 17 авг.
¹¹ ГАНО. Ф. 144, оп. 1, д. 55, л. 15.
¹² *Народник.* Иркутск, 1917. 4 нояб.; ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 8, л. 83, 84.
¹³ ГАИО. Ф. 609, оп. 1, д. 8, л. 26.
¹⁴ *Вегман В. Д.* Областнические иллюзии, рассеянные революцией // Сиб. огни. 1923. № 3. С. 94; *Разгон И. М., Бабикова Е. Н.* Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1978. С. 57; *Шиканов Л. А.* Основные условия образования «блока» между отрядами сибирской контрреволюции в период триумфального шествия Советской власти // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 39; *Победа Великого Октября в Сибири.* Томск, 1987. Ч. 1. С. 174.
¹⁵ *Свободная Сибирь.* Красноярск, 1917. 16 мая.
¹⁶ *Потанин Г. Н.* А. Н. Рожков о сибирской автономии // Сиб. жизнь. 1917. 8 авг.

¹⁷ *Сиб. жизнь.* 1917. 4 авг.

¹⁸ *Потанин Г. Н.* К инородческому вопросу // Там же. 14 мая.

¹⁹ *Дубровский К. В.* От идеалов к действительности: (Областническая идея в прошлом и настоящем). Иркутск, 1917. С. 67.

²⁰ *Мейерович А.* Общесибирский съезд и областничество // Иркутская жизнь. Иркутск, 1917. 24 авг.

²¹ ГАКК. Ф. 865, оп. 1, д. 1, л. 14.

²² *Литвинов Н. П.* Лукавым и их братии // Свободная Сибирь. Новониколаевск, 1917. 16 апр.

²³ *Потанин Г. Н.* Областничество и диктатура пролетариата // Сиб. жизнь. 1917. 18 июля.

²⁴ *Изв. Сиб. орг. комитета Сибирской областной думы.* 1917. 8 сент. С. 11.

²⁵ ГАТО. Ф. 552, оп. 1, д. 2, л. 82; оп. 1, д. 1, л. 18.

²⁶ Там же. Д. 7, л. 16; д. 8, л. 6.

²⁷ ГАНО. Ф. п. 5. он. 4, д. 659, л. 6-8.

²⁸ *Голос Сибири.* Новониколаевск, 1917. 20 окт.

²⁹ ГАКК. Ф. 865, оп. 1. д. 1, л. 49.

³⁰ *Свободная Сибирь.* Новониколаевск, 1917. 4 нояб.

³¹ ГАИО. Ф. 609, он. 1, д. 8, л. 82-84.

³² *Сиб. жизнь.* 1917. 25 дек.

³³ Там же. 21 нояб.

³⁴ *Путь народа.* 1918. 1 янв.

³⁵ *Шиловский И. В.* Декабрьский (1917 г.) Сибирский чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2. С. 91.

³⁶ *Адрианов А. В.* С сибирского съезда! // Сиб. жизнь. 1917. 17 дек.

³⁷ ГАНО. Ф. п. 5. оп. 4, д. 659, л. 21.

³⁸ *Сиб. жизнь.* 1917. 15 дек.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 656, л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 143, оп. 1, д. 32. л. 28.

⁴² *Потанин Г. П.* По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // Сиб. жизнь. 1918. 12 янв.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Знамя революции.* Томск, 1918. 4 янв.

⁴⁶ *Адрианов А. В.* Сибирское правительство // Сиб. жизнь. 1918. 5 янв.

⁴⁷ *Иркутская жизнь.* 1917. 29 дек.

- ⁴⁸ *Красный архив*. 1928. № 4. С. 98.
- ⁴⁹ *Пришимье*. Петропавловск, 1918. 21 июля.
- ⁵⁰ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 886, л. 1; *Вольная Сибирь*, Пг., 1917. 17 апр.
- ⁵¹ Цит. по: *Славнин В. Д.* Томск сокровенный. Томск, 1991. С. 265, 266.
- ⁵² *Заря*. Омск, 1919. 3 янв.
- ⁵³ *Адрианов А. В.* К истории переворота // *Сиб. жизнь*. 1918. 5 июля.
- ⁵⁴ *Потанин Г. Н.* По поводу предыдущей статьи // Там же.
- ⁵⁵ *Сиб. жизнь*. 1918. 18 июня.
- ⁵⁶ *Пришимье*. 1918. 21 июня.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 176, оп. 5, д. 120, л. 6.
- ⁵⁸ Там же. Л. 15.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 5871, оп. 1, д. 3, л. 4; ф. 151, оп. 1, д. 7, л. 175.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 151, оп. 1, д. 7, л. 175.
- ⁶¹ Там же. Ф. 5871, оп. 1, д. 92, л. 8.
- ⁶² Там же. Ф. 193, оп. 1, д. 5, л. 93.
- ⁶³ ГАНО. Ф. 144, оп. 1, д. 43, л. 27.
- ⁶⁴ *Народная Сибирь*. Новониколаевск, 1918. 17 июля.
- ⁶⁵ Там же; *Сиб. жизнь*. 1918. 1 авг.
- ⁶⁶ *Сиб. жизнь*. 1918. 27 июля; ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 799, л. 50, 51.
- ⁶⁷ *Сиб. жизнь*. 1918. 24 авг.
- ⁶⁸ Там же. 30, 31 авг.
- ⁶⁹ Подробнее см.: *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 246-291.
- ⁷⁰ ГАНО. Ф. 144, оп. 1, д. 32, л. 14.
- ⁷¹ *Потанин Г. //., Адрианов А. В., Новомбергский Н. Я., Попов В. М.* О конфликте Сибирской областной думы с Временным Сибирским правительством // *Сиб. вестник*. Омск, 1918. 26 окт.
- ⁷² ГАНО. Ф. 144, оп. 1, д. 32, л. 14.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Цит. по: *Ларьков Н. С.* «Прислужником буржуазии я никогда не был, — но другом — да» // *Сиб. старина*. Томск, 1993. № 2. С. 5.
- ⁷⁵ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники, Колчак // *Колчаковщина*. Б. м., 1930. С. 28.
- ⁷⁶ Там же. С. 29.
- ⁷⁷ *Сиб. речь*. Омск, 1919. 22 янв.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 193, оп. 1, д. 5, л. 190, 191.
- ⁸⁰ *Сиб. жизнь*. 1919. 25 июля.

- ⁸¹ *Сиб. зап.* Красноярск, 1918. № 4. С. 82, 88, 89.
- ⁸² ГАКК. Ф. 865, оп. 1, д. 1, л. 87.
- ⁸³ Там же. Л. 93.
- ⁸⁴ Там же. Л. 94.
- ⁸⁵ *Звягин С. П.* Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Красноярск, 2001. С. 45.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 5871, оп. 1, д. 205, л. 25-28.
- ⁸⁷ *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 10.
- ⁸⁸ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 648, л. 2, 3; ГАРФ. Ф. 193, оп. 1, д. 35, л. 1, 2.
- ⁸⁹ *Свободная Сибирь*. Красноярск, 1919. 30 сент.
- ⁹⁰ *Правительственный вестник*. Омск, 1919. 4 сент.
- ⁹¹ *Русская речь*. Новониколаевск, 1919. 23 авг.
- ⁹² ГАНО. Ф. п. 5, оп. 4, д. 1706, л. 1-3.
- ⁹³ *Сиб. жизнь*. 1919, 12 янв.; *Обручев В. А.* Путешествия Г. Н. Потанина. М., 1953. С. 170; ГАРФ. Ф. 193, оп. 1, д. 5, л. 209.
- ⁹⁴ *Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин: Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947. С. 249, 250.
- ⁹⁵ *Сиб. огни*. 1961. № 4. С. 184, 185.
- ⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5869, оп. 1, д. 51, л. 8.
- ⁹⁷ *Славнин В. Д.* Томск сокровенный. С. 266.
- ⁹⁸ *Вегман В. Д.* Григорий Николаевич Потанин // *Сов. Сибирь*. Новониколаевск, 1920. 18 июля.
- ⁹⁹ *Он же*. Областные иллюзии, возрожденные колчаковщиной // *Сиб. огни*. 1923. № 5, 6. С. 142.
- ¹⁰⁰ *Потанин Г. Н.* К оружию, граждане! // *Сиб. жизнь*. 1919. 22 авг.
- ¹⁰¹ ЦДНИИО Ф. 300, оп. 1, д. 704, л. 17.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. 5871, оп. 1, д. 99, л. 47.
- ¹⁰³ Там же. Л. 47, 113.
- ¹⁰⁴ *Шишкин В. И.* Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // *Изв. СО АН СССР*. 1984. № 14. Вып. 3. С. 11; *Красный архив*. 1928. № 6. С. 73.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5871, оп. 1, д. 99, л. 48.
- ¹⁰⁶ *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск. 1983. С. 179.
- ¹⁰⁷ *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество... С. 14, 15.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 195, оп. 1, д. 34, л. 2.

¹⁰⁹ Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири... С. 383.

¹¹⁰ Звягин С. П. Министр юстиции Г. Б. Патушинский. С. 46-48.

¹¹¹ Аблажей Н. Н. Сибирское областничество... С. 40-44; Куцый В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920-1922 гг. Владивосток, 1994. С. 167.

¹¹² Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922). Хабаровск, 1996. С. 170.

¹¹³ Аристов В. С. Местные Колчаки // Красный Алтай. Барнаул, 1920. 1 сент.

¹¹⁴ Богданов М. А. Из истории борьбы против мелкобуржуазной контрреволюции на Алтае в 1920 г. // Уч. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та. 1966. 1. 22. Вып. 1. С. 164.

¹¹⁵ ГАНО. Ф. п. 5, оп. 2, д. 1611, л. 16; *Власть* труда. Иркутск, 1922. 24 мая.

¹¹⁶ *Сов. Сибирь*. 1923. 17 янв.

¹¹⁷ Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919 — 1927). Томск, 1969. С. 120.

¹¹⁸ Цит. по: Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX — начале XX века: Областники. Новосибирск, 1995. Вып. 1. С. 120.

¹¹⁹ Письмо А. В. Сазонова— В. А. Бурцеву. Токио. 17 апр. 1923 г. Hoover Institution Archive. Moravskii V. I. B. 9. F. 60.

Заключение

Факт столь длительного существования сибирского областничества как течения общественно-политической мысли и движения объясняется слабостью социальной, в том числе и политической, дифференциации российского общества второй половины XIX — начала XX в. «У нас вообще социальная дифференциация и символика слаба, в том числе и национально-историческая,— замечал по этому поводу П. Н. Милуков в 1910 г.— Это, однако, уже свидетельствует об элементарности нашей культуры. У нас просто нет — и не было — настоящей, так сказать, густоты междучеловеческого общения и поэтому не выработалось плотной междусоциальной ткани: того переплетения взаимоотношений, на котором могла бы прочно держаться социальная символика»¹. Этим же можно объяснить претензию областников на некое надклассовое, надпартийное выражение интересов всего населения Сибири. «Символ веры русского интеллигента есть благо народа, удовлетворение нужд „большинства“, служение этой цели есть для него высшая и почти единственная обязанность человека»,— констатировал С. Л. Франк в 1909 г.²

В то же время областнические представления в начале XX в. органически вписывались в западноевропейскую концепцию цивилизационного развития. Побывавший в 1913 г. в Сибири известный норвежский ученый и общественный деятель Ф. Нансен вполне естественным считал существование здесь «значительной партии, мечтающей о гомруле; эта партия находит, что для такой обширной страны, как Россия, недостаточно центрального правительства и одной общей Думы, которой приходится ведать все дела, и большие и малые, и которая поэтому не может достаточно вникать в местные интересы отдельных облас-

тей. Для Сибири нужна, по мнению этой партии, особая Дума и особые органы местного самоуправления, обслуживающие исключительно одну Сибирь»³.

Характерной чертой современного положения дел в регионе является своеобразный областнический «ренессанс» (выдвижение требований региональной и территориальной самостоятельности, функционирование Ассоциации сибирских и дальневосточных городов, Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и т. д.). Эту тенденцию, как нам кажется, нужно рассматривать как сочетание двух разнонаправленных тенденций.

С одной стороны, под флагом деидеологизации, экономического и правового нигилизма, сочетающегося с историческим невежеством, в обстановке популистских манипуляций, утопических надежд «на процветание» за счет монопольного обладания отдельными видами сырья (нефть, газ, лес, уголь, цветные металлы, алмазы и т. д.) происходит реанимация положений и лозунгов, имевших хождение в 1917-1920 гг. К сожалению, семьдесят лет нас ничему не научили. В какой-то степени это связано с претензией технократической интеллигенции, малообразованной в гуманитарном плане, номенклатуры и управленцев на руководство обществом любыми средствами. Именно эти круги пытаются использовать козырную карту «защиты региональных интересов». Успокаивает то, что номенклатурному варианту сибирской автономии объективно препятствует стремление отдельных территорий выжить и процветать самостоятельно. Сибиряки сегодня напоминают жадных медвежат из сказки, оказавшихся не в состоянии справедливо разделить головку сыра. В этих условиях ждать консолидации и борьбы за автономию региона придется долго, и надеяться на нее можно лишь при условии всеобщего обнищания и разорения. Нищим и убогим делить нечего.

С другой стороны, в рамках поиска эффективной модели эволюционного перехода от тоталитаризма к демократии и многоукладной экономике наше общество, в очередной раз переболев болезнью радикально-демократической левизны, все равно столкнется с проблемой децентрализации управления громадными территориями. Мы на качественно новом уровне, с учетом многочисленных экономических, национальных, культурных проблем должны осмыслить и найти путь их

решения, делая ставку и на региональную самостоятельность.

Есть два способа управлять такими громадными территориями, как наша страна. Первый — федеративный, при котором большую роль играет местное самоуправление, избранное населением и отчасти контролируемое центром. По этому пути пошли США. Второй путь — централизаторский: сверху донизу — жесткая административная вертикаль, решающая все вопросы и подавляющая местное самоуправление.

Запад пошел первым путем. В России довольно долго (до конца XVII в.) города, окраины, в том числе Сибирь, норовили выбирать воевод, сами управлять своими делами. Однако к началу XVIII в. центр сокрушил старинные вольности и воцарилась сверхцентрализация, усиливающаяся на каждом витке развития России. Поэтому децентрализация, регионализация управления — объективная закономерность процесса реформирования. И история сибирского областничества представляет не просто интерес, но и определенную практическую значимость.

Примечания

¹ Милуков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи: Интеллигенция в России: Сб. статей 1909-1910. М., 1991. С. 347.

² Франк С. Л. Этика нигилизма (1909) // Там же. С. 160.

³ Нансен Ф. В страну будущего (1913). Магадан, 1969. С. 203.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Областники в общественно-политическом движении конца 1850-х—1860-х годов.....	23
§ 1. Формирование мировоззрения сторонников движения и их участие в общественно-политической жизни конца 1850-х — начала 1860-х гг.....	-
§ 2. Оформление программы движения в первой половине 1860-х гг..	37
§ 3. Деятельность областников в Сибири. Следствие и суд.....	51
Глава 2. Сибирское областничество в 1870-х— первой половине 1890-х гг....	75
§ 1. Основные направления эволюции движения.....	-
§ 2. Областная концепция развития региона в 1870-х — первой половине 1890-х гг.....	97
Глава 3. Областничество на рубеже веков (середина 1890-х гг.-1904 г.).....	127
§ 1. Областники и вопросы социально-экономического развития региона.....	—
§ 2. Попытки приспособления программных положений движения к условиям интенсивного развития рыночных отношений в Сибири.....	141
Глава 4. Областники в революции 1905-1907 гг.	153
§ 1. Кардинальное обновление программы движения в период Первой русской революции.....	-
§ 2. Попытка создания Сибирского областного союза.....	161
§ 3. Взаимоотношения сторонников движения с орга- низациями политических партий и общественными группировками в 1905—1907 гг.	166
Глава 5. Сибирское областничество в межреволюционный период (июнь 1907— февраль 1917 г.).....	181
§ 1. Основные тенденции эволюции областничества в 1907-1917 гг.....	-
§ 2. Концепция социально-экономического развития Сибири в работах сторонников движения начала XX века.....	194
§ 3. Областники и внутренняя жизнь региона в межреволюционный период.....	202
Глава 6. Сибирское областничество в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг.....	219
§ 1. Областники в 1917 году.....	-
§ 2. Сибирские областники в период «демократической» контрреволюции (февраль— ноябрь 1918 г.).....	237
§ 3. Сибирские областники в период колчаковщины и завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке (ноябрь 1918— ноябрь 1922 г.).....	246
Заключение.....	265

М. В. Шиловский

**Сибирское областничество в общественно-
политической жизни региона во второй половине
XIX — первой четверти XX века**

**Корректор Бибина А. В. Технический редактор
Денисова М. В. Обложка Далецкая Ю. А.**

Подписано в печать 13.12.2007. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 17,0 сел. печ.
л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № 102-07.
Издательский дом «Сова»
630060, Новосибирск, 60, а/я 58.
Тел./факс: (383) 332-48-45 E-mail: id sova{a}.mail.ru
Типография ИД «Сова» 630060, Новосибирск, Зеленая
горка, 1